

Бестселлер New York Times

Стефани Лэнд

УБОР ЩИЦА

История матери-одиночки,
вырвавшейся из нищеты

Бестселлер New York Times

Стефани Лэнд

УБОР ЩИЦА

История матери-одиночки,
вырвавшейся из нищеты

Стефани Лэнд

**Уборщица. История матери-
одиночки, вырвавшейся из
нищеты**

Stephanie Land

Maid: Hard Work, Low Pay, and a Mother's Will to Survive

© 2019 by Stephanie Land

© Ирина Голыбина, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление, ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

* * *

*Мие:
Спокойной ночи
Я тебя люблю
Увидимся утром
Мама*

Я поняла, что зарабатывать на жизнь не то же самое, что жить.

Майя Анджелоу

Предисловие. Добро пожаловать в мир Стефани Лэнд

Прежде чем приступать к чтению книги, вам придется отбросить стереотипы в отношении помощниц по хозяйству и матерей-одиночек, равно как и созданный прессой образ низшего класса, которые могут у вас быть. Стефани трудолюбивая и «сообразительная» – слово, которое представители элиты используют по отношению к людям без образования, внезапно проявляющим свой интеллект. Ее мемуары – это книга о матери, пытающейся обеспечить достойную жизнь и дать надежный дом своей дочке, Мие, выживая при этом на крохи, перепадаящие ей в виде нескольких пособий, и прискорбно низкий заработок уборщицы.

Мысль о домработницах и помощницах по хозяйству до сих пор вызывает в памяти нечто аристократическое – чайные сервизы, накрахмаленные передники, Аббатство Даунтон. Но на самом деле эта работа полна грязи и дерьма. Уборщики вычищают из стоков лобковые волосы, копаются в нашем грязном белье – в буквальном и переносном смысле. При этом они остаются невидимыми – в том числе и для государства, либо же на них смотрят свысока. Я знаю об этом, потому что на короткое время примерила на себя их жизнь, когда писала книгу *Nickel and Dimed* («Те, на ком экономят»). В отличие от Стефани, я всегда могла вернуться к своей гораздо более приятной жизни писательницы. И, в отличие от нее, не должна была на те микроскопические заработки содержать ребенка. Мои дети к тому времени уже выросли и не собирались жить со мной в трейлерах ради какого-то сумасшедшего писательского эксперимента. Поэтому я хорошо знаю, что это за работа – убирать чужие дома. Я знакома с отчаянной усталостью, знакома с неодобрительными взглядами окружающих: их не раз на меня бросали, если я появлялась в форменной рубашке с логотипом «Уборка Интернэшнл» на публике. Но мне все равно не постичь степени тоски и отчаяния, которые испытывали мои коллеги. Как Стефани, многие из них были матерями-одиночками, убиравшими в чужих домах, чтобы как-то

выжить, которые целый день волновались за своих детей, оставленных не в лучших условиях, потому что им надо было идти на работу.

Надеюсь, вам повезет никогда не оказаться в мире Стефани. В ее книге отлично описано, что правит этим миром – нищета. Там никогда нет денег, а порой даже еды; основу рациона составляют арахисовое масло и быстрая лапша; выход в «Макдоналдс» приравнивается к празднику. В этом мире нет ничего надежного – ни машин, ни мужчин, ни жилья. Продуктовые купоны – важнейший фактор выживания, но по последнему законодательству человек должен работать, чтобы их получать, что только усложняет ситуацию. Без правительственной поддержки этим людям, в одиночку растящим детей, просто не выжить. Это не подачка. Как и все мы, они тоже хотят иметь надежную опору.

Пожалуй, самым болезненным в этом мире является враждебность со стороны обеспеченных кругов. Классовые предрассудки, особенно касающиеся представителей физического труда, заставляют людей верить, что они уступают, в моральном и интеллектуальном плане, тем, кто сидит за офисным столом в элегантном костюме. В супермаркете другие покупатели с осуждением заглядывают к Стефани в тележку, когда она платит продуктовыми купонами. Пожилой мужчина едко замечает: «Не благодарите!» – как будто он лично оплатил ее покупки. И это – не единичный случай, потому что такой менталитет глубоко укоренился в нашем обществе.

История Стефани вполне могла бы закончиться полным крахом. Только представьте себе физическое истощение, наступающее после шести-восьми часов работы, когда тебе приходится сдвигать мебель, пылесосить и мыть полы. В клининговой компании, где работала я, у всех моих коллег в возрасте от девятнадцати лет и старше были те или иные нейромышечные проблемы: боли в спине, травмы запястий, повреждения колен или щиколоток. Стефани борется с болью, принимая лошадиные дозы ибупрофена. В какой-то момент она с завистью смотрит на флакон с опиумным обезболивающим, стоящий в ванной у клиента, но лекарства по рецепту ей недоступны, как и массаж, физиотерапия или консультация у специалиста по болям.

Ну и, конечно, к физическому истощению, вызванному работой, присоединяется истощение психологическое, обусловленное эмоциональными трудностями. Она – пример той самой «гибкости»,

которую психологи рекомендуют беднякам вырабатывать в себе. Столкнувшись с препятствием, она придумывает, как его преодолеть. Но иногда количество этих препятствий превышает ее возможности. Единственное, что заставляет Стефани держаться, – это безграничная любовь к дочери, любовь, являющаяся единственным светлым пятном в ее истории.

Я вряд ли разрушу интригу, если скажу, что у книги – хороший конец. За годы борьбы, о которой рассказывается на ее страницах, Стефани не утратила желаний стать писательницей. Мы познакомились с ней несколько лет назад, когда она только начинала писательскую карьеру. Я являюсь, помимо прочего, основателем Проекта по наблюдению за экономическими проблемами общества – организации, поддерживающей журналистов, которые пишут об экономическом неравенстве, в особенности людей, которые сами борются за выживание. Стефани направила нам запрос, и мы тут же ухватились за нее, начав разрабатывать ее идеи, править черновики и публиковать ее статьи в лучших СМИ, где только могли, включая *Нью-Йорк Таймс* и *Книжное обозрение*. Она – именно тот человек, для которого создавался наш фонд: писательница из рабочего класса, которая нуждалась лишь в некоторой поддержке, чтобы начать свою карьеру.

Если эта книга произведет на вас впечатление – что практически неизбежно, – вспомните, как близка она была к тому, чтобы никогда не увидеть свет. Стефани могла сдаться перед лицом отчаяния и физического переутомления, могла получить тяжелую травму на работе и стать инвалидом. Вспомните о женщинах, которые по схожим причинам никогда не расскажут свою историю. Стефани напоминает нам, что их – миллионы, и каждая из них – героиня. И все они ждут, что мы их услышим.

Барбара Эренрейх

Часть первая

Домик

Моя дочь сделала свои первые шаги в приюте для бездомных.

Это случилось в июне, за день до ее первого дня рождения. Я присела на протертый диванчик со старенькой цифровой камерой в руках, чтобы снимать, как она пойдет. Спутанные волосы и полосатая пижамка контрастировали с выражением сосредоточенного упорства в ее карих глазах, пока она то поджимала, то расправляла пальчики на ногах, стараясь удержать равновесие. Я старалась заснять все: перевязочки у нее на щиколотках, пухлые ножки и кругленький животик. Что-то лепеча, она двинулась мне навстречу, босиком по плиточному полу. В плитку намертво въелась многолетняя грязь. Сколько я ее ни скребла, мне не удавалось оттереть пол дочиста.

Это была последняя неделя нашего трехмесячного пребывания в поселении на севере Порт-Таунсенда, построенного местными властями для бездомных. Дальше нам предстояло переехать в «переходное жилье» – старый, обветшавший многоквартирный комплекс с цементными полами. Домик, хоть мы и жили в нем временно, мне как-то удалось обустроить, хотя бы ради дочки. Диванчик я застелила желтым покрывалом, чтобы немного разбавить белизну стен и серые полы и привнести хоть что-то яркое и радостное в наше унылое существование.

Возле входной двери у нас висел небольшой календарь. Там я отмечала даты встреч с социальными работниками из разных организаций, у которых могла попросить помощь. Я готова была рыть носом землю, обращаться в какие угодно учреждения, стоять в бесконечных очередях с другими такими же людьми, таскавшими за собой потрепанные папки с документами, чтобы доказать, что у них нет денег. Удивительно, сколько требовалось бумаг, чтобы подтвердить простой факт: я – нищая.

Нам нельзя было принимать гостей и загружать домик вещами. Все наше имущество умещалось в одну сумку. У Мии была корзинка с игрушками. У меня – тонкая стопка книг, которые я расставила на шатком стеллаже, отделявшем жилую зону от кухни. В кухне стоял круглый стол, к которому я прикрепила подвесное детское сиденье для

Мии и стул, на котором я сидела, глядя, как она ест, и пила кофе, чтобы заглушить голод.

Наблюдая за тем, как Мия делает свои первые шаги, я старалась не обращать внимания на зеленую коробку у нее за спиной: там хранились судебные бумаги, копившиеся в ходе тяжбы за опеку с ее отцом. Я старалась сосредоточиться на дочери: улыбалась ей, словно все у нас было в порядке. Разверни я камеру, я не узнала бы сама себя. На редких фото, где я попадала в кадр, был словно кто-то другой: я исхудала, как никогда в жизни. Я работала садовником, сдельно – по несколько часов в неделю подрезала живые изгороди, сражалась с разросшейся ежевикой и выдергивала стебельки травы оттуда, где ей расти не полагалось. Иногда я мыла полы и туалеты в домах моих знакомых, знавших, насколько отчаянно я нуждаюсь в заработке. Они не были богаты, но в смысле финансов имели «подушку безопасности», в отличие от меня. Месяц без работы мог доставить им определенные трудности, но не стал бы причиной переезда в приют для бездомных. У них были родители или другие родственники, которые могли выручить деньгами и предотвратить подобное развитие событий. У нас не было никого. Мы остались вдвоем – Мия и я.

В заявлении на предоставление бесплатного жилья, в графе о целях на следующие несколько месяцев, я написала, что постараюсь наладить отношения с отцом Мии, Джейми. Мне казалось, если я приложу усилия, мы сможем помириться. Иногда я представляла себе, что мы будем нормальной семьей – мать, отец и хорошенькая дочка. Я цеплялась за эти мечты, как за веревку, привязанную к воздушному шару. Этот шар должен был перенести меня через воспоминания о побоях Джейми и о тяготах жизни матери-одиночки. Если как следует за него держаться, я взлечу выше всего этого. Если постоянно представлять, какую семью я хочу, можно сделать вид, что ничего плохого не случилось, как будто эта жизнь – лишь временный этап, а не все наше будущее.

На день рождения я подарила Мие новые туфельки. Деньги на них пришлось откладывать целый месяц. Они были коричневые, с вышитыми голубыми и розовыми птичками. Я разослала всем приглашения на праздник, как обычная мама, и позвала Джейми, будто мы были обычными родителями. Мы расположились за столом для пикника с видом на океан, на травянистом холме в парке

Четземока в Порт-Таунсенде, городке в штате Вашингтон, где тогда жили. Улыбающиеся гости сидели на пледах, которые принесли с собой. Я купила лимонад и кексы, потратив на них продуктовые купоны, которые оставались у меня до конца месяца. Мой отец и дед ехали по два часа из разных концов штата, чтобы присутствовать на празднике. Пришли мой брат и еще несколько друзей. Один захватил гитару. Я попросила подругу сфотографировать нас с Мией и Джейми, поскольку нам очень редко случалось оказаться вместе вот так, втроем. Я хотела, чтобы у Мии было что вспомнить о своем детстве. Но Джейми на снимках выглядел скучающим и раздраженным.

Моя мать с нынешним мужем, Уильямом, прилетела из Лондона, или из Франции, или еще откуда-то, где они жили на тот момент. На следующий день после праздника они явились – нарушив запрет на прием гостей в приюте для бездомных, – чтобы помочь мне с переездом в «переходное» жилье. При виде их нарядов я разве что покачала головой: Уильям облачился в обтягивающие черные джинсы, черный пуловер и черные ботинки, а мама в черно-белое полосатое платье, подчеркивавшее ее внушительный зад, черные легинсы и кеды «Конверс». Они выглядели так, будто пришли выпить кофе, а не заниматься переездом. До этого никто не видел, в каких условиях нам приходится жить, но при этом вторжении британского акцента и европейских мод наш домик – наше скромное пристанище – показался мне еще более жалким.

Уильям не смог скрыть своего удивления при виде моей единственной спортивной сумки, с которой мы переезжали. Он взял ее и вышел на улицу, мама последовала за ним. Я обернулась, чтобы в последний раз окинуть взглядом наш пол, наши тени – вот я читаю книгу, сидя на протертом диванчике, а Мия копается в корзинке с игрушками, вот она сидит в выдвижном ящике двуспальной кровати... Я радовалась тому, что уезжаю. Но на короткий момент мне вспомнилось все, что мы пережили здесь, и я со смешанным чувством горечи и счастья попрощалась с местом, с которого начался наш путь.

Половина обитателей нашего нового дома, построенного по программе «Переходного жилья для малообеспеченных семей», переехала, как мы, из приютов для бездомных; вторую же половину составляли те, кого только-только выпустили из тюрьмы. Считалось,

что по сравнению с приютом это шаг вперед, но я сразу же затосковала об уединенности нашего домика. Здесь, в многоквартирном здании, мое печальное положение было очевидно для всех, включая меня саму.

Мама и Уильям стояли у меня за спиной, пока я возилась с дверью. Я билась с замком, вставляя ключ то так, то эдак, пока он, наконец, не повернулся. «Зато так просто не взломаешь», – пошутил на это Уильям.

Мы вошли в узкий коридорчик; входная дверь располагалась точно напротив ванной. Я увидела ванну, в которой мы с Мией смогли бы мыться вместе, – роскошь, которой до этого мы были лишены. Справа находились две спальни. В каждой имелось окно, выходящее на дорогу. Кухня была настолько крошечной, что дверца холодильника, когда ее открывали, задевала шкафчик, стоявший напротив. Я прошла по белой плитке, напомнившей мне полы в приюте, и распахнула дверь на небольшой балкончик. Его ширина едва-едва позволяла сесть и вытянуть ноги.

Джули, социальный работник, показывала мне квартиру в ходе короткого осмотра два месяца назад. Семья, занимавшая ее последней, прожила там два года, максимально возможный срок. «Вам повезло, что квартира освободилась, – сказала Джули. – Особенно с учетом того, что из приюта вам пора выезжать».

При нашей с ней первой встрече я сидела напротив Джули, по другую сторону стола, и, запинаясь, пыталась отвечать на вопросы о том, каковы мои планы на будущее и как я собираюсь организовать жизнь, свою и ребенка. Как я обеспечу нам финансовую стабильность? Какой работой могу заниматься? Джули, похоже, понимала мое замешательство и предлагала свои варианты. Единственной возможностью, по сути, являлся переезд в социальное жилье. Проблема заключалась в том, чтобы найти что-то свободное. Юристы из Центра по защите жертв домашнего насилия и преступлений на сексуальной почве держали свой приют для пострадавших, которым некуда было идти, но мне повезло, что власти смогли изыскать для меня отдельное жилье и решение относительно финансов.

В ту нашу первую встречу мы с Джули прошлись по четырехстраничному списку жестких правил, которые я должна была

принять, чтобы заселиться.

Постояльцы согласны, что это временное убежище, а НЕ постоянный дом.

АНАЛИЗ МОЧИ может быть затребован в любое время без предварительного уведомления.

Посещение гостями НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.
НИКАКИХ ИСКЛЮЧЕНИЙ.

Джули ясно дала понять, что ко мне в любой момент могут наведаться проверяющие, чтобы убедиться, что я соблюдаю «гигиенический минимум», то есть мою посуду, не бросаю еду на столе и протираю полы. Я дала согласие на анализы мочи и проверки без предупреждения, а также на комендантский час с десяти вечера. Проживание гостей без предварительного согласования категорически запрещалось; при согласовании оно допускалось не более чем на три дня. О любых переменах в моем материальном положении мне следовало немедленно уведомить социальную службу. Каждый месяц я должна была в деталях отчитываться, откуда ко мне поступают деньги и как и на что я их трачу.

Джули всегда держалась приветливо и улыбалась мне, пока мы разговаривали. Мне повезло, что она не напускала на себя равнодушный утомленный вид, свойственный другим социальным работникам в государственных организациях. Она относилась ко мне по-человечески и, сидя напротив, время от времени поправляла выбившуюся из-за уха прядку медно-рыжих волос. Однако у меня не шли из головы ее слова о том, что мне «повезло». Я, честно говоря, так не считала. Конечно, я испытывала благодарность. Безусловно. Но о везении речь все-таки не шла. Нет, раз мне предстояло переехать в дом, правила которого так и кричали о том, что я – наркоманка, грязнуля и так опустилась, что мне не обойтись без принудительного комендантского часа и анализов мочи.

Нищета, жизнь в бедности сильно смахивали на досрочно-условное освобождение – а преступление мое состояло в отсутствии средств к существованию.

Уильям, я и мама не торопясь носили по лестнице вещи из грузовичка, который мне пришлось арендовать, к дверям моего нового жилища на втором этаже. Мы забрали их из хранилища, которое снял для меня отец, когда я переселялась в домик. Мама и Уильям выглядели такими нарядными, что я предложила им футболки, чтобы переодеться, но они отказались. Мама всегда, сколько я ее помню, была очень полной, за исключением периода развода с моим отцом. Она утверждала, что похудела благодаря диете Аткинса. Отец, однако, позднее обнаружил, что причиной ее внезапного увлечения спортзалом были не тренировки, а новый роман, в сочетании с непреодолимым желанием избавиться, наконец, от обязанностей матери и жены. Мамино преобразование стало своего рода освобождением, переходом к жизни, о которой она всегда мечтала, принося себя в жертву ради семьи. Мне же казалось, что ее подменили на какую-то незнакомку.

Той весной мой брат Тайлер закончил школу, родители развелись, и мама переехала в отдельную квартиру. Ко Дню благодарения она сократилась примерно вполовину и отпустила длинные волосы. Мы с ней пошли в бар, где она у меня на глазах целовалась с парнями примерно моих лет, а потом вырубилась на диванчике между столами. Мне было ужасно неловко, но со временем это чувство переродилось во что-то вроде ощущения утраты, с которым я никак не могла справиться. Я хотела, чтобы мама вернулась назад.

Папа на некоторое время полностью растворился в новой семье. Женщина, с которой он начал встречаться сразу после развода, оказалась крайне ревнивой; у нее было трое сыновей. Она не хотела, чтобы я у них появлялась. «Поступай как знаешь», – сказал мне отец, когда мы с ним встретились за завтраком в ближайшей к их дому закусочной.

Мои родители продолжали жить; я же эмоционально осиротела. Я поклялась никогда настолько не отдаляться от Мии – ни физически, ни душой.

Теперь, глядя на маму, замужем за англичанином всего на семь лет старше меня, я обратила внимание, что она располнела гораздо сильнее, чем когда-либо, так, что испытывала явственный дискомфорт от нахождения в собственном теле. Я не могла удержаться и не рассматривать ее, пока она, стоя передо мной, что-то вещала с

наигранным британским акцентом. Прошло, наверное, лет семь с тех пор как она переселилась в Европу, и за эти годы я видела ее считанные разы.

Примерно на половине процесса разгрузки мама начала поговаривать о том, что не отказалась бы от гамбургера. «И стаканчика пива», – добавила она, когда мы в следующий раз столкнулись с ней на ступеньках. Время едва перевалило за полдень, но она чувствовала себя «на каникулах», а это означало, что выпить можно и пораньше. Она предложила пойти в «Сирену», бар с террасой, расположенный неподалеку. Я сплотнула слюну. Уже много месяцев я не могла себе такого позволить.

– Мне потом работать, но я сходила бы с вами, – сказала я. Раз в неделю я убирала детский сад, где работала моя знакомая, получая за это сорок пять долларов. Еще мне предстояло вернуть грузовичок и забрать Мию у Джейми.

В тот день мама решила избавиться от кое-каких собственных вещей: старых фотографий и сувениров, которые хранила у друзей в гараже. Она притащила их мне – в качестве подарка. Я приняла коробки радостно, охваченная ностальгией, как свидетельство нашей прошлой общей жизни. Мама сохранила все мои школьные портреты и все фото в костюмах на Хеллоуин. Вот я с моей первой пойманной рыбой. С букетами после школьного мюзикла. Мама неизменно присутствовала в зрительном зале – поддерживала меня, улыбалась и снимала на камеру. Теперь, находясь в моей квартире, она обращалась со мной просто как с еще одним взрослым, равным себе, а я чувствовала себя потерянной, как никогда. Мне нужна была семья. Нужно было, чтобы меня обнимали, утешали, говорили, что все будет хорошо.

Когда Уильям отошел в туалет, я присела рядом с мамой на пол.

– Привет! – улыбнулась я.

– Что? – ответила она, словно я что-то у нее попросила. Мне всегда казалось, она боится, что я обращусь к ней за деньгами, но я ни разу не обратилась. Они с Уильямом вели безбедное существование в Европе: его квартиру в Лондоне сдавали, а сами жили в коттедже близ Бордо, во Франции, часть которого превратили в отельчик.

– Я подумала, может, нам стоит больше времени проводить вместе? – спросила я. – Только вдвоем?

– Стеф, думаю, это будет немного неуместно.

– Почему? – Я инстинктивно выпрямилась.

– Потому что, если ты хочешь проводить время со мной, тебе придется принять тот факт, что и Уильям будет с нами тоже, – ответила она.

В этот момент Уильям как раз вышел из ванной, громко сморкаясь в носовой платок. Она схватила его за руку и поглядела на меня, многозначительно вздернув брови, словно гордилась тем, как успешно установила между нами границы.

Ни для кого не являлось секретом, что мне не нравится Уильям. Когда пару лет назад я навещала их во Франции, мы с ним поссорились, из-за чего мама так расстроилась, что пошла плакать в машину. В этот раз я решила попытаться наладить между нами отношения. И дело было не в том, что я нуждалась в ком-то, кто помог бы мне растить Мию; в первую очередь, мне хотелось снова иметь маму – человека, которому я могла доверять и который любил бы меня, несмотря на то, что я живу в приюте для бездомных. Если бы у меня была такая мать, с которой можно поговорить, она объяснила бы, что со мной происходит, облегчила бы мою ношу, помогла бы не винить себя во всех смертных грехах. Очень сложно – с учетом всей степени моего отчаяния – добиваться внимания от собственной матери. Вот почему я смеялась, когда Уильям отпускал свои шуточки. Улыбалась, когда он язвил насчет американской речи. Никак не комментировала мамин вновь приобретенный британский акцент и тот факт, что она держалась аристократкой, как будто ее мать, моя бабушка, не вываливала ей в детстве на тарелку консервированные фрукты, полив их сливками из баллончика.

Мама с папой выросли в разных частях округа Скаджит, известного своими тюльпановыми полями – примерно в часе езды к северу от Сиэтла. Их семьи испокон века жили в бедноте. Папина родня обитала на лесистых берегах озера Клир. Ходили слухи, что многие из них подпольно гнали виски. Мама родилась немного дальше, в долине, где фермеры растили на полях горошек и шпинат.

Бабушка с дедушкой были женаты больше сорока лет. Я до сих пор помню их дом – бывший трейлер, стоявший в лесу близ речки. Пока родители работали, они присматривали за мной. Дедушка делал нам на обед бутерброды с майонезом и маслом. Денег у них совсем не

было, но мои воспоминания о родителях матери наполнены любовью и теплотой: вот бабушка помешивает на плите консервированный томатный суп, держа в руке банку с газировкой; она стоит на одной ноге, а второй упирается в колено, как фламинго, и рядом в пепельнице дымится очередная сигарета.

Позднее они переехали в город, в старый дом в предместьях Анакортса, который с годами пришел в такой упадок, что стал практически непригоден для жизни. Дедушка работал агентом по недвижимости и заскакивал домой между деловыми встречами: он врывался в дверь с неперемной игрушкой для меня, подобранной где-нибудь или выигранной в автомате.

В детстве, если я не гостила у них, то звонила бабушке по телефону. Я болтала с ней часами, и среди фотографий, где мне четыре-пять лет, попадаетея немало таких, на которых я стою в кухне с большой желтой телефонной трубкой возле уха.

Бабушка страдала параноидной формой шизофрении, и со временем разговаривать с ней стало невозможно. Она впала в помешательство. В последний раз, когда мы с Мией их навещали, я принесла большую пиццу, которую купила на продуктовые купоны. Бабушка, с подведенными черным глазами и ярко-розовой помадой на губах, весь этот визит продержала нас на пороге, где она стояла, куря сигарету за сигаретой. Только когда вернулся дед, мы смогли зайти в дом и поесть. Однако тут бабушка объявила, что не голодна, и обвинила деда в том, что он крутит романы у нее за спиной – и даже флиртует со мной, их внучкой.

Однако к Анакортсу относятся мои лучшие детские воспоминания. Хотя связи с семьей становились все слабее, я всегда рассказывала Мие о бухте Боуман и перевале Десепшн – расселине в океане, отделяющей Фидальго от острова Уиндбей, куда мы с отцом выбирались в походы. Этот маленький уголок штата Вашингтон, с вековыми хвойными и земляничными деревьями, был единственным местом, которое я могла считать своим домом. Я знала в нем каждую тропку, помнила особенности океанских течений, вырезала свое имя на красно-оранжевом стволе земляничного дерева и могла точно указать, где оно растет. Приезжая в Анакортс навестить родных, я обязательно отправлялась на пляж под мостом Десепшн и

возвращалась домой по длинной дороге, через Розарио-Роуд, мимо больших вилл на утесах.

Я скучала по семье, но утешалась тем, что мама и бабушка продолжали неизменно созваниваться каждое воскресенье. Мама звонила отовсюду, где бы ни находилась. Меня радовал тот факт, что она, хоть больше мне и не принадлежала, все-таки помнила о нас, оставленных где-то позади.

Когда в «Сиренах» нам принесли счет, мама заказала еще одно пиво. Я посмотрела на время. Надо было заложить два часа на уборку в детском саду, прежде чем забирать Мию. Понаблюдав еще минут пятнадцать за тем, как мама и Уильям развлекаются, пересказывая друг другу сплетни об их соседях во Франции, я решила, что мне пора.

– О, – воскликнул Уильям, вздернув брови. – Мне позвать официантку, чтобы ты заплатила за ланч?

Я уставилась на него.

– Вообще-то нет.

Мы смотрели друг на друга в каком-то ступоре.

– У меня нет денег. Мне нечем платить.

Конечно, мне стоило бы угостить их ланчем, раз уж они приехали и помогли мне с вещами, но они, вроде как, считались моими родителями. Мне захотелось им напомнить, что они только что перевезли меня из приюта для бездомных, но я не стала – вместо этого я с умоляющими глазами повернулась к маме.

– За пиво я могу заплатить своей кредиткой, – предложила она.

– У меня на счету всего десять долларов, – сказала я. В горле у меня разрастался ком.

– Бургер стоил дороже, – отрезал Уильям.

Он был прав. Бургер стоил 10 долларов 59 центов. Я заказала еду, заплатив за которую, осталась бы с двадцатью восемью центами на карте. Мне стало ужасно стыдно. Ощущение торжества, с которым я жила весь этот день, когда покинула приют, растаяло как дым. Я не могла себе позволить чертов бургер!

Я посмотрела на маму, на Уильяма, потом извинилась и пошла в туалет. Нет, мне не хотелось писать. Мне хотелось плакать.

Я взглянула на свое отражение в зеркале: тощая, как скелет, в футболке детского размера и джинсах в обтяжку, которые я подвернула на щиколотках, чтобы не было видно, что они мне коротки. Я была этой женщиной в зеркале – выбивавшейся из сил на работе, но все равно без денег, женщиной, не способной заплатить за обед. Часто я уставала так, что не могла есть, и много раз, сидя за столом, просто смотрела, как Мия подносит ложку ко рту, благодаря Бога за то, что она не останется голодной. Я выглядела иссохшей, жилистой, и все, что мне оставалось, – рыдать в туалете.

Много лет назад, когда я размышляла о своем будущем, бедность казалась мне невыносимой, совершенно чуждой моей реальности. Я никогда не думала, что дойду до такого. Но теперь, после разрыва с Джейми и рождения ребенка, моя реальность стала именно такой, и я не знала, как выбраться из нее.

Когда я вернулась, Уильям по-прежнему сидел с раздутыми ноздрями, как миниатюрный дракон. Мама, наклонившись к нему, что-то шептала, а он неодобрительно качал головой.

– Я могу заплатить десять долларов, – сказала я, садясь за стол.

– Хорошо, – согласилась мама.

Я не ожидала, что она примет мое предложение. До зарплаты было еще далеко. Я покопалась в сумочке и достала кредитку. Подписав чек, я поднялась и сунула карточку в задний карман джинсов, на ходу обняла маму на прощание и пошла к выходу. Стоило мне отойти на пару шагов, как Уильям воскликнул:

– Это же надо, так нами распоряжаться!

Трейлер

На Рождество 1983 года родители подарили мне «Куклу из капусты». Мама несколько часов простояла в очереди в игрушечный магазин перед открытием. Управляющие магазина удерживали покупателей бейсбольными битами, чтобы толпа не снесла прилавки. Мама растолкала локтями других людей, как в регби, и схватила с полки последнюю коробку, на которую уже нацелилась какая-то женщина. По крайней мере, так она мне сказала. Я слушала с широко распахнутыми глазами, в восторге от того, что она билась за меня. Моя мама, мой герой. Чемпионка. Дарительница самой желанной куклы в мире.

Рождественским утром «Кукла из капусты» сидела у меня на коленях. У нее были короткие кудрявые светлые волосы и зеленые глаза. Я встала перед мамой, подняла правую руку и произнесла торжественную клятву: «Я познакомилась со своей «Куклой из капусты» и знаю, как с ней обращаться, поэтому обещаю, что стану хорошей мамой для Анжелики Мари». Потом я подписала бумаги об удочерении – отличительный атрибут «Куклы из капусты». Она должна была пропагандировать семейные ценности и приучать детей к ответственности. Когда я получила свидетельство о рождении своей куклы с моим именем, напечатанным на нем, мама заключила нас с Анжеликой, которую я по этому случаю тщательно умыла и принарядила, в восторженные объятия.

Сколько себя помню, я всегда хотела стать писательницей. С детства я писала истории и с головой уходила в книги, считая их лучшими друзьями. Моими любимыми днями были те, когда шел дождь, и я начинала новую книгу утром в кофейне, а заканчивала ее поздно вечером в баре. В наше первое с Джейми лето, когда мне было уже за двадцать, я получила из Университета Монтаны в Миссуле программу курса «писательское мастерство». Я уже представляла себе свои будущие фото: как я гуляю где-то на просторах Монтаны, – а сверху цитата из Стейнбека, из «Путешествия с Чарли», нацарапанная на глянцевого фотобумаге: «...но Монтана – это любовь», как он

коротко написал. Именно эти слова так манили меня в «край широкого неба», в Монтану, в поисках нового дома и нового этапа в жизни.

Я познакомилась с Джейми по дороге домой из бара, куда мы с коллегами любили заглянуть после смены. Было около полуночи, в траве громко распевали цикады. Я обвязала толстовку с капюшоном вокруг талии, чтобы не слишком вспотеть, пока танцую. Теперь я натянула ее, предвкушая долгое неспешное возвращение домой на велосипеде. Мои рабочие брюки спереди были забрызганы эспрессо – я работала в кафе; во рту еще ощущалось послевкусие от виски.

Наслаждаясь живительной прохладой, я услышала приглушенный звук гитары откуда-то со скамьи из парка и неповторимый голос Джона Прайна. Я стояла, пытаюсь разобрать песню, и тут увидела парня, который сидел с MP3-плеером и переносной колонкой на коленях. В красном легком пальто и коричневой шляпе он сидел, наклонившись вперед, и тихонько кивал головой в такт музыке.

Недолго думая, я опустилась на скамейку рядом с ним. Виски все еще будоражило мне кровь.

– Привет, – поздоровалась я.

– Привет, – отозвался он, улыбнувшись.

Мы посидели еще немного, слушая его любимые песни и вдыхая свежий ночной воздух, на набережной Порт-Таунсенда. Викторианские домики из красного кирпича возвышались над морем, вода плескалась о причал.

Поднявшись и собираясь уходить, я, счастливая от знакомства с новым парнем, нацарапала свой телефонный номер на листке из блокнота и протянула ему.

– Хочешь, сходим куда-нибудь вместе? – предложила я. Он поднял на меня глаза, потом бросил взгляд в сторону «Сирен», откуда вывалилась шумная компания. Взял листок, снова посмотрел на меня и, наконец, кивнул.

На следующий вечер, когда я ехала назад в город, мой телефон зазвонил.

– Куда собираешься? – поинтересовался он.

– В центр, – я завозила на водительском месте, пытаюсь переключить передачу, при этом держась за руль и не выпуская из руки телефон.

– Тогда подхвати меня возле «Пенни Сейвер», – сказал он и отключился.

Примерно пять минут спустя я въехала на парковку. Джейми стоял, прислонившись к выдавшему вида «Фольксвагену Жук», в той же одежде, что и прошлым вечером, и дожидался меня. Он улыбнулся – с прохладцей, – и я заметила, что у него кривые зубы, чего не было видно вчера в темноте.

– Давай купим пива, – предложил он, щелчком отбросив в сторону тлеющий окурок.

Он купил нам две бутылки «Сэмюэл Смита», а потом мы залезли в его «Фольксваген» и поехали на утес любоваться закатом. Пока мы болтали, я листала *Книжное обозрение Нью-Йорк Таймс*, которое обнаружила на пассажирском сиденье. Он рассказал мне, что планирует большое путешествие на велосипеде – вдоль тихоокеанского побережья, по шоссе 101, до самого Сан-Франциско.

– Я уже собираюсь увольняться с работы, – сказал он, глядя мне в лицо. Его глаза были карими, еще темней, чем мои.

– А где ты работаешь? – спросила я, внезапно осознав, что ничего о нем не знаю, кроме, разве что, музыкальных предпочтений.

– В «Фонтане». Такое кафе.

Он затянулся своей сигаретой.

– Раньше был су-шефом. А теперь занимаюсь десертами.

Джейми выдохнул, и облачко дыма унеслось прочь от утеса.

– Делаешь тирамису? – спросила я, прервав свои неумелые попытки свернуть самокрутку.

Он кивнул, и тут я поняла, что непременно лягу с ним в постель. Тирамису – это же так здорово!

На той же неделе Джейми пригласил меня в свой трейлер в первый раз. Я стояла в крошечной комнате, разглядывая деревянные панели, оранжевое кресло-мешок и полки, забитые книгами.

Увидев, как я озираюсь, Джейми извинился за свое жилище: в трейлере он временно, чтобы накопить денег на велосипедное путешествие. Но я уже заметила Буковски и Жан-Поля Сартра среди книг у него над столом, и убожество трейлера перестало иметь для меня значение. Я повернулась, чтобы его поцеловать.

Он медленно уложил меня на кровать. Мы целовались несколько часов; казалось, что весь мир перестал для нас существовать. Джейми

меня покори́л.

Мы знали, что в дальнейшем наши пути разойдутся: я собиралась в Миссулу, а он в Портленд, штат Орегон. Когда он предложил мне переехать к нему в трейлер, чтобы подкопить денег, я тут же согласилась. Мы жили в норе площадью двадцать квадратных футов, зато стоила она всего 150 долларов в месяц. Наши отношения должны были неизбежно закончиться, но каждый из нас старался помочь другому достичь его цели – выбраться из этого города.

Работать в Порт-Таунсенде можно было, по сути, только в сфере обслуживания – ублажая туристов и прочую обеспеченную публику, съезжавшую к нам в теплое время года. На причалах не оставалось свободного места, лодки бегали по волнам между континентом и полуостровом, реликтовыми лесами и горячими источниками на побережье. Отели в викторианском стиле, магазины и кафе на набережной приносили городу деньги и обеспечивали работой большинство его жителей. Тем не менее золото не текло к нам рекой. Помимо попытки начать собственный бизнес, других перспектив на будущее у обычного работника не было.

Давние жители города в большинстве своем это будущее уже обеспечили. В конце шестидесятых – начале семидесятых годов большая компания хиппи переселилась в Порт-Таунсенд, тогда являвшийся практически городом-призраком. Строили его с расчетом превратить в один из крупнейших морских портов на Западном побережье, но из-за недостаточного финансирования в период депрессии строительство заглохло, а железнодорожные пути пошли в Сиэтл и Такому. Хиппи, к числу которых относились теперь и мой работодатель, и мои самые верные клиенты, купили викторианские особняки, простоявшие запертыми почти сотню лет. Они долго их восстанавливали, стараясь сохранить исторический облик города, облагораживали его, открывали пекарни, кафе, пивоварни, бары, рестораны, магазины и отели. Порт-Таунсенд прославился своими причалами для деревянных лодок, со временем в нем открылась даже школа по их строительству, и был учрежден ежегодный фестиваль. Теперь люди, некогда вдохнувшие в город новую жизнь, заметно успокоились, сбавили темп и превратились в местную буржуазию. Все мы, молодежь, работали на них, обслуживали их тем или иным способом, а сами жили в крошечных домиках, хижинах или студиях.

Нам нравился местный климат – во многом определяемый дождевыми лесами Олимпии, – и возможность жить в богемной обстановке, будучи при этом на расстоянии короткой поездки на пароме от Сиэтла. Нравились спокойные воды океана в бухте, нравилась наша работа и оживленная атмосфера ресторанных кухонь.

Мы с Джейми оба работали в кафе, наслаждаясь молодостью и свободой. Мы знали, что нас ждут впереди более масштабные, более увлекательные вещи. Он помогал друзьям, организовывавшим выездные мероприятия, и брался за любую подсобную работу, за которую платили наличными. Я, помимо кафе, подрабатывала в приюте для собак и торговала хлебом на фермерском рынке. У нас не было высшего образования – Джейми как-то признался, что даже не сдал выпускные экзамены в школе, – так что мы соглашались на любую работу, лишь бы получить деньги.

График у Джейми был как в любом ресторане – с обеда до позднего вечера, поэтому обычно, когда он, подвыпивший, возвращался домой, я уже крепко спала. Иногда я встречала его после работы, и мы шли в бар, где тратили свои чаевые на пару кружек пива.

Потом я узнала, что беременна. Сердце мое, стоявшее в горле после приступа утренней тошноты, просело вниз, а мир начал сжиматься, пока совсем не исчез. Я долго стояла перед зеркалом в ванной, задрав футболку и разглядывая свой живот. Мы зачали ребенка в мой двадцать восьмой день рождения, а сразу после Джейми уехал в свое путешествие на велосипеде.

Решение сохранить беременность автоматически означало, что я остаюсь в Порт-Таунсенде. Я хотела держать все в секрете и постараться все-таки исполнить свой план с переездом в Миссулу, но это оказалось невозможно. Я должна была дать Джейми шанс примерить на себя роль отца – несправедливо было бы лишать его этой возможности. Однако мечты о писательстве откладывались на неопределенный срок. Откладывалось превращение в того человека, которым я всегда собиралась стать. И я не была уверена, что готова к такому. Я принимала противозачаточные таблетки и ничего не имела против абортов, но у меня не шли из головы мысли о моей матери, которая когда-то, скорее всего, также разглядывала свой живот, решая, дать мне шанс или нет.

Хоть я и рассчитывала в будущем совсем на другое, в последующие дни я смягчилась и постепенно начала радоваться тому, что стану матерью. Я сказала Джейми про ребенка, как только он вернулся из путешествия. Изначально ласковый тон, которым он уговаривал меня прервать беременность, внезапно резко изменился, когда я сказала, что не собираюсь этого делать. Я знала Джейми всего несколько месяцев, и его гнев, его ярость очень меня испугали.

Как-то вечером Джейми ввалился в трейлер, где я сидела на встроенной кушетке перед телевизором, пытаюсь затолкать в себя куриный суп, пока Мори Пович с экрана оплашал результаты очередных тестов на отцовство. Джейми начал ходить туда-сюда между мной и телевизором, крича что-то о том, что он не хочет видеть свое имя в свидетельстве о рождении.

– Не собираюсь я платить за этого чертова ребенка, – раз за разом повторял он, тыча пальцем мне в живот. Я старалась молчать, как обычно, когда Джейми раздражался подобными тирадами, надеясь, что он не будет ничем бросаться. Но на этот раз чем громче он кричал, чем сильнее злился и чем убедительней уверял меня в том, что я совершаю ошибку, тем больше я ощущала свою близость с ребенком и решимость любыми средствами его защитить. Когда Джейми ушел, я позвонила отцу. Голос у меня дрожал.

– Я приняла правильное решение? – спросила я, рассказав о скандале с Джейми. – Я просто сама не знаю. Но ведь в таких делах надо быть уверенной, правда? А я больше ничего не знаю, ничего.

– Черт, – отозвался он, потом сделал паузу. – Я-то думал, Джейми все-таки образумится.

Отец еще немного помолчал, может, в надежде, что я что-то скажу, но я не знала, что говорить.

– Знаешь, мы с твоей матерью были в том же положении, когда узнали про тебя, и нам при этом не было еще и двадцати. И, конечно, наша жизнь шла не очень гладко. Совсем даже нет. Мы не знали, что нам делать и правильно ли мы поступаем. Но ты, и твой брат, и я, и твоя мать – мы же все в итоге в порядке. В результате все сложилось. И я знаю, что ты, Джейми и этот ребенок тоже будете в порядке, даже если сейчас тебе так не кажется.

После того звонка я села и уставилась в окно. Я старалась не дать моей нынешней ситуации – этому трейлеру, стоявшему рядом с

магазинчиком среди лесов, – отвлечь меня от картины будущего. Я начала смотреть на себя по-другому, бороться со своими сомнениями. Возможно, Джейми переменится. Возможно, ему просто нужно время. Но даже если нет, я справлюсь сама, хотя пока и не представляю как. Я не могу опираться на него, не могу рассчитывать на его поддержку, но я знаю, что должна хотя бы дать ему возможность ощутить себя отцом. Мой ребенок этого достоин. Пускай ситуация не идеальна, я буду делать то, что делают все родители, уже много поколений – буду стараться все наладить. Долой сомнения. Других вариантов нет. Теперь я мать. Я буду с гордостью нести эту ответственность всю мою жизнь. Я встала и, выходя из двери, порвала заявление на поступление в колледж. А потом отправилась на работу.

Переходное жильё

Когда мне было семь, родители увезли нас из Вашингтона – от всей нашей родни. Мы жили в доме у подножия Чугачских гор в Анкоридже, на Аляске. Церковь, которую мы посещали, вела несколько программ по поддержке бездомных и малоимущих. Ребенком мне очень нравилось делать подарки нуждающимся семьям на праздники. После воскресной службы мама разрешала нам с братом снять по бумажному ангелочку с рождественской елки в церковном холле. Пообедав, мы шли в супермаркет и, в зависимости от того, что было написано на обороте ангелочка, покупали подарок незнакомой девочке или мальчику примерно наших лет: игрушки, пижамы, носки и туфли.

Однажды я вместе с мамой относила праздничный ужин бедной семье. Я вежливо дождалась, пока придет моя очередь, и протянула аккуратно обернутые подарки мужчине, открывшему дверь своей сырой квартирке. У него были густые черные волосы и темная, словно дубленая, кожа под белой футболкой. Я передала сумку с подарками, а мама – корзинку с жареной индейкой, картофелем и консервированными овощами. Он кивнул и молча захлопнул дверь. Я уходила домой разочарованная. Мне казалось, он должен был пригласить нас внутрь, чтобы мы вместе с его дочкой распечатали подарки, которые я так тщательно выбирала. Мне хотелось увидеть, как она им обрадуется. «Эти лаковые туфельки были самые красивые в магазине», – сказала бы я. Я недоумевала, почему ее отец выглядел таким недовольным. Он что, не рад подарить их ей?

Подростком я время от времени участвовала в благотворительных раздачах обедов бездомным в Анкоридже. Мы пытались «нести им слово Божье». В обмен на их внимание мы раздавали яблоки и бутерброды. Я говорила, что Иисус любит их, но однажды какой-то мужчина усмехнулся мне и сказал: «Похоже, тебя он любит чуток больше». Я мыла машины, чтобы скопить деньги на поездку в детский дом в Байя Мехико или на устройство библейского детского лагеря в Чикаго. Оглядываясь назад из своего нынешнего положения, когда мне приходилось сражаться за работу и жильё, я начинала понимать, что эти усилия, хоть и благие, были просто пусканием пыли в глаза,

сводившим неимущих до какого-то карикатурного статуса с этими бумажными ангелочками на елке. Я вспоминала мужчину, открывшего нам дверь, того, которому передала пакет с подарками. Теперь я сама открывала дверь и принимала дары благотворителей. Принимала тот факт, что не могу обеспечить семью. Принимала маленькие подношения – пару теплых перчаток или игрушку, – которые они делали, чтобы почувствовать себя хорошими людьми. Однако я никак не могла включить в список медицинскую страховку или счет за оплату яслей.

Поскольку родители увезли нас с братом за тысячи миль от нашей семьи на северо-западе штата Вашингтон, где жили и бабушка с дедом, росли мы как обычные подростки американского среднего класса. Все наши основные потребности были удовлетворены, но родители не могли себе позволить оплачивать частные уроки танцев или карате, и на нас не открыли банковские счета, чтобы накопить средства на учебу в университете. Я довольно рано узнала цену деньгам. В одиннадцать я начала подрабатывать няней и с тех пор практически всегда работала в одном-двух местах. Стремление к работе было у меня в крови. Мы с братом чувствовали себя под защитой нашей религии и родителей, гарантировавших нам финансовую стабильность.

Я привыкла жить в безопасности. Мне ничто не грозило – и это не ставилось под сомнение, – пока все вдруг не переменялось.

Глаза Джейми сузились, когда я сообщила ему, что хочу забрать Мию и поехать жить к отцу и его новой жене, Шарлотте. Мие только-только исполнилось семь месяцев, а она уже стала свидетельницей множества его гневных вспышек; постоянные ссоры и конфликты сильно сказывались и на мне.

– Я посмотрела в Интернете, – продолжала я, вытаскивая из кармана листок бумаги, пока другой рукой придерживала на колене Мию. – Тут есть калькулятор алиментов, и сумма, вроде бы, вполне посильная.

Джейми выхватил у меня листок, смял его и швырнул мне в лицо, не отрывая взгляда от моих глаз.

– Я не собираюсь платить никакие алименты, – ровным голосом произнес он. – Это ты мне будешь платить!

Он говорил все громче и громче, ходя по трейлеру взад и вперед.

– Ты никуда не поедешь.

Он указал на Мию.

– Я отберу ее, ты и глазом не успеешь моргнуть.

На этом Джейми развернулся и, собираясь выйти, в порыве злобы так шибанул кулаком по двери, что пробил в ней дыру. Мия подскочила и издала пронзительный вскрик – никогда раньше я не слышала ничего подобного.

У меня тряслись руки, когда я набирала номер горячей линии для жертв домашнего насилия. Мне с трудом удалось объяснить, что происходит, потому что Джейми тут же взялся параллельно мне названивать. Консультант посоветовал отсоединиться и немедленно вызвать полицию. Несколько минут спустя я увидела в окно фары патрульной машины. Офицер – он был один – вежливо постучался в проломленную дверь. Он оказался таким высоким, что практически упирался головой в потолок. Пока я рассказывала, что с нами случилось, он сделал несколько записей, осмотрел дверь, покивал и спросил, все ли с нами в порядке. Могу ли я сказать, что мы сейчас в безопасности? После года оскорблений, угроз и криков, которые мне приходилось сносить, этот вопрос принес мне неожиданное облегчение. В основном проявления гнева Джейми не оставляли по себе следов. На мне не было синяков и ссадин. Но тут у меня появилось нечто, что я могла предъявить. Я могла сказать:

– Он это сделал. Он сделал это с нами.

И другой человек мог посмотреть, покивать и сказать мне:

– Я вижу. Я вижу, что он с вами сделал.

Официальный отчет, составленный полицейским, подтверждал, что я не сумасшедшая. Много месяцев я носила его с собой в сумке, словно удостоверение личности.

Первые ночи, которые мы провели в квартире, полученной по программе переходного жилья, я ощущала постоянную тревогу. Каждый звук, проникавший к нам сквозь тонкие стены и полы жилого комплекса, заставлял меня подпрыгивать. Я раз за разом проверяла, надежно ли заперта дверь, когда мы дома, хотя раньше никогда так не делала. Но мы с дочкой были только вдвоем, и только я могла нас защитить.

Когда мы жили в домике в приюте, подъездная дорожка подходила прямо к нашим дверям, поэтому машина была под рукой на случай, если нам придется спасаться бегством. Я никогда не видела и не слышала наших соседей, поскольку все жили в отдельных домиках; приют находился на природе, так что деревья и луга успокаивали душу, а не бередили ее. Тот маленький домик был только нашим, и я не опасалась вторжения. Но в квартире двери и полы казались ужасно тонкими, и отовсюду доносились незнакомые голоса. По лестнице вверх и вниз ходили какие-то люди, кричавшие друг на друга. Я стояла у входной двери, единственной преграды между мной и остальным миром, и думала о том, что кто-нибудь может вломиться к нам в любую минуту.

Квартиры окружали нас со всех сторон серым мрачным прямоугольником, но единственным признаком наличия в них жильцов были голоса, проникавшие сквозь стены, мусор, горой возвышавшийся в контейнере, и машины, припаркованные на стоянке. Возможно, я чувствовала бы себя в большей безопасности, если бы была знакома с соседями и представляла себе, что они за люди. Их ночные звуки, цокот каблучков по полу, внезапно громкий голос, смех ребенка заставляли меня просыпаться по ночам. Я вставала и шла посмотреть, как там Мия. Она спала в соседней комнате в раскладном манеже.

Ночь за ночью я лежала без сна, заново проигрывая в уме судебную тяжбу с Джейми.

Я стояла перед судьей, рядом с Джейми и его адвокатом. Я была бездомной и боролась за опеку над Мией. После месяцев психологического насилия со стороны Джейми у меня развилась депрессия, которую теперь он использовал в качестве аргумента против меня – в таком состоянии я не могу воспитывать нашу дочь. Как будто я всегда была неудачницей! Адвокат Джейми и судья, казалось, считали, что я сама выбрала такую жизнь, как будто я считаю, что растить ребенка, не имея постоянного жилья, – обычное дело. Как будто я не думаю каждую секунду о том, как улучшить наше положение, не использую для этого любую возможность. Как ни странно, против меня использовали тот факт, что я увезла Мию оттуда, где надо мной постоянно издевались и доводили до того, что я валялась на полу, свернувшись в клубок, и рыдала, как ребенок. Они

не хотели понимать, что так я пыталась дать дочери лучшую жизнь – все видели только то, что я забрала Мию из дома, который, по их мнению, обеспечивал нам безопасное существование.

Каким-то инстинктивным, почти животным усилием я все-таки сумела выиграть процесс. Я нашла для нас жилье, место, где Мия могла быть со мной. И все-таки по ночам я терзалась чувством вины за все, чего нас лишила. Иногда это чувство было таким сильным, что я не могла полностью посвящать себя Мие. Я продолжала читать ей книги по вечерам и укачивать в том же детском креслице, в котором когда-то укачивала меня моя мама. Я говорила себе, что завтра будет лучше; что завтра я буду лучшей матерью.

Я сидела и смотрела, как Мия ест, или ходила взад-вперед по кухне, пила кофе и рассматривала листки с нашим бюджетом и моим рабочим расписанием, развешанные по стенам. Если нам предстояло идти за покупками, я все утро просиживала, сводя баланс моего банковского счета и карты, на которую начислялись льготы – субсидии на продукты от государства, – чтобы точно знать, сколько денег у нас осталось. Льготные карты в то время были еще в новинку, их начали использовать только в 2002 году. Еще будучи беременной, я подала заявление на продуктовые купоны, и Джейми частенько вспоминал, как его мать расплачивалась за продукты социальными марками, при этом презрительно ухмыляясь. Я испытывала благодарность за возможность накормить семью, но вместе с продуктами тащила на себе груз стыда, пытаясь отогнать навязчивые мысли о том, что кассирша подумала обо мне – женщине с младенцем, покупающей продукты на государственные деньги. Все видели, как я расплачиваюсь продуктовыми купонами, большими яркими бумажками, за яйца, сыр, молоко и арахисовое масло. Но никто не видел, как я рассчитываю бюджет, который колебался в районе 200 долларов в зависимости от моей занятости, и что это все наши деньги на еду. Мне приходилось растягивать их до конца месяца, когда баланс карты снова пополнялся. Никто не видел, как я ем бутерброды с арахисовым маслом и вареные яйца, рассчитывая, сколько кофе могу насыпать в чашку, чтобы банки хватило на весь срок. В то время я об этом не знала, но правительство уже озаботилось тем, чтобы избавить от позорного клейма 29 миллионов человек, использовавших продуктовые купоны, придумав для программы другое название:

«Дополнительное финансирование питания». Но, вне зависимости от названия, отношение к программе не менялось: бедняки тратят денежки налогоплательщиков на то, чтобы наедаться всяким мусором.

Несмотря на массу других проблем, я постоянно терзала себя мыслями о том, хорошая ли я мать. Я не справлялась с материнскими обязанностями: я больше заботилась о том, как протянуть следующую неделю, чем о собственном ребенке. Пока мы жили с Джейми, его работа давала мне возможность сидеть дома с Мией. Я скучала по тем дням, которые мы проводили только вдвоем, исследуя окружающий мир и поражаясь ему. Теперь мы постоянно куда-то спешили. Вечно опаздывали. Вечно ехали. Торопились поесть и прибраться за собой. Не могли себе позволить просто остановиться и передохнуть. Боясь, что я чего-то не успею, о чем-то забуду, подведу нас еще сильнее, я перестала уделять время дочери – хотя бы на то, чтобы посмотреть, как гусеница ползет по дорожке в саду.

Хотя остальные соседи больше напоминали призраков, проявлявших себя разве что звуками смыва в туалете или скрежетом стула, передвигаемого по полу, дама, которая жила подо мной, действовала куда более активно, начиная стучать в потолок ручкой от швабры и громко ругаться всякий раз, как Мия пробежала по голому полу. Когда мы только переехали, я смела листья и паутину с балкона вниз на землю. Она тут же заорала: «Что за черт?!» – со своего балкона под нами. Помимо стука шваброй в потолок, это был единственный раз, когда она решила со мной пообщаться, хоть и не напрямую.

– Что это за дерьмо?! – продолжала она. – Какого черта ты мне его вывалила на голову?

Я скользнула внутрь, осторожно прикрыла балкон и, съездившись, присела на диван, надеясь, что она не поднимется и не станет колотить в дверь.

Соседи сверху – мать с тремя детьми – редко бывали дома. В первые недели я только изредка слышала их. Я ложилась спать около десяти вечера, а они примерно в это же время поднимались по лестнице к себе в квартиру. Минут через двадцать у них все стихало тоже.

Однажды утром, на рассвете, я услышала, как они спускаются, и подбежала к окну, чтобы посмотреть – мне было любопытно, какие

еще люди оказались со мной в одной ситуации.

Я увидела высокую женщину в красно-фиолетовой куртке и белых кроссовках. При ходьбе она сильно хромала. Двое мальчиков школьного возраста и девочка помладше шли за ней. Трудно было даже представить, каково ей приходится. У меня-то ребенок был только один! После этого я видела ее еще несколько раз. Ее дочка всегда ходила аккуратно причесанная, с косичками, завязанными яркими ленточками. Я гадала, куда они уезжают на весь день, как она умудряется добиться, чтобы дети вели себя так тихо и воспитанно. Она казалась мне хорошей матерью – дети ее уважали, что вызывало у меня зависть. Мой ребенок только-только научился ходить, но уже убегал от меня или отбивался каждую секунду, которую не спал.

– Жизнь заставит – и не к такому привыкнешь, – сказала мне моя соседка по имени Брук, когда мы однажды возвращались в свои квартиры после внезапной проверки на предмет употребления алкоголя. Мы с ней столкнулись в дверях и впервые разговорились. Я немного знала Брук по нашей прошлой жизни, когда она разливала пиво в баре, куда нам нравилось ходить. Я представить не могла, что привело ее в такое место. Но я ни о чем не спрашивала. И не хотела, чтобы спрашивали меня.

Я никогда не разговаривала ни с одним из мужчин, живших в отдельном блоке в дальнем конце комплекса. Они вечно стояли на дорожках, которые вели к подъездам, и курили – в спортивных штанах и шлепанцах. У одного из них, постарше, были родные, которые время от времени приглашали его к себе, остальные же, кажется, вообще никуда не отлучались. Похоже, они просто убивали время. Я чувствовала, что занимаюсь примерно тем же самым.

Я скучала по вечерним выходам. Мне не хватало возможности выбраться куда-то, выпить пива, если хочется: конечно, я скучала не по пиву, а по временам, когда мне не приходилось тревожиться о внезапной проверке социальными службами, скучала по своей свободе. Этой свободы мне не хватало во всех смыслах: свободы куда-то идти или оставаться, работать, есть или не есть, отсыпаться в выходные и вообще иметь эти выходные.

Мы с Мией жили, с виду, нормальной жизнью, когда в течение дня должны были посетить несколько разных мест. Я нашла работу в детском саду, но только с частичной занятостью. У мужа моей

приятельницы, Джона, был небольшой бизнес в сфере ландшафтного дизайна, и он платил мне десять долларов в час за прополку сорняков, подрезку кустарников и чистку рододендронов от засохших цветов. Я каталась по всему северо-восточному побережью полуострова Олимпия, по маленьким коттеджным поселкам, с мусорным контейнером в багажнике машины, где лежало также белое ведро из-под краски, садовый инструмент и пара перчаток. У некоторых клиентов имелись специально выделенные участки, куда следовало выбрасывать выполотые сорняки и срезанные ветки, но некоторые просили собирать их в мешок и относить к месту вывоза мусора, а от некоторых я увозила мусор сама, затолкав в багажник. Но Джону мои услуги требовались не всегда, так как клиентов, нуждавшихся в регулярном уходе за садом, было немного, поэтому мне приходилось искать собственных заказчиков, с которых я брала двадцать, а то и двадцать пять долларов в час, но с учетом разъездов работать мне удавалось не больше двух-трех часов в день.

Работа заключалась, преимущественно, в ползании на коленях. В основном меня приглашали, чтобы прополоть клумбы, засыпанные мульчей. Я часами ползала по земле, в перчатках и наколенниках, заполняя корзинки, контейнеры и мусорные мешки сорняками, которые в каком-то смысле убивала, выдергивая из почвы, за что и получала свои деньги. Но эта работа была сезонной и длилась лишь несколько недель, а что мне делать потом, я даже не представляла. Весь рынок работы в Порт-Таунсенде был сезонным и зависел от туристов с набитыми карманами и пустым желудком. Там не было «нормальных» мест с «родительским» графиком, а если и были, то я не соответствовала критериям отбора. У меня был опыт только в кофейнях и на мелких подработках, которые не укажешь в резюме. Что еще я могла написать – что убираю в детском саду по воскресеньям? Но пока что возможность заработать у меня имелась, и я старалась выкладываться по максимуму.

До обеда я оставляла Мию в яслях, откуда три раза в неделю ее забирал отец, у которого она находилась до семи часов. Порой по вечерам, пока Мия была у Джейми, я сидела на балконе, прислонившись спиной к стене. Одна из моих соседок постоянно – по крайней мере, как мне казалось, – гуляла со своей дочкой у нас во дворике: на узкой полоске травы между зданием и деревьями. Ее дочь

была немного младше Мии. Я обратила внимание, какая светлая, почти прозрачная, у них обеих кожа. Помню, как эта молоденькая мама ласково спрашивала: «Хочешь прокатиться?», – а девочка, смеясь, карабкалась по ступенькам на выцветшую красно-синюю пластиковую горку. Наверное, горку оставил кто-то из бывших жильцов. «Уууууух!» – восклицала девушка, когда малышка скатывалась вниз. *Она точно лучшая мама, чем я*, думала я, слушая, как та помогает дочке кататься с горки, и сознавая, что сама никогда не испытывала от этого такого восторга.

Однако как-то вечером по траве мимо горки, отодвинув ее в сторону, в подъезд вошли врачи «Скорой» в сопровождении пожарных. Они направлялись в квартиру той девушки. Ребенка не было слышно. Я перегнулась через перила лестницы, чтобы посмотреть, что происходит. Несколько моих соседей сделали так же. Один из пожарных глянул вверх, увидел нас, и я инстинктивно отступила, чтобы спрятаться. Он покачал головой. Я представила, какое впечатление мы все производим: мужчины и женщины, обитатели социального жилья, свесившиеся вниз через перила. Представила, что пожарные и полицейские говорят об этом доме и о нас, по каким еще причинам их могут сюда вызывать. Прежде чем из квартиры выкатили носилки с той молодой мамой, я ушла к себе. Я не хотела, чтобы она заметила, как я на нее смотрю, пусть даже глаза ее были прикрыты; я хотела проявить к ней уважение, которого она заслуживала. Я бы предпочла, чтобы и ко мне отнеслись так же.

Час спустя я вышла из дома, чтобы ехать за Мией. Брук выскочила тоже, с широко распахнутыми глазами, покрасневшая, чтобы поделиться со мной последними сплетнями.

– Ты же знаешь, что случилось, да? – спросила она, кидаясь ко мне.

Я помотала головой. Она сказала, что кто-то привел домой малышку и нашел мать без сознания на кровати. Привести ее в чувство не получалось. Она наелась снотворного и запила все целой бутылкой водки.

– Хорошо хоть ее вовремя нашли. Она жива, – сообщила мне Брук. Потом вздохнула и пожала плечами.

– Не надо ей было водкой запивать.

Первое, о чем я тогда подумала, касалось вовсе не той женщины и не ее дочери. Я подумала о том, что Джейми ни за что не должен об этом прознать. Я жила в постоянном страхе, что рядом с Мией случится что-то страшное, в том числе и в яслях, которые она посещала, и я лишусь своих шатких прав на единоличную опеку.

Я погрузила Мию в мир нищеты, окружила людьми, которых эта нищета доводила до трагедии; людьми, которые так долго пробыли в тюрьме или лечебнице, что лишились собственного жилья, которые злились на свое тяжелое положение и даже сходили с ума. Та мать решила положить всему конец. Страшный выбор – но на какое-то мгновение я ей позавидовала.

Квартира на ярмарке

– А Джули здесь? – спросила я, дожидаясь, пока женщина за стеклянной перегородкой выпишет мне чек за принятую квартплату. Каждый месяц я вносила разные суммы, в зависимости от своего дохода, обычно в районе 200 долларов.

Женщина бросила взгляд на доску у себя за спиной, на черной стене офиса.

– Нет, – вздохнула она. – На встрече с клиентом. Хотите оставить сообщение?

Да, я хотела.

– Никак не могу привыкнуть к новому жилью, – сказала я Джули на следующий день, в переговорной.

Джули, к моему великому облегчению, не стала спрашивать, почему.

Это было для меня слишком: ждать, что к тебе вот-вот ворвутся с проверкой, или ходить на цыпочках, опасаясь ругани снизу и стука шваброй в потолок. Однажды я даже пригласила Джейми на ужин – все потому, что одиночество стало просто непереносимым. Я никуда не выходила, не встречалась с друзьями, никого не видела. Я оказалась в изоляции. Это место мне не подходило.

– Подожди здесь, – сказала Джули.

Через пару минут она вернулась с какими-то бумагами.

– Можем записать тебя на ТБРА.

Она произносила «*тии-бра*», а расшифровывалось это как государственная дотация на аренду жилья.

– Практически то же самое, что Пункт Восемь. Ты же в очереди на Пункт Восемь?

Я кивнула. Пункт Восемь считался чем-то вроде единорога в сфере соцобеспечения – все о нем слышали, но не знали никого, кто бы им пользовался. Так назывался ваучер, по которому государство доплачивало за аренду жилья, если наниматель вносил за него от тридцати до сорока процентов своего дохода. Получалось, что человек, зарабатывающий всего тысячу долларов в месяц, минимальную зарплату, с этим ваучером будет платить за аренду только триста, а остальное компенсирует государство, если жилье

будет вписываться в стандарты, определенные для данного нанимателя: обычно речь шла о двух- или трехкомнатной квартире. Здание должно было соответствовать критериям Пункта Восемь, вполне разумным – никакой свинцовой краски, и тому подобное. Получив такой ваучер, ты мог селиться – если найдешь хозяина, готового сдавать жилье за госдотацию, – в любой части штата; действовал он бессрочно.

Я стояла в очереди на ваучер в трех разных округах. В округе Джефферсон, где находится Порт-Таунсенд, очередь была самой короткой, всего на год; в других местах ожидание могло занять лет пять, а то и больше. Некоторые округа вообще приостановили прием заявлений, так как спрос был слишком высок.

Джули познакомила меня с другим социальным работником, которая занималась исключительно Пунктом Восемь и программой ТБРА. Она сидела за большим столом, короткие темные вьющиеся волосы обрамляли мрачное лицо. Дама заставила меня заполнить множество заявлений с вопросами о том, каковы мои планы на следующий год и далее. С детальными подтверждениями и расчетами моего дохода, плюс 275 долларов детского пособия, выходило, что за двухкомнатную квартиру стоимостью 700 долларов в месяц я должна была на данный момент платить 199.

– Сумма будет колебаться в зависимости от твоих зарегистрированных доходов, – добавила Джули, которая сидела все это время со мной, за что я была ей очень признательна.

По требованиям программы мне также предстояло посетить семинар, на котором мне расскажут все подробности, а в основном будут учить, как объяснить потенциальному арендодателю особенности оплаты с помощью дотации (а в дальнейшем и Пункта Восемь).

– У большинства арендодателей есть опыт получения денег по Пункту Восемь, – объясняла Джули на обратном пути. – Ну или, по крайней мере, они представляют себе, что это за программа. Но некоторые не понимают, какая она удобная.

Я не совсем поняла, что Джули имеет в виду – почему программа может быть плохой, – но переспрашивать не стала.

Мы остановились на парковке, и она записала для меня время и адрес проведения следующего семинара.

– Повезло, следующий будет уже завтра, – оптимистически заметила она. – Совсем скоро сможешь переселиться!

Я улыбнулась и кивнула, хотя на самом деле не особенно надеялась, что какая-то из этих программ сможет мне помочь. Травма, нанесенная мне последними шестью месяцами, когда мы оказались бездомными, стычки с Джейми, бесконечно пугавшим меня, словно парализовали мою нервную систему. Мой мозг, внутренности, все тело пребывали в состоянии вечного напряжения. Отовсюду грозила опасность. Вокруг не было ничего постоянного. Я словно шла по коврику, который в любой момент могли выдернуть у меня из-под ног. Я смотрела, как люди улыбаются мне, кивают головой, говорят, как мне повезло попасть в программу и что для нас нашлось жилье, но сама я не чувствовала себя везучей. Моя жизнь изменилась до неузнаваемости.

Социальные работники указывали мне, куда идти, на что подавать заявления, какие бланки заполнять. Спрашивали, что мне нужно, и я отвечала «жилье», или «продукты», или «ясли, чтобы я могла работать», и они помогали, или направляли к кому-то, кто мог помочь, или отказывали. Но не более того. Восстановиться от психологической травмы было жизненно необходимо, но тут помочь мне не мог никто, и даже я сама не знала, насколько это важно. Месяцы безденежья, отсутствие уверенности в завтрашнем дне и страх причинили такой ущерб, на устранение которого требовались годы.

– Многие из вас думают, что арендодатели должны радоваться, – сказал мужчина у доски своей аудитории из двадцати человек, рассеявшихся вокруг двух столов в тесной комнатке.

Это был Марк, тот же, кто вел семинар по «энергоэкономии» (обучающей программе по экономии электроэнергии в домашних условиях для малоимущих). Это трехчасовое мероприятие, на котором учили максимально эффективно использовать электричество, я посетила год назад. Материал был такой надуманный и самоочевидный, что я постаралась воспринимать ситуацию с юмором, раз уж мне надо было выслушать настоятельные советы выключать лампочки, чтобы получить дотацию на отопление на сумму 400 долларов. Все чаще и чаще у меня возникало чувство, что людей,

обращающихся за государственной поддержкой, считают просто толпой идиотов, и обходятся с ними соответственно. Было весьма унижительно, что мне, поскольку я нуждаюсь в деньгах, официально напоминают постараться снизить расходы.

Теперь мне предстояло сидеть несколько часов и слушать, как работает дотационная программа, чтобы *убедить* арендодателя, что он будет получать свою ежемесячную плату. И правительство, и все остальные по определению мне не доверяли. Ставили палки в колеса на каждом шагу. Чтобы прийти на семинар, я пропустила работу, в яслях пришлось договариваться тоже. Я сидела за столом, глядя на Марка, стоявшего перед нами. На нем была та же самая байковая рубашка, что и год назад, и джинсы, натянутые чуть не до подмышек. Жидкий хвостик за это время заметно отрос. Я улыбнулась, вспомнив его рекомендации по экономии электричества: не разогревать предварительно духовку и остужать ее, открыв дверцу. Или не сливать горячую воду сразу после ванны или душа, потому что тепло будет распространяться по воздуху и согревать квартиру.

– Пункт Восемь привлекателен для арендодателей тем, что гарантирует получение арендной платы. Им не нравится не закон, а люди, которые им пользуются, – сказал Марк. – Ваша задача – доказать, что к вам это не относится.

Я вспоминала, сколько раз полиция, пожарные и «Скорая» приезжали в наш дом в последние пару месяцев; внезапные проверки с целью убедиться, что квартиры не замусорены, а сломанные машины, брошенные на парковке, ремонтируются; визиты социальных работников, следящих, что мы не позволяем себе того, что обычно делают бедняки, а именно не накапливаем грязное белье и мусор, хотя на самом деле нам просто не хватало сил и средств на нормальную жизнь, хотя мы выполняли работу, на которую никто другой не соглашался. Мы должны были жить на минимальную зарплату, работать на нескольких работах с неудобным графиком, да еще удовлетворять требования социальных служб, чтобы претендовать на жилье, где сможем в безопасности растить своих детей. Никто почему-то не видел, сколько мы трудимся – все видели только результат: жизнь, которая постоянно обрушивала на тебя все новые проблемы, отчего становилась практически невыносимой. Не важно, насколько сильно я старалась убедить окружающих в обратном,

бедность неизменно ассоциировалась у людей с нечистоплотностью. Как мог арендодатель считать меня надежным съемщиком, если стереотипы въелись у нас так глупо?

– Те из вас, кто участвует в программе ТБРА, могут объяснить арендодателю, как она затем переходит в Пункт Восемь, но вы обязательно должны указать и на ее собственные плюсы! – настаивал Марк. – Обе эти замечательные программы делят арендную плату на две части – вашу и ту, что оплачивается государством.

Казалось, он от этого в полном восторге. Можно было подумать, что мы на аукционе, а не на семинаре по социальной программе.

– Арендодателям не очень нравится, что платежи по Пункту Восемь приходят в фиксированную дату, а не первого числа каждого месяца, как они привыкли, но вы можете их переубедить!

Марк взял со стола еще одну стопку бумаг и начал раздавать их нам.

– Пункт Восемь – это гарантированные деньги, – снова повторил он.

Если вам все-таки удавалось преодолеть стереотипы и убедить арендодателя сдать жилье по программе, перед вами вставали другие трудности. Чтобы получать дотационные платежи, арендодатель должен был подтвердить, что его квартира или дом отвечают критериям безопасности, в частности, что в них установлены детекторы дыма и соблюдены прочие стандарты. Таким образом получалось, что если дом или квартира не соответствуют этим стандартам, то семья с ваучером не сможет арендовать данное жилье. Возникало противоречие: владельцы хорошей недвижимости не хотели сдавать ее жильцам «с Пунктом Восемь». Им приходилось искать жилье в бедных кварталах, но там они рисковали не пройти очную инспекцию.

– Арендодатели должны сами заботиться, чтобы их квартиры отвечали стандартам «Пункта Восемь», но многие не хотят этого делать, – сказал Марк. – Это их выбор. Тут нет ничего незаконного, никакой дискриминации...

– Да самая настоящая дискриминация! – выкрикнула девушка, сидящая рядом со мной.

Я знала ее по «Пицце на набережной». Мы всегда здоровались друг с другом. По-моему, ее звали Эми, но я не была уверена.

– Мы с моим парнем нашли отличный маленький домик, – сказала она, – но туда в результате заселилась моя подруга. Хозяин сказал, что не пустит жильцов по «Пункту Восемь», потому что они все загадят.

Она погладила рукой выступающий беременный живот.

– Сказал, не хочет, чтобы у него устроили ночлежку.

Все повернулись к Марку, но он в ответ только сунул руки в карманы.

Мне, тем не менее, понадобилась всего неделя, чтобы найти подходящее жилье. Мало того, в него можно было въезжать незамедлительно, и оно удовлетворило выездную инспекцию. Мы могли хоть в тот же день покинуть «переходный» дом. Наша новая квартира выходила на поле, где обычно проводились ярмарки, в нескольких кварталах от Норт-Бич. Герти, хозяйка, услышав о дотациях на аренду, только плечами пожала. Я объяснила, что мой платеж она будет получать первого числа, а остальное – десятого.

– Ну, меня это устроит, – ответила она и улыбнулась Мие, сунувшей голову мне под мышку. – Ей нужна кроватка или что-то вроде того?

Я едва не сказала «нет». Инстинктивно я всегда торопилась отказаться, когда люди пытались нам помочь. Что, если кому-то другому эта помощь нужнее? Но тут я вспомнила о большущей дыре в дочкином переносном манеже.

– Да, – кивнула я. – Нужна.

– Отлично, – воскликнула Герти. – Предыдущие жильцы оставили кое-что, и я не знала, куда это все девать.

Она прошла к багажнику своего грузовичка и вытащила оттуда складную белую кроватку, точно такую, как в яслях, куда ходила Мия. Внутри оказалась еще и маленькая красная курточка. Я вынула ее и протянула Герти.

– Берите и ее, если она вам нужна, – ответила та. – Похоже, это какой-то костюм, да?

Я встряхнула курточку свободной рукой и увидела, что на капюшоне нашита пара глаз, а сзади – выпуклый хвост.

– Похоже, это лобстер, – улыбнулась я.

Герти рассмеялась.

– Точно! По крайней мере, так предполагалось.

У Мии не было костюма на Хеллоуин. Сентябрь подходил к концу, а я о нем и не вспомнила. Поиск жилья занимал все мои мысли.

Герти помогла мне внести кроватку внутрь и уехала, передав нам ключи. Теперь мы жили в квартире на первом этаже, с крылечком, выходящим на небольшой клочок газона. Дальше начиналось просторное поле. В столовой, совмещенной с кухней, было круговое окно. Брат собрал для меня компьютер, и я поставила его на стол, продолжавший кухонную столешницу, а потом включила диск с музыкой. Мия немного потанцевала, побегала вокруг стола, по гостиной, плюхнулась лицом вниз на диван и снова принялась носиться – теперь взад-вперед по коридору.

Я расставила свои книги на полках в гостиной. Развесила немногочисленные фотографии и картины, которые мне подарила мама: пейзажи с заснеженными просторами, написанные художниками с Аляски, – те же, что висели на стенах дома, где я росла. Когда я возилась с последней картиной – береза среди поля, – позвонил Джейми. До этого я оставила ему сообщение.

– Что тебе надо? – рявкнул он, стоило мне поднять трубку.

– Понимаешь... мне предложили поработать в субботу, и я хотела спросить, Мия не может подольше побыть у тебя?

– Насколько дольше?

Обычно он брал ее на несколько часов по субботам и воскресеньям, за исключением последних выходных месяца.

– Это за городом, далеко, – ответила я. – Работы много, так что – насколько сможешь.

Джейми ничего не говорил несколько секунд. Я слышала, как он сделал короткий вдох. Наверное, прикурил сигарету. В последнее время я несколько раз просила его посидеть с Мией подольше, чтобы успеть подзаработать, пока не закончился сезон.

– Нет, – ответил он наконец.

– Почему? Джейми, но ведь я могу работать только так!

– Я не собираюсь помогать тебе выбираться из этого дерьма! – взорвался он. – Я и так трачу на вас кучу денег, потому что ты вечно отправляешь ее ко мне без памперсов. Да еще приходится кормить ее ужином. В общем, нет!

Я продолжала говорить, пытаюсь переубедить его.

– НЕТ! – снова заорал он. – НЕ СОБИРАЮСЬ Я ТЕБЕ ПОМОГАТЬ!

И бросил трубку.

Мое сердце забилося неровными толчками, как всегда после таких вот наших бесед, которые неизбежно заканчивались его криком. Но на этот раз в груди у меня все сжалось, отчего стало вдруг трудно дышать. Мой психотерапевт из программы для жертв домашнего насилия, Беатрис, говорила, что в подобных ситуациях надо прижать ко рту бумажный мешок. Я закрыла глаза и вдохнула через нос на пять счетов, потом выдохнула через рот на столько же. Сделала еще два таких же вдоха, потом открыла глаза и увидела, что Мия стоит прямо передо мной и внимательно смотрит.

– Фффто ты делаешь? – спросила она, шепелявя из-за соски во рту.

– Ничего. Все в порядке, – ответила я, наклоняясь и протягивая к ней руки с согнутыми пальцами, чтобы пощекотать. Щекотное чудище. Я зарычала, Мия взвизгнула от восторга и бросилась бегом вокруг кухонного стола. Я повалила ее на диван и защекотала так, что соска от смеха выпала у нее изо рта. Тогда я крепко обхватила дочурку обеими руками, прижала к себе и изо всех сил обняла, наслаждаясь ее теплом и запахом детской кожи.

Она начала вырываться.

– Ну, мама, не надо! Еще! Давай еще!

Мия побежала в спальню, и я – следом за ней, не опасаясь, что кто-то станет на нас кричать и колотить в потолок ручкой метлы.

Семь видов государственной поддержки

Я поспешила натянуть на голову капюшон ветровки, но осенний дождь хлынул так неожиданно и сильно, что волосы у меня сразу намокли. Я бросилась к стене каменного дома, где стоял мой начальник, тоже спрятавшийся под капюшон.

– И что нам теперь делать? – прокричала я, чтобы он расслышал мой голос за шумом дождя.

– Ехать домой, – сказал Джон, муж моей приятельницы Эмили, который нанял меня себе в подмогу на садовые работы полгода назад. Он пожал плечами и попытался улыбнуться; у него на капюшоне до сих пор не растаяли крупинки града, обрушившегося на нас перед тем, как полил дождь. Он снял очки, стер с них дождевые капли и нацепил обратно на нос.

Я опустила голову, признавая поражение. В последнее время нам не раз приходилось бросать работу, не закончив, из-за дождя. Близился конец сезона – и моего основного источника доходов.

Мы загрузили мусорные пакеты, секаторы и грабли в кузов желтого грузовичка Джонни, он в последний раз мне улыбнулся, сел в кабину и уехал. Я посмотрела ему вслед, а потом перевела взгляд на собственную машину, припаркованную на другой стороне улицы. Передние окна были открыты. *Вот черт!*

Добравшись до дома, я, стоя на одной ноге на квадратике линолеума перед входной дверью, принялась стаскивать резиновые сапоги. Потом расстегнула рабочие штаны, спустила до колен и просто вышла из них – штаны настолько пропитались водой и грязью, что не упали на пол, а так и продолжали стоять, сложившись в гармошку. Обитатели Аляски утверждают, что рабочие штаны надо стирать только тогда, когда они уже стоят сами по себе, отдельно от хозяина.

Мия в тот вечер была у Джейми до семи часов, и я не знала, как распорядиться образовавшимся временем. Учебники, лежавшие на кухонном столе, напомнили мне об уроках, которые стали неотъемлемой частью моей жизни. Я начала мучительно медленный процесс получения высшего образования и записалась на двенадцать предметов: в две группы онлайн и одну очную, которая занималась в

здании недалеко от яслей Мии. На встрече с представителем приемной комиссии я сказала, что хочу получить степень бакалавра искусств. Часть предметов по этому курсу я изучала в школе, в рамках программы «Ранний старт», и теперь их можно было зачесть как пройденные, по крайней мере, в Университете Аляски такое допускалось. Проще всего было начать с двухлетнего обучения в местном колледже, и по деньгам это выходило дешевле. Дальше я могла перевестись на четвертый курс университета. Но, как у большинства матерей-одиночек, моя учеба могла растянуться на долгие годы.

Я уже внесла данные Мии в свою налоговую декларацию, так что получить дотацию на оплату образования было несложно. Заявив о наличии материально зависимого лица и предъявив налоговые формы, это подтверждающие, я могла официально доказать, что содержу ребенка на свои минимальные (по сути, вообще нулевые) доходы.

Грант Пелла, выделенный мне в рамках программы финансовой поддержки малообеспеченным студентам, полностью покрывал стоимость обучения, и при этом у меня оставалось от него еще 1300 долларов. С учетом 275 долларов детского пособия и 45 долларов в неделю за уборку в детском саду у меня получалось примерно 700 долларов в месяц на жизнь. Продуктовых купонов мне выдавали меньше чем на 300 долларов, но еще у нас были чеки «Дополнительного финансирования на питание». Благодаря программам ТБРА и «Энергоэкономии» за жилье я платила около 150 долларов. Оставались расходы на автомобильную страховку, телефон и Интернет. С наступлением зимы работать я перестала, поэтому мне больше не платили дотацию за ясли. Получение образования и посещение занятий не считались достаточным основанием, чтобы на нее претендовать, поэтому мне приходилось искать, с кем оставить Мию на пару часов дважды в неделю, пока я ходила на уроки французского, которые проводились только очно. Хотя они мне совсем не нравились, это была зачастую единственная возможность для меня выбраться из дома и повидаться с другими людьми.

По ночам, когда Мия засыпала, я наливала себе большую кружку кофе и сидела до часу, а то и до двух, над домашними заданиями. Днем Мия не спала и практически ни на минуту не утихала и не останавливалась. Ей требовались постоянный присмотр и внимание. Я

не могла найти работу на те короткие промежутки, которые еще были в моем графике, поэтому мы с ней отправлялись в долгие прогулки по лесу или по берегу океана, вот только я еле брела после того, как проспала всего четыре часа, и постоянно думала о том, что у нас совсем нет денег. Мне было проще, пока Мия не подросла и не начала ходить, ведь тогда она кричала и протестовала, только когда ее укачивали перед сном. Теперь ее независимый характер проявился в полной мере. Она отличалась сильной и непререкаемой волей, так что изматывала меня вконец всего лишь за одно утро.

Уложив ее, я села за учебники в тишине нашей маленькой кухни. В конце каждой главы приводились вопросы для обсуждения в группе, и, читая их, я еще острее ощущала свое одиночество. Все лето я находилась в постоянном движении, тратя все силы на поиск подходящего для нас жилья. Теперь, когда эта проблема разрешилась, ко мне пришло осознание, что отныне и всегда я буду растить ребенка одна. С учетом того, сколько трудностей приходилось преодолевать, чтобы оставить Мию с отцом, да и эти визиты длились не более двух-трех часов, у меня практически никогда не бывало передышек. Энергия у малышки была через край. На прогулках она настаивала, чтобы самой катить коляску – естественно, со скоростью улитки. В парках требовала, чтобы я – кажется, целую вечность – качала ее на качелях или смотрела, как она раз за разом скатывается с горки. Мне было под тридцать, мои друзья женились, покупали дома и обзаводились детьми. Они делали все в правильном порядке. Я перестала им звонить, стыдясь того, как печально все у меня обернулось. На текущий момент я пользовалась грантом Пелла, ТБРА, Энергоэкономией, Дополнительным финансированием питания, купонами, Медик-Эйд^[1] и дотацией на ясли, то есть семью видами государственной поддержки, чтобы как-то выжить. Я полностью замкнулась в себе, погрузившись в хаос жизни с маленьким ребенком, многократных переездов и бесконечного стресса.

Впервые на мой день рождения меня не поздравил никто из родных. Джейми – видимо, из жалости – согласился пойти со мной и с Мией на мастер-класс по росписи глиняных кружек. За обедом в «Оливковой роще» я смотрела, как он держит Мию на коленях, а та руками запикивает себе в рот спагетти.

Когда он подвез нас к дому, я не сразу открыла дверцу, чтобы выйти из машины.

– Может, зайдешь? – спросила я.

– Зачем? – буркнул он, барабанив пальцами по рулю.

У меня подступали к глазам слезы от того, насколько сильно – отчаянно! – я нуждалась в его обществе.

– Ну, уложишь Мию спать.

Раздраженный, он закусил губу, но все-таки заглушил мотор. Я посмотрела на него, потом на Мию, и улыбнулась. Джейми и Мия были моей единственной семьей.

Я хотела, чтобы Джейми остался на ночь, пускай даже отдельно, на диване.

Каждый день, когда я одна укладывалась в постель, словно какой-то монстр разрывал мне грудь изнутри своими когтями. Я сворачивалась в клубок и крепко прижимала к себе подушку, но эту боль ничто не могло заглушить. Я ужасно хотела избавиться от нее, но она не проходила и продолжала меня терзать. Теперь, в мой день рождения, первый за многие годы, в который некому было меня обнять перед сном, я опять ощутила ее приближение.

– Может, останешься? – пробормотала я, глядя в пол, а не на Джейми.

– Нет, – отрезал он, усмехнувшись. И вышел за дверь, не попрощавшись и не поздравив меня. Напрасно я его спросила.

Я села на пол и набрала номер отца. Было почти десять, но я знала, что он сидит на диване со своей женой Шарлоттой и смотрит *Обратный отсчет с Кейтом Ольберманом*, как обычно по вечерам. Когда я жила у них, мне это очень нравилось. После того, как Джейми нас выгнал, я несколько недель провела у отца, потому что больше мне некуда было идти.

– Привет, пап, – сказала я и запнулась. Я не знала, что говорить; он был мне очень нужен, но я никогда бы в этом не призналась. Тайный кодекс моей семьи подразумевал полное молчание.

– Привет, Стеф, – ответил отец, заметно удивленный. Я давно им не звонила. Мы не виделись и не говорили друг с другом со дня рождения Мии три месяца назад, хоть нас и разделяла всего пара часов езды.

– Что случилось?

Я сделала глубокий вдох.

– У меня день рождения.

Голос мой дрогнул.

– Ох, Стеф! – только и сказал он.

Мы оба помолчали. Я слышала, что где-то рядом с ним работает телевизор, представляла себе их темную гостиную, освещенную только горящим экраном. Наверное, Шарлотта вышла покурить на крылечко. Интересно, они по-прежнему не позволяют себе выпить вина в будни?

В первые дни, когда Джейми выгнал нас из трейлера и я приехала к отцу, он часто вставал по ночам и смотрел, как я сижу за кухонным столом, разбирая кучи документов для суда. Мне казалось, отец пытается понять, что произошло у меня в жизни. Факты говорили сами за себя: у меня не было денег, не было дома, а Мие только-только исполнилось семь месяцев. Он понятия не имел, чем нам помочь. Он кормил нас, но в действительности не мог себе этого позволить. Жилищный кризис негативно отозвался на его работе – отец был электриком. Был 2008 год, и застройщики лишились клиентуры, для которой строили свои дома. Я старалась облегчить финансовую нагрузку, покупая продукты на всех за свои льготные купоны. Готовила обеды и завтраки, прибирала в доме, но понимала, что этого недостаточно. Я много просила у отца и Шарлотты, которые и так едва сводили концы с концами. Они должны были переехать в новое жилье четыре или пять лет назад, а в передвижном домике обосновались временно, пока строился дом их мечты. Но тут грянул кризис, и их планам пришел конец. Шарлотта работала на дому, медицинским агентом в страховой компании, для чего ей пришлось пройти дополнительное обучение и получить новый диплом. Папа же был электриком с тех пор, как закончил школу.

Шарлотта купила трейлер сразу после развода и в нем растила сына – одна, на свою скромную зарплату. Папа, стараясь как-то облагородить их передвижное жилище, пристроил к нему сзади большую террасу, на которой была развешана целая дюжина птичьих кормушек. Мия обожала наблюдать за ними из окна гостиной и всякий раз, когда голубая сойка подлетала за своим арахисом, хлопала в ладоши и визжала от восторга. И отец улыбался тоже, глядя на нее.

– Она в точности такая, как была ты в ее возрасте, – говорил он, как будто немного удивляясь.

Однажды вечером отец пришел домой поздно, с полными сумками продуктов. Уложив Мию в постель, я присела на диван в гостиной рядом с Шарлоттой, смотревшей телевизор. Папа вышел на террасу, где у них стояла уличная ванна, прихватив бутылку вина. Сквозь звук телевизора мы с Шарлоттой вдруг услышали рыдания. Рыдания взрослого мужчины. Никогда в жизни я не слышала ничего подобного. Шарлотта пошла на улицу посмотреть, что происходит.

– Прекрати! – через пару мгновений громко воскликнула она. – Ты пугаешь свою дочь!

Я никогда не видела и не слышала отца плачущим и, как любой ребенок, сразу решила, что это моя вина. Я взвалила на него непосильный груз, обратившись за помощью в тот момент, когда он никак не мог себе этого позволить. Днем раньше он уже говорил мне, что нам надо съехать. Когда я рассказала об этом Шарлотте, она уверила меня, что мы можем жить у них, сколько потребуется. Наверняка они спорили между собой обо мне.

Нервный срыв у отца стал последней каплей: нам надо было переезжать. Но как бы сильно я ему ни сочувствовала, от одной мысли о том, что нам придется с Мией искать жилье – при том, что я безработная, – я приходила в полное отчаяние. У меня не было времени восстановиться после шока от того, что я оказалась бездомной с ребенком. Шарлотта была права. Он меня пугал – но совсем не в том смысле, в каком она думала.

Шарлотта вернулась в комнату и села на диван. Мы не сказали друг другу ни слова. Она сделала звук громче, и мы продолжили смотреть *Обратный отсчет*. Я не могла себя заставить повернуть голову и посмотреть на нее, поэтому сидела неподвижно. Спокойно.

Наконец я поднялась и пошла ложиться. Мой дядя пригнал для меня крошечный трейлер и припарковал его на подъездной дорожке. Мы с Мией ночевали там. Крыша трейлера протекала, и мы не могли пользоваться мини-кухней и туалетом, но зато там работал отопитель и имелась откидная койка.

– Идешь спать, Стеф? – спросила Шарлотта, пытаясь сделать вид, что ничего не произошло.

– Да, что-то я устала, – солгала я. Потом остановилась у двери и посмотрела на нее.

– Спасибо огромное, что приютили нас.

Шарлотта, как всегда, улыбнулась и сказала:

– Можете оставаться сколько потребуется, – но теперь мы обе знали, что это неправда.

Просунув голову в дверь трейлера, я увидела, что Мия крепко спит на нашей откидной койке. Я забралась под одеяло, пристроившись на краешке рядом с ней. Я не устала – мне просто хотелось лежать и слушать ее дыхание, позабыв обо всем остальном. Я перевернулась на спину, потом на бок, но все никак не могла прогнать из головы звуки отцовских рыданий. Возможно, мне удастся арендовать место в кемпинге для домов на колесах и там припарковать свой трейлер. А может, лучше перебраться поближе к дедушке, в Анакортс, вот только как жить рядом с бабушкой, которая подкармливает всех бездомных кошек в округе?

Час спустя сквозь тонкие стенки трейлера я услышала, как в главном доме хлопнула дверь. Отец с Шарлоттой ссорились – до меня доносился шум и удары. Потом наступила тишина.

Я проскользнула в дом посмотреть, что произошло. В кухне магниты с двери холодильника были рассыпаны по всему полу. Стол сдвинут с места. Все выглядело каким-то нереальным. А потом я услышала их – с заднего крыльца. Отец по-прежнему плакал, но теперь он раз за разом просил у Шарлотты прощения.

Когда мы с Мией на следующее утро пришли завтракать, отец уже отправился на работу. Шарлотта сидела за кухонным столом, по-прежнему сдвинутым с места. Я попыталась взять ее за руку, и она посмотрела на меня красными, заплаканными глазами.

– Он никогда раньше такого не делал, – сказала она, глядя куда-то в стену. Потом, внезапно, перевела взгляд на меня. – Он же добрый человек!

Постепенно подробности прошлой ночи выплыли наружу: она сказала отцу, что уезжает к сестре, и начала собирать чемодан, потом добавила, что заберет с собой собаку. Я смотрела на нее в восхищении: жаль, что мне не хватило решимости уйти от Джейми, когда, еще в самом начале беременности, он начал давать волю своему гневу. Жаль, что я не такая сильная.

– Это было ошибкой, – сказала Шарлотта, глядя на Джека, улегшегося на полу возле ее ног. – Этого не надо было говорить.

Она поставила чашку с кофе на стол и осторожно завернула рукав, открыв темно-лиловые синяки.

Я посмотрела вниз, на Мию, которая возилась с собакой на кухонном полу, гладила ее, приговаривая: «Собачка, собачка», – со спутанными после сна волосами и все еще в пижамке. Какая ирония: убежать от одного мужчины, распускающего руки, к другому!

Я закрыла глаза. Мы должны уехать.

В тот же день я начала обзванивать приюты для бездомных. Приют, по крайней мере, обеспечивал крышу над головой на некоторый промежуток времени, и там нам с дочкой не грозило насилие. К тому моменту как отец позвонил домой, чтобы приказать мне убираться, я уже уложила вещи в машину и была готова ехать.

Когда я попыталась рассказать тетке и брату о синяках, которые мне показала Шарлотта, выяснилось, что отец уже разговаривал с ними и сказал, что я все это выдумываю, чтобы привлечь к себе внимание. И про Джейми я тоже все выдумала – с той же целью.

– Мне жаль, Стеф, – сказал отец по телефону в тот вечер, на мой день рождения. Сказал, что был очень занят на работе, но я уже не слушала. Не надо было мне звонить.

Он попытался загладить свою вину. Через неделю от него пришло письмо с чеком на сто долларов. Я смотрела на чек, понимая, что для него это немалые деньги. Не в силах справиться с обидой за то, что он выгнал нас из дома, я решила потратить их на что-нибудь безумное. Не заплатить по счетам и не купить продукты. Мы с Мией пошли в новый тайский ресторанчик в городе, где подавали сладкий рис с кокосовым молоком и манго на десерт. Мия так в нем перепачкалась, что дома мне пришлось ее искупать. Потом я уложила дочку спать, села перед компьютером и решила хоть как-нибудь себя порадовать.

Сайт знакомств был открыт у меня в браузере уже несколько дней. Я заполнила профиль, загрузила фотографии и начала смотреть анкеты мужчин моего возраста. Мои родители оба нашли своих нынешних партнеров на этом сайте, и моя тетка тоже. На такое я не особенно рассчитывала, но кое-чего в моей жизни определенно не хватало: общения. За последнее время я растеряла большинство

друзей, потому что предпочла уединиться, стесняясь своей ситуации. Долгими ночными часами, когда Мия засыпала и у меня впервые за день появлялось время на себя, я мечтала с кем-то пообщаться, пускай просто по электронной почте или по телефону. Но только не с людьми, которые знали о моем положении; я уже устала говорить об этом. Я хотела флирта, хотела почувствовать себя прежней: девушкой с татуировками и стриженными темными волосами, перехваченными банданой, которая танцевала, обвязав свитер вокруг пояса. Хотела завести новых друзей.

Наверное, я находилась не в том положении, чтобы просиживать на сайте знакомств, но мне было все равно. Я болтала с мужчинами из Солт-Лейк-Сити, Юты, Уинтропа, Вашингтона. Я предпочитала тех, кто жил подальше, тем самым избегая риска привязаться к ним. Сама я точно не поехала бы с ними повидаться, и они приехать ко мне не могли, потому что Мия всегда была со мной – отец брал ее лишь ненадолго. Да и вообще, это было слишком сложно. Мне хотелось просто смеяться, ощущать себя тем человеком, которым я была до рождения ребенка и до того, как безденежье стало определяющим аспектом моего существования. Я совсем забыла ту себя, которая могла свободно уходить и приходить, встречаться с друзьями, работать на трех работах, чтобы подкопить денег на путешествие. Мне надо было ощутить, что это мое «я» все еще со мной.

В глубине души я признавала, что не отказалась бы найти себе парня, и втайне надеялась на это. Однако из-за неуверенности, а может, из-за чересчур рассудочного и трезвого взгляда на ситуацию, я считала, что мой шанс крайне невелик. Я жила за счет государственных дотаций, страдала от приступов паники, до сих пор не могла справиться с эмоциональной травмой, которую получила, или хотя бы осознать ее глубину. Материнство определяло всю мою жизнь, но я сама не знала, нравится мне это или нет. И кто, положив руку на сердце, согласится завязать отношения с *такой* женщиной?

Примерно через месяц на сайте, к моему искреннему изумлению, один претендент нашелся – и решил приехать меня навестить. Он жил неподалеку, в городке под названием Стэнвуд, куда я неоднократно ездила в поисках жилья для нас с Мией за пределами Порт-Таунсенда. Стэнвуд был маленьким провинциальным городишкой на юге округа Скаджит, где жила моя родня. Он находился близко, но не

слишком близко, и оттуда было рукой подать до острова Камано с его нетронутыми безлюдными пляжами. В пользу этого парня говорило не только место жительства, но и его имейлы, словно вышедшие из-под пера Джона Стейнбека, где он описывал ферму, на которой живет, и дом, построенный прапрадедом, который потом там же и застрелился.

Тревис писал о ферме в восторженных интонациях – несмотря на то, что всего однажды уезжал оттуда, да и то на короткое время. Он писал, что у него есть фотографии, где его младенцем купают в той же раковине, над которой он теперь по утрам чистит зубы. Его родители, купившие ферму у деда, до сих пор жили там и работали: держали конюшню. Мать Тревиса, мало того что растила пятерых внуков, по будням еще и занималась бухгалтерией. Именно это – а не только обещание конных прогулок в любой момент, когда я пожелаю, – заставило меня принять приглашение на обед.

Тревису пришлось попросить отца накормить и напоить лошадей вместо него в тот вечер, чтобы отправиться ко мне в Порт-Таунсенд. Когда мы встретились на паромном причале, вид у него был взбудораженный.

– Никогда раньше не плавал на пароме, – воскликнул он. – Даже не знал, что здесь есть город.

Он нервно хохотнул, а я предложила пойти в ближайшее заведение – в «Сирены». Было четыре часа пополудни, вряд ли там сидели люди. Я знала, что если кто-то увидит, как я обедаю с незнакомым парнем, об этом тут же донесут Джейми. Пару месяцев назад, после долгого рабочего дня, я зашла в бар выпить бокальчик пива. Кто-то ему сообщил, и, когда я приехала за Мией, Джейми заявил, что я пьяная. С тех пор я старалась держаться от баров подальше.

Мы сели за стол – внутри, не на террасе, – и заказали бургеры и пиво. Именно здесь, шесть месяцев назад я сидела с мамой и Уильямом: тогда я в последний раз заходила в «Сирены». Судя по тому, как долго Тревис определялся с заказом, он вряд ли часто ходил по ресторанам. Кажется, он волновался, но меня это не смутило.

– Так чем же, все-таки, ты занимаешься? – поинтересовалась я, хотя мы уже говорили об этом в переписке и по телефону.

– По утрам чищу лошадям стойла, по вечерам кормлю, а днем так, всем понемножку.

Тревиса не задевало мое любопытство и постоянные вопросы, и он охотно смеялся, когда я пыталась шутить.

– Но в сенокос, конечно, приходится работать от зари дотемна.

Я кивнула.

– Так вы сами выращиваете сено, чтобы кормить лошадей, которых люди к вам привозят? И сколько их у вас?

– У родителей пара в их собственном сарае, плюс еще пара, мы их держим для друзей.

Он щедро кусал от своего бургера, и мне нравилось за ним наблюдать. Тревис явился, похоже, в своей обычной рабочей одежде – дырявых джинсах с пятнами, коричневых кожаных ботинках и толстовке с капюшоном поверх выцветшей футболки. Я была одета примерно так же, разве что в джинсах поновее, купленных летом в магазине конфиската.

– Потом Сьюзан – женщина, которая арендует у нас один из манежей. У нее отдельная конюшня. А основная у нас на сто двадцать голов, но сейчас занята примерно половина. Многие наши клиенты потеряли деньги, не могут больше держать лошадей. Не могут даже заплатить, чтобы кто-нибудь их забрал.

Я никогда не думала, что лошадь – это такие большие расходы, но знала, что работы с ней немало. Когда я была еще маленькой и жила рядом с бабушкой и дедом, то летом часто проводила время в краях, где рос мой отец. Прежде чем выйти на пенсию, дед работал дровосеком и, отправляясь в лес, брал с собой лошадей. В том возрасте, как сейчас Мия, я уже свободно держалась в седле. Я ездила на лошади лучше, чем ходила пешком. В голове у меня уже вставали картины того, как Мия будет ездить тоже.

Спускались сумерки, когда я пошла провожать Тревиса на паромном причале. Мы обнялись на прощание, и я поймала себя на мысли, что хочу прижаться к его груди и никуда его не отпускать. Он пах лошадьми, сеном, свежей стружкой. Пах работой – что для меня означало стабильность. Эти запахи пробудили во мне острый прилив ностальгии. Вот я еду в телеге, сижу на лошади рядом с дедом, подаю гвозди отцу, пока он что-то мастерит. Объятия Тревиса напомнили мне все эти моменты, принесли утешение и – каким-то образом – дали почувствовать себя дома.

Ферма

Я закрыла свой складной нож и сунула в задний карман рабочих брюк. Осенний туман оседал у меня на лице, пока мы с Тревисом работали: дюжинами загружали тридцатикилограммовые снопы в измельчитель, мелко рубивший солому, которую потом смешивали с опилками, чтобы посыпать пол в стойлах. Я стерла темно-желтую пыль со лба и сунула руку в рабочую рукавицу, зажатую под мышкой. Сделала глубокий вдох и потянула к себе следующий сноп. Перевязку на нем следовало разрезать так, чтобы узел остался на месте – тогда солома не рассыпалась, и ее проще было загружать в измельчитель. Если я разрежала перевязку неправильно, сноп распадался, и солома валилась на землю, что сильно нас задерживало.

– Ты неправильно делаешь, – в который раз заорал Тревис, когда сноп осел мне под ноги.

– Извини! – крикнула я в ответ, стараясь придать голосу тон искреннего раскаяния. Я резала сноп за снопом, целые горы соломы, которые потом превращались в еще большие горы измельченной сухой травы.

Мы переехали в Стэнвуд к Тревису через четыре месяца после нашего первого свидания, когда Мие вот-вот должно было исполниться два. С тех пор прошло девять месяцев, и весьма нелегких. Тревис очень тяжело трудился на ферме. Оказавшись дома, он почти не отрывал взгляд от телевизора. Эта связь гарантировала нам стабильность – и жилье. Но, что еще важнее, она снимала с меня клеймо матери-одиночки. С Тревисом я стала частью семьи. Но я не предвидела, что совсем лишусь независимости, и не понимала, насколько привыкла быть только матерью. В глазах Тревиса моя ценность определялась работой, которую я выполняла на ферме, поскольку работа по дому – уборка и готовка – для него ценностью не являлась. Но я не могла найти постоянного места, так что должна была помогать ему. Проблема была в том, что я располагала только скудными алиментами, поступавшими от Джейми, и продуктовыми купонами. Тревис получал деньги за работу, значительную часть которой выполняла я, но делиться со мной не собирался.

Поначалу мне даже нравилось выходить по вечерам из дому, чтобы накормить пятьдесят или около того лошадей, стоявших в конюшне. Когда уборщики, чистившие конюшни по выходным, отказались от места, Тревис вызвался заниматься этим сам, за что получал 100 долларов в неделю вдобавок к другой сотне, которую родители платили ему за кормление. В выходные Мия отправлялась к своему отцу, а я вставала в семь утра, чтобы вместе с Тревисом чистить конюшни, и хотя у него в карманах копились наличные, полученные от родителей, мне он денег не предлагал.

– Тревис, – сказала я как-то раз. – Разве мне не полагается что-то из этого тоже? Я ведь помогала.

– Зачем тебе деньги? – возмутился он. – Ты же не платишь по счетам!

Я смахнула слезы, набежавшие на глаза от унижения, и объяснила, что мне надо заправлять машину.

– На, – буркнул он, пошуршав купюрами и протягивая мне двадцатку.

Мы начали ссориться. Каждый раз, когда я отказывалась помочь ему кормить лошадей. Каждый раз, когда на столе не было ужина. Каждый раз, когда я позволяла себе подольше поспать, зная, что в наказание он не будет со мной разговаривать. В отчаянии я звонила практически по всем объявлениям о работе, которые появлялись на бирже труда или в местной газете, рассылала чуть ли не дюжину резюме в неделю, но мне очень редко перезванивали в ответ. Потом подруга дала мне номер женщины, которой нужна была девушка в агентство по уборке. Меня сразу наняли. Работа казалась многообещающей. За нее платили 10 долларов в час, и Дженни, владелица агентства, сулила мне до двадцати рабочих часов в неделю: целых 200 долларов моих собственных денег. Возможно, я даже смогла бы отказаться от работы на ферме.

– Это отличное место. Все дома, где они убирают, находятся в Стэнвуде, – объясняла я Тревису, пока он вылезал из трактора. – Кажется, у них даже нет испытательного срока. Я просто делаю свою работу, и мне платят, в конверте.

Я старалась улыбаться, хотя в последние дни мы с ним едва перебросились парой слов.

– По-моему, просто идеальный вариант.

Мия, которой было уже два с половиной года, наслаждалась жизнью на ферме с Тревисом. Я, честно говоря, тоже была довольна, но, в основном, потому, что совместная жизнь с ним наконец-то избавила меня от клейма бездомной и матери-одиночки.

– Как-как? – переспросил Тревис с недовольным видом. Похоже, он не расслышал и половины из того, что я говорила. Он был одет так же, как на нашем первом свидании. Я попыталась вспомнить, что почувствовала, когда мы с ним впервые обнялись. Это было год назад, и тогда в его объятиях я ощутила безопасность и покой. Теперь же между нами постоянно витало взаимное недовольство.

– Работа с частичной занятостью, в утренние часы, – продолжала я, идя за ним следом, пока он закреплял прицеп позади трактора, – и если Мия будет оставаться до вечера в детском саду, то я даже смогу помогать тебе на ферме.

Я убеждала сама себя, что работа на ферме – это что-то вроде моего взноса за жилье. Но мне требовались живые деньги, хотя бы на тот же бензин.

Он поглядел на меня без всякого выражения.

– Я буду много работать. Буду чистить конюшню, – уже почти молила я, отбросив всякую гордость. – Буду кормить и поить лошадей. Буду стараться готовить ужин, хотя ты знаешь, что я это терпеть не могу.

– Мне плевать на ужин, если ты помогаешь на ферме, – сказал он. Потом вздохнул.

Я помолчала.

– Помоги-ка закинуть еще вот эти снопы, – сказал он, забираясь обратно в трактор.

– Так как ты считаешь, надо соглашаться? – прокричала я, чтобы он меня услышал за шумом мотора. Он недовольно глянул сверху из кабины, но ничего не сказал. Оставалось только плестись за трактором, нагруженным соломой, дальше к сараю.

Была зима 2009 года, экономический спад, когда люди не могли себе позволить держать лошадей ради развлечения. Доходы от конюшен, принадлежавших Тревису и его родителям, упали как никогда низко, а цены на люцерну и стружку, которой засыпали стойла, только росли. Большая часть оборудования на ферме пришла в негодность от старости. Его родители устали поддерживать бизнес на

плаву и надеялись, что Тревис возьмет на себя большую часть дел. В теплый сезон он работал с утра до вечера, проводя в тракторе по двенадцать часов в день, а зимой чинил поломанную технику и промерзшие трубы, успевая по утрам вычищать стойла лошадей, которых в конюшне было от сорока до восьмидесяти.

Я поглядела вверх, сквозь соломенную пыль, витающую в воздухе, и с удивлением увидела, что Тревис мне улыбается. Нам оставалось измельчить еще где-то половину снопов. Солома усыпала его красную бейсболку и толстовку с капюшоном. Он протянул руку в рукавице, чтобы потрепать меня по голове, но я увернулась и бросила в него пригоршню стружки. Тревис рассмеялся, и голубые глаза осветили все его лицо.

Агентство Дженни было очень хорошо организовано – по крайней мере, мне так показалось. Она записывала сведения обо всех своих клиентах в ежедневник, который носила за собой, как дамскую сумочку. В мой первый рабочий день она вручила мне набор чистящих средств и рулон бумажных полотенец. Мы встретились с ней и еще несколькими женщинами возле дома клиента, большого коричневого особняка, смотревшего на долину. Дженни не представила меня остальным, просто сказала: «Это новенькая», – и все они по очереди мне кивнули, но не подошли, чтобы пожать руку или просто посмотреть в глаза, а продолжили выгружать коробки с инструментарием из багажников своих машин. Дверь открыла клиентка – пожилая дама с седыми буклями, улыбающаяся так, будто мы гости, которые явились на чаепитие. Все разошлись по разным комнатам, а я осталась стоять, дожидаясь инструкций.

– Убери в главной спальне и в соседней тоже, если времени хватит, – сказала одна из уборщиц, самая старшая. Кажется, ее звали Треиси. Она указала на комнату с кроватью и мягким розовым креслом и ушла, прежде чем я смогла задать ей хоть какие-то вопросы.

Когда я почти закончила с главной спальней, пришла Дженни и стала проверять мою работу. Поначалу ее лицо ничего не выражало, но потом она улыбнулась и сказала: «Все отлично», – и исчезла снова. Все уже собирались, когда я вышла из комнаты, и Дженни сказала: «Просто езжай за нами в следующий дом». Так продолжалось всю первую неделю. Мы целой командой высаживались возле дома,

расходились по разным комнатам, а закончив, собирались у выхода. Так наша колонна потрепанных машин переезжала от клиента к клиенту.

Всем заправляла Дженни: со светлыми волосами розоватого оттенка, собранными в тугий хвост. Она держалась так, будто была королевой красоты в школе и ожидала, что люди и сейчас должны ею восхищаться. Когда она инструктировала меня, как убирать – не важно, спальню или ванную, – то всегда с улыбкой говорила: «Все должно блестеть!» Я спрыскивала плитку чистящей жидкостью и протирала бумажными полотенцами, смахивала пыль метелкой из ярких перьев, а перед выходом брызгала в комнате освежителем воздуха.

У всех уборщиц имелись собственные предпочтения относительно того, какую работу выбирать. Некоторые любили прибирать на кухне, некоторые – пылесосить гостиные и спальни. Но ванны мыть никто не хотел. Эта обязанность доставалась новенькой.

Ванная может выглядеть чистой и нарядной, с розовым чехлом на сиденье унитаза, с полотенцами и ковриками в цвет шторы для душа с розочками, но это не значит, что в ней вы не наткнетесь на что-нибудь кошмарное. Поначалу самым отталкивающим мне казались лобковые волосы. Их количество повергало меня в шок. Я научилась вытряхивать маленькие урны из ванн так, чтобы не прикасаться – даже в перчатках – к тампонам, презервативам, салфеткам, в которые кто-то высморкался, и комьям волос. Люди расставляли бутылочки с лекарствами прямо на раковинах, вместе с зубной пастой и щетками. Конечно, меня специально приглашали, чтобы убирать, но я все-таки рассчитывала, что клиенты будут более аккуратными и кое-что будут сами выбрасывать за собой. Я могла потратить минут пять, поднимая разные предметы с полки, протирая их, потом протирая саму полку, и аккуратно расставляя все обратно.

После первой недели работы в группе меня поставили в пару с женщиной с темными вьющимися волосами до плеч, лет на десять старше меня, на которую все шипели сквозь зубы, пока Дженни этого не слышала. От курения у Анджелы пожелтели зубы и кончики пальцев, и я еще толком с ней не познакомилась, когда Дженни сказала, что в следующий дом мы едем только вдвоем.

– Анджела там все знает, – объявила Дженни. – Она скажет, как добраться. Заедешь за ней утром, а потом отвезешь домой. Энджи, я пришлю тебе сообщение сегодня вечером, скажу, у кого вам завтра убирать, ладно?

Дженни помахала рукой и запрыгнула в свою машину с двумя другими девушками. Похоже, мой период обучения подошел к концу.

В том доме Анджела бойко болтала с клиентами, пожилыми супругами, одетыми в отутюженную военную форму, пока я отмывала ванны и кухню. Мне казалось, что она вообще ничего не делает, пока я не услышала, как включился пылесос. Через некоторое время, закончив с главной ванной, я вышла к ней.

– Ты уже все? – спросила Анджела, выключая пылесос и улыбаясь.

После того, как Дженни поставила меня в пару с Анджелой, другая девушка, подождав, пока та уйдет, шепотом посоветовала мне присматривать за напарницей, когда мы убираем.

– Она крадет губки и бумажные полотенца из домов клиентов, – шептала она. Официально губки и полотенца мы должны были покупать за собственный счет. Иногда, закончив в каком-нибудь доме, Анджела прихватывала с кухни распечатанные пакеты с чипсами или солеными крекерами. Помню, как она, усевшись в машину, запустила в такой пакет руку, хотя до уборки у нее с собой его точно не было.

– Хочешь? – спросила она, протягивая мне пакет. Анджела настолько явственно игнорировала мой неодобрительный взгляд, что мне хотелось закричать.

– Нет, – ответила я, дожидаясь, пока две другие уборщицы, с которыми мы работали в тот день, выедут с парковки передо мной. Трейси, сидевшая за рулем, у которой темные волосы отросли на добрых пару сантиметров и просматривались седые корни, решила остановиться и выкурить сигаретку.

– Эй, а мне можно закурить? – спросила Анджела, уже в третий или четвертый раз, как Мия, когда знала, что я устала и могу сдать.

– Нет, – тупо ответила я.

– Тогда пойду спрошу, может, Трейси меня подвезет, – сказала она, вылезая из машины, чтобы пересесть.

Я никогда не обсуждала поведение Анджелы с Дженни. Я предпочитала склонить голову и не жаловаться, радуясь тому, что у меня есть работа. Но мне требовалось больше рабочих часов. Дженни

очень заботливо относилась к своим сотрудницам, и у меня возникло впечатление, что Анджела работает на нее уже долгое время, возможно, дольше нас всех. Я гадала, какая за этим может стоять история, почему Анджела оказалась в таком положении. Собственно, я думала обо всех моих нынешних коллегах. Что заставило их взяться за эту работу – мыть туалеты за копеечную плату.

– Она была одной из моих лучших девушек, – как-то раз сказала мне Дженни, когда мы с ней, вопреки обыкновению, оказались в машине только вдвоем и ехали к следующему клиенту. Голос ее смягчился. – Анджела пережила трудные времена. Я очень ей сочувствую.

– Ну да, – откликнулась я. – Я понимаю.

Но на самом деле я совсем не понимала. В домах, где мы с Анджелой убрали вместе, она копалась в хозяйских вещах, листала журналы, заглядывала в ящики, пока я все драила с удвоенной скоростью. Очень скоро у меня начала трескаться кожа на пальцах. Я кашляла от нашатыря, отбеливателя и того противного мелкого порошка, которым мы посыпали ковер, прежде чем пылесосить.

Зимний холод и влажность плохо сказывались на моих легких. Через несколько недель после того, как я приступила к работе, у меня начался ужасный бронхит; я, как могла, старалась лечиться сиропом от кашля и таблетками от простуды, но болезнь только усиливалась. Однажды утром, когда мы с Анджелой подъехали по гравийной дорожке к темно-синему особнячку, стоявшему среди деревьев, у меня начался сильнейший приступ кашля. Он длился и длился, и я никак не могла продышаться.

– Ого, – сказала Анджела, впервые взглянув на меня с некоторой заинтересованностью.

– Ты что, тоже болеешь?

Я попыталась сделать вдох, но ощущение было такое, словно я дышу сквозь влажную тряпку. Я посмотрела на нее, уставая и совсем больная.

– Наверное, лучше звякнуть Дженни, – сказала Анджела. – Там, в доме, старики. Вряд ли стоит сегодня у них убирать.

Анджела взяла свой телефон и начала набирать номер Дженни.

Она отвернулась от меня и отошла на пару шагов в сторонку. Прежде чем я успела ее остановить, Дженни подняла трубку. Я

замахала руками и замотала головой, шепча: «Нет», – но она уже говорила.

– Стефани сильно больна, – сказала Анджела нарочито хрипловатым, сиплым голосом, словно ребенок, который не хочет идти в школу.

– И я, кажется, тоже подцепила от нее простуду.

Она прижала телефон к уху плечом, а сама вытащила из кармана пачку сигарет. Увидела, что пачка пуста, нахмурилась и бросила ее в коробку с моющими средствами.

Мне не хотелось пропускать день работы или отказываться от нее из-за болезни, ведь меня только что наняли. Работа была мне нужна, и я боялась, что Дженни сочтет меня лентяйкой. Анджела проигнорировала мои сигналы, но я все равно вылезла из машины и начала выгружать свой инструмент.

– Да-да, в четверг вечером хорошо, – сказала Анджела в трубку, глядя на меня с широкой улыбкой и поднимая вверх два больших пальца. Она явно радовалась, что вторая половина дня у нее свободна.

– Отлично, – произнесла она в телефон, все еще улыбаясь и уже забыв, что до этого делала вид, что простужена.

– Хорошо, там и поговорим.

– Я же сказала тебе так не делать, – возмутилась я, когда она присоединилась ко мне у багажника машины. У меня начинала болеть голова. Придется объясняться с Тревисом – он наверняка рассердится, когда я вернусь раньше времени домой. Но больше всего меня тревожила нехватка в моей зарплате.

– Я не могу упускать работу. Ты это понимаешь?

– Ладно-ладно, подружка, – ответила Анджела, загружая полупустую коробку назад в багажник. – Завтра поработаем побольше.

Остаток пути к ее дому мы ехали молча, и я включила радио, чтобы не чувствовать неловкость. Анджела покачивала головой в такт музыке и притопывала ногами. Я не могла поверить, что упущенная оплата несколько ее не волновала. Мне очень хотелось ее спросить про детей и жизненные обстоятельства, чтобы представлять себе, чем она живет, поскольку я шла той же дорогой: мать-одиночка, бездомная и без денег. Отчасти именно поэтому я и оказалась на ферме Тревиса, хотя никогда бы этого не признала. Дом Анжелы, находившийся, как

выяснилось, совсем близко от нашего, был предназначен к сносу, но она, хоть и получила повестку о выселении, выезжать не собиралась. Там не работали ни водопровод, ни электричество.

Однако мое сострадание, равно как и любопытство, улетучилось из-за того, что я лишилась двадцати долларов по ее вине. Остановившись перед домом, я продолжала смотреть вперед, стараясь не обращать внимания на прилепленные к двери уведомления о сносе.

Перед тем как выйти, она спросила:

– Не одолжишь денег на пачку сигарет?

– Это моя часовая оплата, – сказала я, поморщившись, поскольку знала, что она примется меня уговаривать.

Но вместо этого Анджела кивнула, вероятно, поняв, насколько я расстроена. А может, она даже сообразила, что у меня нет этих денег.

Я подождала, пока она заберет из багажника свою коробку с моющими средствами, стараясь по-прежнему не смотреть на ее жилище. Я не хотела ее смущать, памятуя о том, как сама жила в приюте для бездомных всего год назад. Некоторые другие уборщицы поговаривали, что примерно в тот период у нее отобрали опеку над детьми. Я не была уверена, но они действительно не показывались, когда я подвозила ее.

– Готово, – крикнула она, захлопнув крышку. Я кивнула, стараясь отогнать от себя мысли о том, как Анджела проведет остаток вечера. Я только надеялась, что она будет готова, когда я заеду за ней завтра наутро.

Когда мы через пару дней вернулись в тот дом, то я узнала, что там жила пожилая пара – двое людей, проведших жизнь бок о бок, окруженных семейными фотографиями и спокойно заканчивавших свой век вдвоем. Муж смеялся и шутил с Анджелой, а сам тем временем подавал жене тарелку с хлопьями и расправлял ее любимый плед, чтобы она удобно села на диван. Мне стало больно при мысли, что один из них может умереть. Очень сложно было привыкнуть к роли, которую я занимала в жизни моих клиентов.

Я стала очевидицей. Невидимой и безымянной, несмотря на то, что проводила несколько часов в месяц в их домах. Я протирала пыль, убирала грязь, пылесосила полы – но оставалась невидимкой. Складывалось впечатление, что я знаю своих клиентов лучше, чем их самые близкие родственники. Я знала, что они едят на завтрак, какие

передачи смотрят, знала, когда они болеют и чем. Я следила за их жизнями, даже когда их не было дома, по отпечаткам на кроватях и салфеткам на ночных столиках. Я знала их, как никто другой не знал – и не мог бы узнать.

Последняя работа на свете

Через месяц обещание Дженни относительно большего количества рабочих часов так и не осуществилось. Казалось, я ей не нравлюсь – непонятно, по каким причинам. Возможно, я была недостаточно разговорчивой, не интересовалась, кто ходил на свидание с кем. Может, мое недовольство нестабильным рабочим расписанием, не позволявшим мне планировать бюджет и график Мии в яслях, стало слишком очевидным, или я казалась излишне ворчливой.

Так или иначе, я продолжала браться за любые заказы, которые поступали от Дженни, мирясь с ее плохими организаторскими способностями. Не полагаясь на Анджелу, Дженни начала по вечерам посылать сообщения с заказами на завтра мне. Я мечтала о нормальном рабочем расписании, о соблюдении изначальной договоренности на двадцать часов в неделю, которые в результате свелись к десяти, если не меньше, в зависимости от того, являлась ли Анджела на работу. Я старалась не возмущаться, когда простаивала по пятнадцать минут перед ее домом, пока она одевалась, отчего мы опаздывали к клиентам. Дженни воспринимала мои жалобы в штыки. Когда Анджела шумно восторгалась тем, что получает деньги в конверте, так что может претендовать на большее пособие от государства, костяшки моих пальцев, и без того крепко сжимавших руль, становились белыми. Ее самодовольство меня убивало. Казалось, мне навязали заботу о ней, в то время как я предпочла бы заботиться о Мие и о нашем с дочкой будущем.

Тревис тем временем воспринимал мою работу как какой-то книжный клуб, занятие, отвлекающее меня от важных дел дома и на ферме. Я с трудом отыскивала время, чтобы побыть с Мией или убрать в доме, и раздражалась, когда Тревис поглядывал на меня, рассчитывая, что я помогу ему кормить лошадей. Чем сложнее становилась моя жизнь в качестве «жены фермера», тем сильнее я начинала сомневаться, что у наших с Тревисом отношений есть будущее. Моя работа, заработок были моей единственной страховкой на случай, если мы вновь лишимся почвы под ногами. А Дженни ничего такого не гарантировала – уж точно не на длительный срок.

«Классик Клин», официальная и известная клининговая компания, публиковала свою рекламу практически во всех местных изданиях. «Требуются уборщицы» – говорилось в каждом объявлении. Я давно решила обратиться туда, если с работой у Дженни что-нибудь не задастся. Теперь этот момент наступил.

– Здравствуйте. Стефани, верно? – спросила женщина, открывшая мне дверь. – Легко нас нашли? Знаю, иногда можно заблудиться тут, между всеми этими постройками.

Я постаралась изобразить очаровательную улыбку, хотя только что до слез разругалась с Тревисом из-за грязных следов, оставленных им по всей кухне.

– Вы отлично все объяснили, – ответила я. Женщине, похоже, было приятно.

– Я – Лонни, – сказала она, протягивая мне руку. – Менеджер по персоналу компании «Классик Клин».

Пожав ей руку, я протянула свое резюме. Лонни заметно удивилась, как будто редко с таким сталкивалась.

– О, надо же! – воскликнула она, явно обрадованная. Честно говоря, эта работа была последней, на которую стоило соглашаться. Но я нуждалась в деньгах, чтобы не пришлось однажды вновь обзванивать приюты для бездомных. Я сердилась на себя за то, что оказалась в таком положении. Фиксированный график и официальная занятость были моим билетом в независимость, гарантией нашего выживания. Наше будущее зависело от того, попаду я в штат или нет.

Лонни кивнула на стол в дальней части прямоугольного офисного помещения, пристроенного к большому загородному дому. По телефону она мне сказала, что управление осуществляется из офиса, расположенного на территории поместья Пэм, владелицы агентства.

– Давайте-ка присядем, и вы заполните заявление. Вам надо подписать согласие на проверку на предмет совершенных правонарушений, вы не против?

Я кивнула и принялась заполнять бумаги. Через некоторое время Лонни присела рядом со мной.

– Наверное, по акценту вы уже догадались, что я из Джерси, – начала она.

И правда, она говорила как младшая сестра Рокки Бальбоа. Лонни была приземистая, полненькая, с кудрявыми темными волосами,

забранными назад валиком – олицетворение порядочной женщины. Она держалась по-деловому, говорила быстро и время от времени делала паузы, давая мне переварить услышанное, а потом поднимала брови в ожидании, что я скажу «ОК» и она сможет продолжать.

– Это наш график, – сказала Лонни, указывая на большую доску за своим рабочим столом. Чтобы достать до верха, ей требовалась скамеечка.

– Фамилия каждого клиента на такой вот табличке, ротация по неделям – А, В, С и D. Как показывает вот эта стрелка, сейчас у нас неделя С. Некоторых клиентов мы обслуживаем раз в месяц, некоторых раз в неделю, но большинство – раз в две недели, то есть дважды в месяц. У каждой уборщицы есть своя цветная кнопка, так мы знаем, кто у кого убирает.

Лонни прервалась и посмотрела на меня. Я стояла с ней рядом, сцепив руки перед собой.

– Ты понимаешь, что я говорю? – спросила она, и я кивнула.

– Итак, теперь дело за проверкой. Я не хочу сказать, что ты можешь ее не пройти, но, сама понимаешь, всякое случается. Иногда просто диву даешься.

Она многозначительно хмыкнула.

– В любом случае, после проверки мы снова тебя пригласим и выдадим все средства, пылесос и рабочую форму. Какой у тебя размер, маленький или средний? Маленький, наверное, ты сама не захочешь. Лучше, чтобы в форме можно было дышать. Кажется, у нас еще оставался средний. Итак, есть какие-нибудь вопросы?

Вопросов было много – в первую очередь о том, сколько я буду получать и сколько часов в неделю работать, будет ли у меня медицинская страховка и больничные, но сейчас задавать их не имело смысла. Я увидела, что уборщица, которую мне предстоит заменить, обозначенная желтыми кнопками на доске, теперь принадлежавшими мне, была занята каждую вторую среду, четверг и пятницу, а также раз в месяц по понедельникам.

Лонни указала на плакат на стене с большой надписью «\$8,55/час», то есть минимально допустимая оплата в штате Вашингтон.

– Столько ты будешь получать на испытательном сроке, – сказала она. – Потом – девять.

Это составило бы 18 720 долларов в год, работай я на полную ставку, но о ней оставалось лишь мечтать. Политика компании гласила, что уборщица не может работать больше шести часов в день. В противном случае сотрудницы рисковали переутомиться, объяснила мне Лонни. Также мне не будут оплачивать время в пути. Дженни включала время, за которое я добиралась от одного дома до другого, накидывая мне пару долларов в день. На новой работе у меня возникало до двух неоплачиваемых часов в разъездах между заказчиками, кроме того, я должна была стирать использованные тряпки у себя дома, своим порошком. То же самое касалось и черных форменных рубашек с крошечной красной птичкой, вышитой рядом с логотипом агентства.

Лонни продолжила объяснять мне их систему, пока я разглядывала доску с графиком. На уборку большинства домов достаточно трех часов. На некоторые уходит четыре. На некоторые – шесть. К каждому заказу, который я получаю, прилагается подробное описание дома, где указана каждая комната с инструкциями по уборке в ней, а также с лимитом времени. Она выгащила одно такое описание и показала его мне. Рядом с большинством комнат имелись приписки, в которых уборщиц просили обратить внимание на сколотую плитку, труднодоступные места, где копилась пыль, и комоды, откуда можно было взять чистое белье, если клиент забывал его выложить на видное место. Там перечислялось все, что я должна была сделать и чего делать не следовало. Никаких больше телефонных переговоров по вечерам, никаких СМС с указаниями. Я могла спланировать свой график заранее и точно знать, что через три месяца, во вторую среду я буду менять простыни в доме, до которого мне предстоит добираться три мили от предыдущего. Я до сих пор сама не понимала, насколько нуждалась в такой уверенности, в стабильности; теперь же я едва не схватила Лонни в объятия. Мне пришлось сморгнуть слезы, набежавшие на глаза.

Лонни позвонила на следующий день. Я только что закончила уборку в доме вместе с Анджелой и, в нетерпении, сидела в машине, дожидаясь, пока та соберется, и стараясь не думать о том, что она, скорее всего, ищет, что бы прихватить у хозяев.

– Проверку ты прошла, – сказала Лонни. – Собственно, я это и так знала, но проверка – обязательный этап.

– О, я понимаю, – сказала я, в глубине души совершенно счастливая от полученной новости.

– Ты можешь подъехать сегодня во второй половине дня, кое-что забрать? – спросила она. – Пэм, владелицы, сегодня нет, но я прослежу, чтобы ты все получила и была готова. Потом поедем ко мне, и ты уберешь у меня дома – это всего в паре кварталов от офиса, – чтобы я немного тебя поднатаскала. Вымоешь ванную и вытрешь пыль.

Я попыталась осознать, что она говорит. Получалось, я принята? И начинаю работать сегодня вечером? У меня была работа, настоящая работа с фиксированной оплатой и постоянным графиком!

– Хорошо! Звучит отлично, – воскликнула я, внезапно задохнувшись.

Лонни засмеялась и сказала подъехать к офису после полудня.

Когда я была маленькой, по субботам мы всегда тщательно убирали в доме. Мама так и ходила в халате все утро, пока не заканчивала с уборкой. Я просыпалась, ощущая аромат блинчиков и бекона или колбасок, всплывавший в мою спальню, под звуки фортепьянных импровизаций Джорджа Уинстона. После завтрака мы брались за свои заранее распределенные, пусть и не вызывающие особой радости, обязанности. Я отвечала за ванны. Сначала только за ту, которой пользовались мы с братом, но потом я достигла таких высот и мама стала так меня хвалить, что я решила взять на себя еще и ванную родителей. Мама хвасталась своим приятельницам, что я отмываю ванну до блеска, а у меня грудь раздувалась от гордости, и даже казалось, что я становлюсь немного выше ростом.

Внешний вид всегда имел для мамы большое значение.

– Ты же испачкаешься! – говорила она, если я хотела надеть что-нибудь белое. В детстве мне запрещалось покрывать ногти лаком, потому что мама говорила, что облупившийся лак у девочки на ногтях – это отвратительное зрелище. Как-то раз в субботу, когда мне было лет пять-шесть, я была у бабушки с дедом, и бабушка накрасила и себе и мне ногти на руках и ногах ярко-розовым лаком, хоть я и говорила, что мама разозлится. На следующее утро в церкви, когда надо было сложить ладони в молитве, я сцепила пальцы, чтобы моих ногтей не было видно.

Подход «Классик Клин» к своим клиентам заметно отличался от подхода Дженни. Я становилась невидимым призраком, появлялась либо в девять утра, либо в час дня, в зависимости от их пожеланий и от того, хотели они присутствовать при уборке или нет. Редко когда я была занята после половины четвертого.

– Понимаешь, родительское расписание, – объясняла Лонни. – Пока дети в школе.

Мне надо было убирать в доме особым образом, в точности так, как это делала сотрудница до меня, чтобы клиент не заметил никакой разницы. Очень тщательно, с большим вниманием. Доводить до блеска все поверхности в кухне, взбивать все подушки, складывать край туалетной бумаги треугольником – всегда одним и тем же образом.

Моим первым испытанием должна была стать уборка на кухне и в главной ванной в домах Лонни и Пэм, и я считала, что мне не о чем беспокоиться. У обеих были красивые дома: двухэтажные, окруженные деревьями. Не слишком большие, но и не маленькие. Я поехала за «КиаСпортадж» Лонни к ее дому, загрузив в багажник только что выданные моющие средства, все тщательно переписанные в мой «профиль сотрудника». Две бутылки со спреем, банка «Комета», две губки, пара желтых резиновых перчаток, пятьдесят белых тряпочек, две метелки для пыли, один пылесос «Орек», две швабры и так далее. Лонни проинструктировала меня, как использовать все эти средства, и сказала обращаться в офис, когда они закончатся. Мы немного поболтали, пока она отыскивала все необходимое, чтобы я могла приступить, и я упомянула о том, что вечером должна завезти Мию к отцу, на традиционный визит выходного дня.

– О да, – откликнулась Лонни, – мне это хорошо известно, уж поверь.

Ее дочери было десять, когда Лонни повторно вышла замуж, как она рассказала.

– И Пэм, знаешь ли, тоже через это прошла. На самом деле, она начала этот бизнес, оставшись матерью-одиночкой. Наверняка у вас найдется о чем поговорить.

Дженни тоже одна растила детей. У меня начинало складываться впечатление, что все, кто занимается уборкой – одинокие матери,

которые разрываются между домашним хозяйством и попытками заработать. Уборка – их последнее прибежище.

Лонни сказала мне позвонить в офис с домашнего телефона, чтобы официально зафиксировать время прибытия.

– Привет, – сказала я после сигнала автоответчика. – Это Стефани Лэнд, начинаю уборку в доме Лонни, – и повесила трубку.

– Нет, – воскликнула Лонни с таким возмущением, что я подпрыгнула. – Надо сказать дату и время!

Потом она быстренько поправилась:

– Ну, конечно, дата и время будут и на автоответчике тоже. Но их все равно надо называть каждый раз, когда ты начинаешь и заканчиваешь, и с домашнего телефона, чтобы он зафиксировался на определителе. Так мы отслеживаем часы работы.

Я кивнула, все еще с испуганными глазами. Она уже говорила мне об этом раньше, когда выдавала листы с данными клиентов, к которым меня приписали, но я не все запомнила из того огромного количества инструкций. Судя по всему, Лонни не раз приходилось их повторять.

Лонни указала мне на ванную, находившуюся напротив небольшой квадратной кухни.

– Что касается этой ванной: особое внимание надо обратить на столешницу и стену над раковиной.

Лонни, по ее собственным словам, использовала много лака для волос, о чем свидетельствовали два больших флакона, стоявших под зеркалом.

– В остальном все стандартно: унитаз, ванна и душ.

Она похлопала меня по плечу.

– Покажи, на что ты способна. Я приду попозже и проверю твою работу.

За много лет до того, как забеременеть Мией, я подавала заявление в местное отделение клининговой службы «Мерри Мейдс», пытаюсь найти работу где-нибудь кроме кофеен. В первый свой день я смотрела в офисе обучающее видео: блондинка в рубашке-поло и брюках цвета хаки, улыбаясь, надевала наколенники, а дикторша звонким голосом говорила: «Так как мы моем пол? Вот так! Стоя на четвереньках!» Я тогда ухмыльнулась, но в дальнейшем кое-что из этого учебного видео очень мне пригодилось: надо было в голове разделить каждую комнату, каждый уголок квартиры на маленькие

квадраты. В «Мерри Мейдс» сотрудницам рекомендовали работать всегда в одном направлении: слева направо и сверху вниз. С тех пор, когда я убирала, это видео раз за разом проигрывалось у меня в голове: начинаем с левого верхнего угла, идем вниз и вправо, и так до самого конца.

Почти автоматически я точно так же убирала и в ванной у Лонни: начиная с левой стороны двери, левого верхнего угла зеркала и дальше вниз и вправо. Лак, не попавший на волосы, оседал на всех поверхностях, но их в любом случае требовалось отмыть. Да и пятна от него оставались весьма заметные – такие не пропустишь. Работа уборщицы в целом заключается в том, чтобы пройтись по каждому квадратному сантиметру помещения. Если в доме четыре спальни, две хозяйских ванн и две гостевых, кухня, столовая, гостиная и салон, можно представить себе, сколько там таких квадратных сантиметров – но каждый все равно должен быть прибран!

Когда я сказала Лонни, что закончила с ее ванной, она слегка выпятила губы, готовясь проверять мою работу. Через пару секунд после того, как она скрылась за дверью, оттуда послышался возглас:

– Стефани!

Я бросилась к ней. Стоя перед зеркалом, она согнулась наполовину, а потом быстро выпрямилась. Потом наклонилась снова и попросила меня сделать то же самое. Пальцем она ткнула в пятно на зеркале, которое я не заметила, потому что его было видно только снизу. Потом она провела ладонью по столешнице.

– Все надо переделать, – сказала Лонни, помотав головой. – Остался лак на столешнице и на стене.

Глаза у меня расширились. Я совершенно забыла про стену.

Она заставила меня тоже провести рукой по столешнице, чтобы убедиться, что та липкая, и велела ощупать все поверхности в ванной. Тонкая пленка лака лежала повсюду, даже на задней стенке туалетного бачка, которую я тоже пропустила.

– Но ванна и душ выглядят прекрасно, – похвалила меня Лонни, снова похлопав по плечу, прежде чем выйти за дверь.

Стоя в ванной и глядя на свое отражение в зеркале, я вспоминала, как мама расхваливала меня перед подругами.

– Стефани начищает ванну прямо-таки до блеска, – говорила она.

Теперь в зеркале я видела себя приниженной, опустившейся, готовой не только отмывать туалет другой женщины, пока та сидит на диване и листает журнал, но и делать это повторно по ее требованию.

Когда моя новая работа стала набирать обороты, Дженни меня уволила. Естественно, по СМС, которую прислала в восемь часов вечера, после того, как я отказалась от заказа, на который она поставила меня на следующий день. Мне надо было убирать другой дом, от «Классик Клин», о чем Дженни знала, но забыла, и все равно она использовала это против меня.

«Я отдала тебе этого клиента, потому что ты говорила, что хочешь больше часов, – написала она. – Так не делается. Мне нужен человек, который играет в команде».

Я не стала оправдываться, зная, что Лонни будет довольна, заполучив меня единолично. Оплата в «Классик Клин» была ниже, но их организованность и деловой подход являлись в моем случае неоспоримыми плюсами. По крайней мере, на данный момент. Других вариантов у меня не было.

Порнодом

В первые пару недель я сопровождала Кэтрин, женщину, которую должна была заместить. Она была выше ростом и старше меня и ездила на свежем джипе «Чероки». Она сказала, что собирается перейти бухгалтером на полный день к мужу, в строительную компанию. Уборкой она подрабатывала, пока его бизнес простаивал. Она выглядела усталой, но явно радовалась тому, что обходит своих клиентов в последний раз.

Я ездила за ее джипом по домам две недели, пытаюсь перенять ее спокойный, размеренный подход к делу. За несколько дней до Рождества я заметила, что клиенты оставляли ей открытку, куда вкладывали долларов десять или около того. Они не знали, что к ним придут две уборщицы, как не знали, что я ее скоро заменю. Каждый раз при виде такой открытки она искренне удивлялась, и у меня возникло ощущение, что свои рождественские сюрпризы уборщицы получали не слишком часто. Мне предстояло проработать целый год, раз двадцать пять отскрести руками каждый туалет, чтобы получить десятку чаевых.

Нам внушали, что мы должны заходить в дом через заднюю дверь, или через боковую, на кухне. За собой следовало вкатить аккуратную тележку с моющими средствами и щетками, взять мешок с чистыми белыми тряпочками, пылесос и швабры. Поначалу я плохо управлялась со своим инструментарием. Подход «Классик Клин» отличался от того, к которому я привыкла у Дженни – мы должны были все отмывать руками. Моя работа больше не ограничивалась тем, чтобы смахнуть пыль и навести блеск, а потом прыснуть освежителем. Здесь все надо было мыть – используя разные щетки и губки, хозяйственное мыло и уксус.

Я кое-как затаскивала все в дом, стараясь сделать это за один раз, и организовывала свою «рабочую станцию», как мне сказали называть тележку. Открывала папку с графиком, записывала имя последнего клиента и звонила в офис, чтобы оставить сообщение с датой и временем начала уборки. Поначалу мне приходилось сильно торопиться, чтобы закончить уборку в доме за три или четыре часа, которые на нее выделялись, и отзвониться об окончании.

У меня установился более-менее постоянный режим дня, начинавшийся с того, что я отводила Мию в ясли, находившиеся за углом от нас. Эти ясли никогда мне не нравились, но только там принимали оплату в виде пособия. Мне казалось, что у них очень холодно, слишком много народу, а воспитательницы делают свою работу через силу; кроме того, Мия приносила оттуда очередную болезнь, стоило только ей поправиться после предыдущей. Мне надо было ее туда водить, чтобы иметь возможность работать, даже ценой ее благополучия. На данный момент мои заработки являлись для нас главным приоритетом. Помню, как я стояла на пороге яслей, держа Мию за пухлую маленькую ручку. Я знала, что нужна ей. Знала, что нам лучше бы посидеть дома, но не могла объяснить, что меня уволят, если я не явлюсь на работу, а это означало бы для нас полный крах. Мы остановились, прежде чем шагнуть в дверь. Я посмотрела на дочку и увидела зеленые сопли, стекавшие из носа на верхнюю губу.

– Что это у тебя под носом? – спросила темноволосая женщина, кажется, помощница воспитательницы, которую я никогда раньше не видела, подойдя к нам поближе. Вопрос был адресован Мие, но на самом деле она обращалась ко мне. Мия потянулась меня обнять, и женщина отвернулась, неодобрительно качая головой. Я чувствовала себя ужасно от того, что должна была оставить дочь там. После двух доз тайленола^[2], после того, как накануне вечером ее тошнило... Но у меня не было выбора.

Из яслей звонили и просили забрать Мию, если она становилась сонливой, если ее рвало или поднималась температура. Бывало, когда мы возвращались с ней домой, я усаживала Мию перед телевизором, укутывала пледом, давала ей поильник с соком, и она так и сидела без движения до самого ужина, после которого я ее мыла и укладывала спать. Тревис обычно садился с ней рядом, и они смотрели мультфильмы, пока я готовила и убирала.

Несмотря на растущее разочарование, я видела, что Тревис искренне любит Мию. Ему нравилось, когда малышка ходила за ним по пятам во время работы или сидела рядышком на диване и смотрела телевизор. Меня же больше привлекала иллюзия семьи, чем наши с ним настоящие отношения. Он олицетворял собой отличного отца, с лихвой компенсируя то, что недодавал дочке Джейми. Рабочий человек, как мой отец. Когда на ферме все было сделано, он мог

проявить заботу и напечь оладий. Но в моих глазах эта забота не перевешивала его постоянного сидения перед телевизором, хотя Мия смотрела на него сияющими глазами. Я даже завидовала ей. Мне хотелось, чтобы меня он очаровывал тоже. Глядя, как они вдвоем сидят на диване, я, после долгого рабочего дня, ощущала себя в относительной безопасности. Кто знает, может, у нас все еще сложится?

На работе, после того, как Кэтрин ушла, у нас с Лонни образовался определенный ритуал. Когда появлялся новый заказчик, она «знакомила» меня с домом, как будто у домов был собственный дух, которым мне следовало проникнуться.

В такие моменты Лонни выглядела счастливой. Казалось, у нее и правда есть с домом какая-то внутренняя связь.

– Вы должны познакомиться друг с другом, – говорила она, подмигивая.

Большая часть информации, которую Лонни мне сообщала на этих выездах, отсутствовала в печатных инструкциях, которые мы получали официально по каждому клиенту. На них делались дополнительные пометки, которых клиенты никогда не видели, например: «Душ надо отмывать по-настоящему тщательно, они его уделывают вконец» или «В гостевом туалете на полу постоянно остается моча». Это по-новому открыло мне глаза на нашу работу: я поняла, что мы, хоть и прячемся за профессиональным подходом, все-таки признаем, какая она отвратительная.

В «Классик Клин» я в одиночку убирала несколько домов. Самым длинным днем была среда, шесть рабочих часов на два небольших домика, стоявших рядом на краю утеса над океаном.

Многие наши клиенты жили на острове Камано, в получасе езды от яслей Мии. Многие из них работали в Эверетте или Сиэтле, куда им приходилось добираться не меньше часа. Я не представляла, кем они могут быть – наверное, серьезными врачами и адвокатами, чтобы платить налоги за такие дома. Остров Камано находится между континентом и островом Уидбей, так что у большинства этих домов был вид на океан. Дома, которые я убирала по средам, выглядели совсем небольшими по сравнению с отдельно стоящими гаражами, раза в два превосходившими жилое пространство.

Лонни сказала мне первым убирать дом супружеской пары, чтобы у другого клиента оставалось время уехать, прежде чем я перейду к нему. Когда мы впервые приехали к тем домам, Лонни кивнула головой в сторону второго:

– Надо дать ему время собраться и уехать. Он очень болен.

Я спросила, чем. Лонни пожала плечами.

– Его жена умерла, – ответила она. – Сама увидишь. Грустно все это.

С того момента я называла дом «Грустный». Не могла по-другому думать о нем. У остальных домов тоже со временем появились свои названия: дом Леди с сигаретой, Фермерский дом и так далее.

Когда я только начинала, мне казалось странным, что ни один из клиентов не знал о замене уборщицы, в то время как я уже отлично ориентировалась в их домах. Не думаю, что Лонни уведомяла их о заменах, если только не имела на это прямых указаний, особенно с учетом нашей «невидимости». Вряд ли клиенты были бы довольны, узнав, какая в агентстве текучка. Они удивились бы, поняв, сколько чужих людей проходит через их дом. Я была не личной прислугой, а сотрудницей компании. Они обращались за услугами к агентству, не ко мне. Я проводила в их домах по многу часов, а они даже не знали, как меня зовут.

Порнодом, как я его назвала, был первым из тех, что я убирала по средам. Там было всего три комнаты с широкими окнами, выходящими на океан, и розарий на заднем дворе. Супруги, жившие там, держали кошку и собаку, так что все это тесное пространство было усыпано шерстью вперемешку с пылью. Приходилось обращать особое внимание на то, что творится на каминной полке, на телевизорах, в помещении со стиральной и сушильной машинами.

– Ох уж этот душ, – сказала Лонни, открывая сдвижную шторку, за которой оказался стоячий душ, весь покрытый волосами, бутылками с шампунем и какими-то склизкими комками зеленоватого цвета. – Его надо сперва замачивать.

При уборке мы пользовались самыми примитивными средствами. В моей тележке стояла бутылка с разбрызгивателем, в которой находился наполовину разбавленный водой раствор жидкого хозяйственного мыла. В другой такой же бутылке была вода с четвертью белого уксуса. У меня имелась банка порошка «Комет»,

кусок пемзы, зубная щетка, несколько зеленых жестких губок и ручные щетки двух разных размеров. Для мытья этого душа, покрытого мыльным налетом и слизью, существовал особый протокол.

Сначала надо было убрать все бутылки с шампунем, мочалки и губки, аккуратно вынеся их за дверь. Потом обрызгать все так называемым «многоцелевым моющим раствором Классик-Клин», чтобы замочить. Дальше, после мытья столешницы и унитаза, следовало смыть раствор, окуная щетку в воду, которую я наливала в обрезанную молочную бутылку и ставила в центре душа. Мне требовалась губка, щетка, обе бутылки с распылителями и несколько тряпок. Я еще раз обрызгивала стеклянную раздвижную перегородку изнутри, посыпала губку «Кометом» и оттирала ее слева направо, сверху вниз.

Затем душ надо было ополоснуть водой с уксусом, просушить тряпкой, потереть пропущенные пятна и придирчиво осмотреть, прежде чем идти дальше, по всей ванной, которую я должна была отмыть не менее тщательно. В свой первый визит я потратила целый час только на душ, мечтая о настоящем многоцелевом моющем растворе. «Классик Клин» не заявлял о себе, как об «экологичной» компании – они просто использовали натуральные продукты, чтобы снизить себестоимость услуги, полагаясь, в основном, на «силу рук» уборщиц. Я не говорила об этом менеджеру, но из-за защемления нерва в позвоночнике не могла крепко держать губку или щетку правой, ведущей рукой. Я с детства страдала сколиозом, искривлением позвоночника, а в последнее время из-за работы у меня защемило нерв, идущий к правой руке. Чтобы оттереть тот душ, я сжимала руку в кулак, кулаком прижимала губку к плитке и изо всех сил давила на нее. Чтобы вымыть пол в ванной, я полностью разгибала локоть, точно так же сжимала кулак и всем весом наваливалась на правую руку, очищая налет. Когда правая рука совсем отказывала, я работала левой, но после первых моих шестичасовых смен, возвратившись домой, я едва могла удержать тарелку с едой или сумку с продуктами.

В первые несколько визитов я задерживалась, и Пэм сильно возмущалась. «Классик Клин» не мог взять с клиента больше, чем было договорено, поэтому выплата сверхурочных ложилась на ее плечи. Деньги были небольшие, но Пэм очень сожалела о такой

финансовой нагрузке, как будто я нанесла ей личное оскорбление, запоздав на пятнадцать минут. Я переживала, что работаю медленно, хотя не могла взять в толк, как можно отмыть целый дом, пусть даже небольшой, за каких-то три часа.

Порнодом получил свое название не сразу – до этого я некоторое время проработала там. Однажды, войдя в спальню, где надо было переменить простыни, я увидела на ночном столике, прямо перед большими электронными часами, флакон со смазкой. Его освещали яркие красные цифры на экране, и я уставилась на флакон так, будто он может броситься на меня. Я обошла комнату вплотную к кровати, стараясь держаться от него подальше. Ящик ночного столика оказался приоткрыт, и в нем лежал журнал *Hustler*. У моих ног валялась пара грязных носков.

Осторожно их обойдя, я сняла натяжную простыню и с ее помощью подняла носки с пола. Все полетело в стиральную машину. Чистую простыню следовало надевать точно по инструкции: туго, с диагональными углами и максимально натянутым верхом. Когда дошло до пыли, то я решила оставить ночной столик на самый конец, чтобы не брать за смазку. Хотя я не имею ничего против мастурбации и порнографических журналов, я бы советовала все же прятать подобные вещи перед приходом уборщицы.

Может, он забыл, что сегодня среда, – подумала я.

Но со временем я поняла, что смазка – лишь одно из проявлений того, что происходило в Порнодоме. Казалось, супруги жили каждый своей жизнью. Женщина работала медсестрой, в неурочные часы; я знала это по медицинской форме, аккуратно разложенной на стуле в задней комнате. Чем занимался муж, мне угадать не удалось. Хотя они и были вроде как женаты, на стенах не висело ни одной свадебной фотографии – только их портреты в одинаковых свитерах. Дом казался темным, поскольку они предпочитали землистые тона: серо-синий и болотный зеленый. На полке над кухонной раковиной в рамке с завитушками стояла картинка с надписью: «Живем вместе ради кота».

Мусорное ведро в ванной вечно было переполнено обрывками туалетной бумаги, тампонами, прокладками и использованными зубными нитями. Их аптечка, которая часто стояла открытой, наполнилась сильнодействующими антибиотиками. Судя по носовым платкам и слизи в душе, у одного из них был хронический насморк,

как и у меня, и у Мии, и, кажется, у всех жителей этой влажной северо-западной местности, где черная плесень в домах прорастала за одну ночь, покрывала все подвалы и подоконники.

В гостиной стоял диван и пара кресел, повернутых к камину и телевизору. Медсестра, похоже, любила одно конкретное место, возле лампы, куда часто устраивался и их кот. Муж предпочитал сидеть в кресле, рядом с которым стояла корзинка со старыми журналами о путешествиях, перемежавшимися выпусками *Hustler*. Примерно с месяц стол в столовой покрывали брошюры с рекламой курортов «все включено», но по-моему они так никуда и не поехали. Обычно клиенты отменяли уборку, если уезжали в отпуск.

В задней комнате, прилегавшей к прачечной, стояла аккуратная полуторная кровать, а рядом с ней на стуле висела медицинская форма. На тумбочке лежали романы из тех, что обычно продаются в универсальных магазинах, с мускулистыми мужчинами с голым торсом на обложке, обнимающими длинноволосых красоток. Я гадала, почему она спит отдельно. В спальне имелась большая двуспальная кровать и платяной шкаф, с ручки которого свисал собачий ошейник. Может, ее муж храпел? А может, ей приходилось вставать и ложиться в неудобное время.

Однако порнография и романы меня потрясли. Я представляла, как они спят в разных кроватях, в разных комнатах, и каждый фантазирует о другом партнере и, возможно, о совсем другой жизни.

Мы с Тревисом шли к тому же самому. Пусть не до такой степени, но он, приходя домой, съедал приготовленный мной обед, усаживался перед телевизором и по четыре часа пялился в экран, прежде чем лечь в постель и пялиться дальше, в другой телевизор, с таймером. Таймер он обычно выставлял на шестьдесят минут.

Когда я только переехала к Тревису, у него был телевизор с экраном размером с двуспальную кровать, стоявший на самодельной подставке. Он наклонил его вперед, чтобы добиться нужного угла, и зафиксировал цепями, прикрученными к стене. Впервые оказавшись там, я тут же об него ударилась. С тех пор Тревис успел обзавестись большим плоским телевизором и покупной тумбой под него. Но размер экрана остался тем же. И я продолжала об него ударяться.

На тридцать первый день рождения Тревис подарил мне ноутбук. Уложив Мию спать, я села за кухонный стол и писала в блог,

который начала вести из-за того, что не могла долго удерживать ручку правой рукой. Иногда я делала домашние задания или болтала с друзьями онлайн, сидя спиной к Тревису, неизменно смотревшему телевизор.

Уборка по выезду

Материнство, в моем случае, учило прощаться, надеясь при этом не лишиться доверия ребенка. У психотерапевтов, консультировавших меня после того кошмара, который мы с Мией пережили по вине Джейми, я узнала, что для формирования у детей эмоционального интеллекта и психической устойчивости важно – даже критично – иметь одного постоянного взрослого, который воспитывал бы их и никогда не нарушал своих обещаний. Не важно, сколько других людей появлялось и исчезало из их жизней, если этот, главный, оставался. В первые годы жизни Мии, когда мы постоянно метались между яслями и посещениями отца в выходные, я постаралась сделать нашу домашнюю жизнь максимально предсказуемой и стереотипной. В конце каждого купания я следовала одному и тому же ритуалу: закрывала крышку унитаза, раскладывала на ней полотенце, ставила Мию в центре, вытирала ее тельце и волосы другим полотенцем и ласково щекотала – всегда одинаково. Каждая сказка перед сном, каждый поцелуй, каждое «спокойной ночи, я тебя люблю, увидимся утром» должны были усиливать это ощущение постоянства. Это был самый большой ей дар от меня как от матери, потому что ради него мне приходилось делать все возможное и невозможное, чтобы не нарушить ни одно из своих обещаний. Я надеялась, что, хоть в остальном наша жизнь пребывала в полном хаосе, Мия, по крайней мере, будет знать: в том месте, которое мы на данный момент называем домом, блинчики по утрам для нее всегда готовятся одинаково.

Прощаться с дочкой, равно как и отвозить ее к мужчине, ужасно с нами обращавшемуся, было невыносимо тяжело. Драматические сцены утренних расставаний в яслях начинались, как только мы въезжали на парковку. Когда мы, наконец, подходили к группе, воспитателям приходилось отрывать от меня Мию, которая громко кричала, рыдала и лягалась, цепляясь за меня. Я разворачивалась и быстро уходила, говоря: «Пока, дорогая. Я люблю тебя. Приду после полдника». Некоторые сотрудницы, забрав Мию, держали ее на руках еще некоторое время, но многие просто ставили на пол, и тогда я, уходя, наблюдала, как моя дочь, в слезах, стучит ладонями в окно.

Отдать Мию в ясли, объединенные с домом престарелых, поначалу показалось мне неплохой идеей, поскольку с бабушками и дедушками она практически не виделась. Но теперь я дважды в день проходила через холл, где выстраивались в очередь за своими лекарствами старики, а персонал им в лицо заявлял, что от них воняет. Мне казалось, что в здании царит не столько дух детства, сколько дух скорой смерти, причем самой безотрадной, даже по сравнению с Грустным домом.

В Грустном доме не было особенно грязно. Иногда мне приходилось отскрести капельки крови с пола в ванной, и туалет сильно пачкался тоже. В остальном дом просто покрывался пылью. Пожилой хозяин проводил там большую часть времени, если не лежал в больнице, но почти ничем не пользовался.

Судя по фотографиям, его жена умерла в конце восьмидесятых. Поначалу я предполагала, что она скончалась совсем недавно, но мне не попалось ни одного фото с ней, сделанного в последние годы. Памятные безделушки, которые она собирала, по-прежнему стояли на подоконниках: маленькие фарфоровые куколки и птички, аккуратно выстроенные в ряд. К пробковой доске над столом на кухне были приколоты списки дел, написанные ее рукой. В ванной было две раковины, и рядом с ее до сих пор висел включенный в розетку фен, который я каждый раз тщательно протирала. Рядом с его раковиной лежала расческа и стояли пузырьки с лекарствами, которые постоянно менялись. Я начала приглядываться к ним, пытаюсь разобраться, что у него за болезнь. Скорее всего, просто разбитое сердце.

На полочке в ванной, прямо под зеркалом, в которое он смотрелся, стояли две урны – с прахом его жены и их сына. На фотографии сын показывал знак «мир», стоя на вершине горы, в зеленой бандане и с длинной бородой. Ниже шли традиционные строки:

Не стойте, плача, над моей могилой.

Меня там нет. И я не сплю.

Две маленькие шкатулки стояли бок о бок: одна из розовой керамики с выпуклыми розочками и вторая, из темного олова. К розовой была прислонена фотография его жены. Я открыла шкатулки,

чтобы посмотреть, что внутри: там лежал пепел и таблички с данными покойных из крематория.

Он питался выпечкой и сэндвичами из местной лавочки деликатесов и пил много кофе со щедрой порцией ликера «Калуа». Ему было, наверное, под семьдесят или чуть больше, но он по-прежнему занимался гольфом и делал ставки в индийских казино. В гараже пылились неплохая моторка и «Джип CJ». В гостиной на стене висела фотография его жены перед этим самым джипом: улыбающейся, в солнечных очках. Он курил «Кэмел» без фильтра прямо в спальне, стоя перед раздвижными стеклянными дверями, или на террасе, если позволяла погода. Его младший сын, живший в нескольких часах езды, похоже, почти его не навещал. Он был одинок и медленно умирал в доме, который превратился в хижину отшельника после смерти жены. Он все делал правильно: работал на хорошей работе, женился на женщине, которую любил, много путешествовал – но теперь все равно доживал свой век в одиночестве.

Когда я впервые вернулась к себе после уборки в Грустном доме, то не могла перестать думать о том клиенте. Работа в целом была унылая, исключительно ради денег, но тут внезапно она начала оказывать неожиданное влияние на мою жизнь: слабости других людей, свидетелем которых я становилась, делали легче мое бремя. Хотя я никогда не виделась и не разговаривала со своими клиентами, хотя большинство из них вообще не знали о моем существовании, они начали мне казаться членами семьи или друзьями, о которых я волновалась, переживала, заботилась – пускай и на расстоянии. Я представляла себе, чем они занимаются по вечерам. Где сидят. Что едят, что смотрят по телевизору. Как проводят свои дни. Моя жизнь была лишена событий, но благодаря им у меня было на что надеяться, за кого тревожиться и кому желать всего самого наилучшего.

Мию постоянно переводили из группы в группу из-за текучки персонала в яслях, который нанимали и увольняли в зависимости от количества детей. Пару недель каждый раз, когда я отдавала дочь утренней воспитательнице, та сама вытирала слезы, оттаскивая от меня Мию, которая кричала и вырывалась. Однажды я услышала краем уха, как воспитательница жаловалась другой маме на то, что работа очень тяжелая, а платят им совсем крохи. «Стоило ради этого

учиться в колледже!» – рассерженная, бросила она. Я страдала, оставляя Мию с ней, страдала от того, что не могла позволить себе хорошие ясли, в которых воспитателям хотя бы достойно платили.

Однажды утром, после особенно тяжелого расставания, я села в машину и зарыдала, решив, что имею право потратить пару минут на собственные чувства. В тот день я привезла Мию немного раньше, чем обычно, но из-за традиционного скандала в дверях мы, в результате, опоздали. Не сдержав свое недовольство ею, я ушла, не поцеловав дочь на прощание. И что, если теперь я погибну в автокатастрофе и последним ее воспоминанием будет, как я ушла, оставив ее плачущей в окружении чужих людей?

Подобные мысли, постоянно меня преследовавшие, в то утро были особенно сильными. Я знала, что в следующие два дня должна буду работать в медвежьем углу на острове Камано, где не принимает мобильный телефон. Мне не нравилось уезжать от Мии, оставлять ее в яслях, далеких от идеала, но особенно меня пугала мысль, что если с ней в течение дня что-нибудь случится, мне не смогут позвонить. Но работа была слишком хороша, чтобы от нее отказаться.

– Это уборка по выезду, – сказала Лонни по телефону. – Такие заказы нам редко переппадают.

В большинстве случаев у «Классик Клин» для всех потенциальных клиентов имелись приблизительные расценки на услуги. Менеджер встречался с владельцем, оценивал объем работ и примерно определял время (и, в некоторых случаях, количество сотрудников), которое там потребуется. Постоянные клиенты, у которых уборка проводилась раз в неделю, раз в две недели или раз в месяц, платили по фиксированным ставкам, но уборка после ремонта или выезда жильцов оплачивалась по специальному тарифу.

Я убирала в пяти или шести домах, но все это были уборки раз в две недели или раз в месяц, то есть за две недели я вырабатывала около двадцати часов, за которые мне и платили. Я не могла наняться на другую работу, потому что расписание у меня варьировалось, и всегда просила дать мне дополнительные часы, если они появятся. Когда Лонни позвонила спросить, соглашусь ли я на уборку по выезду, я тут же согласилась, даже поблагодарила ее за то, что она отдала этот заказ мне, а не другим сотрудницам.

Убирать предстояло спаренный дом-трейлер, стоявший на той же улице, что и дом другого нашего клиента, которого я называла Шеф-поваром, из-за огромной плиты. Владелец, в тех редких случаях, когда мы с ним встречались у него дома, обычно стоял на кухне перед этой самой плитой, занимая все пространство между ней и кухонным островом в центре.

– Пришлось кредит взять, чтобы ее купить, – сказал он как-то, бережно проводя пальцем по краю. – Стоит, наверное, вдвое дороже твоей машины!

Хоть я и не сомневалась в справедливости его замечания, мне пришлось приложить усилие, чтобы не нахмуриться в ответ на этот намек: я, мол, езжу на старенькой «Субару»-вагон. Вместо этого я спросила, будут ли особые инструкции относительно ухода за плитой. За две недели, проходившие между уборками, она вся полностью покрывалась жиром из-за его пристрастия к фритюру, о котором явственно говорили закопченная фритюрница и многочисленные бутылки с ароматизированным оливковым маслом. Похоже, он пользовался ею чуть ли не каждый день, поскольку весь дом пропитался стойким запахом гари.

– Да! – воскликнул он, подняв вверх указательный палец. – Не пользуйся жесткой стороной губки!

Губка могла оставить на поверхности царапины, поэтому мне приходилось отмывать плиту тряпками, расходуя за раз по пять-шесть штук.

На парковку перед спаренным трейлером, в котором предстояло делать уборку, я въехала с десятиминутным опозданием. Пэм уже была там, вместе с девушкой, которая на весь день становилась моей напарницей. Я кинулась к ним.

– Извините за опоздание, – торопливо сказала я, пытаюсь, чтобы голос звучал максимально искренно. – Мия никак не отпускала меня сегодня.

Пэм недовольно фыркнула, пробормотав себе под нос что-то о детях, которые должны понимать и уважать своих родителей и их работу. Я не стала просить ее повторить или вслух высказать свои претензии, памятуя о том, что она тоже побывала в моей шкуре, редко виделась с детьми из-за работы и все-таки преодолела эту ситуацию. Пэм махнула головой в сторону второй уборщицы, мрачноватой

полной блондинки с волосами, стянутыми резинкой, которая выглядела не столько недовольной моим опозданием, сколько просто скучающей.

– Это Шейла, – сказала Пэм. – На этой неделе она нас покидает.

Мы с Шейлой посмотрели друг на друга, кивнули головами и улыбнулись. Потом взялись разгружать моющие средства – на этот раз совсем не те, что при обычных уборках. Это были сильнодействующие спреи для удаления плесени, жира и пятен. Шейла протянула мне мешок с тряпками, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, пока я спешно заплывала свой кофе из термостойкой кружки.

– Прежде чем начать, я должна рассказать вам кое-что про этот дом, – сказала Пэм, пока мы стояли перед трейлером. Она попросила нас с Шейлой подойти поближе. Шейла смотрела на Пэм, я же – на Шейлу, гадая, почему она уходит, и терзаясь завистью к ней.

Пэм через плечо оглянулась на заросший травой пустырь. Потом мотнула в его сторону головой и сообщила:

– Вон там дом матери Босоногого грабителя.

Это имя знали все в штате. На самом деле Босоногого Грабителя звали Колтон Гаррис Мур, и он, как я, был уроженцем округа Скаджит. Босоному Грабителю недавно исполнилось девятнадцать лет, но он наводил ужас на всю округу, проникая в дома богачей, пока хозяева спали. В одном из них, в гараже, он оставил следы босых ног. Один раз он вломился в дом Шеф-повара, чтобы воспользоваться компьютером, и взломал его кредитку, купив на нее баллончик со слезоточивым газом и очки ночного видения. В Интернете он искал информацию о каком-нибудь маленьком самолете, стоящем без присмотра. Я так и представляла себе, как он сидит за столом, с которого я каждую неделю вытираю пыль, и копается в бумагах, ища номер кредитки среди груды документов и счетов. Местные средства информации сообщали, что он вооружен и очень опасен, а скрываться может в доме своей матери.

Хоть я и сомневалась, что он и правда там, окружающий пейзаж казался мне идеальным фоном для фильма ужасов. Мы находились у пустого трейлера на проселочной дороге, уходившей в лес. В уборках по выезду вообще было что-то жуткое – как будто зачищаешь место преступления, удаляя все следы.

Прежде чем отпирать входную дверь, Пэм сообщила, что нас ожидает внутри. Дом принадлежал супругам, которые решили развестись. Жена выехала, а муж остался, подселив к себе пару приятелей.

– Финансово заказчик сильно ограничен, поэтому работать надо с максимальной эффективностью, – сказала Пэм, стоя возле двери. – Я тоже побуду тут пару часов, помогу вам, а тебе, Стефани, придется вернуться завтра и все закончить.

Я не совсем понимала, что значит «с максимальной эффективностью». Нам и так не разрешалось делать перерывы, поскольку предполагалось, что мы отдыхаем, пока едем от одного клиента к другому, впопыхах заталкивая в рот яблоки и сэндвичи с арахисовым маслом. Но сегодня ездить было не надо. Мне предстояло провести в этом спаренном трейлере от шести до восьми часов, сегодня и завтра, в медвежьем углу, где даже телефон не принимал, и я не могла позвать на помощь и быть на связи на случай чрезвычайной ситуации с Мией.

– Не забывайте пить воду, – сказала Пэм, взясь с замком. Рядом с ней стояло ведро, полное моющих средств и бумажных полотенец.

– И делайте небольшие перерывы, отдыхайте, если устанете.

Мои брови от изумления взлетели вверх. Впервые за все время работы по часам я получила разрешение делать паузы. Наверное, в счет за экстренную уборку можно было ставить и их тоже, в отличие от регулярной. До сих пор я считала, что мы не имеем права даже присесть.

В большинстве домов, где я убирала до сих пор, владельцы обладали достаточными средствами, чтобы поддерживать свое жилье в приличном состоянии, так что к ним ходили уборщицы и до меня. Уборки по выезду же всегда производили угнетающее впечатление. Дом пуст. Не надо вытирать пыль вокруг ламп на столах, книг и безделушек на полках. На первый взгляд кажется, что так гораздо проще. В действительности же это самый неприятный, тяжелый и неблагодарный вид уборки. Чаще всего ее устраивают в домах, которые владельцы хотят продать после того, как долгое время сдавали внаем и арендаторы не заботились о чистоте. В таких домах кухни полностью покрыты толстым слоем жирового налета, напоминающего резиновую пленку. Полы туалетов в желтых пятнах,

все вокруг усыпано волосами. Проведя тряпкой по какой-нибудь поверхности, ты вдруг видишь ее изначальный цвет, отчего все остальное кажется еще более грязным.

Войдя в трейлер, я первым делом увидела затоптанную до черноты плитку у входа. Черная дорожка на ковровом покрытии указывала направление к гостиной. Стоя в столовой, мы осмотрели люстру, едва не касавшуюся наших голов – она была вся опутана паутиной.

– Я займусь гостевым санузлом, – сказала Пэм, отчего я преисполнилась к ней внезапной симпатии. – Там ужас что творится.

Она уперлась руками в бедра, разглядывая паутину над головой.

– Шейла, – позвала она вторую девушку, осматривавшую жалюзи в гостиной, все гнутые и черные от грязи.

– Ты займешься пылью. И эти жалюзи не забудь тоже.

Пэм посмотрела на меня, сделала глубокий вдох и сказала:

– А ты иди на кухню.

Я последовала за Пэм; мы вошли в следующее помещение и заглянули в холодильник, который она выключила из розетки и оставила открытым, когда приезжала на первоначальный осмотр. Лицо ее скривилось в гримасу. Это был первый и последний раз, когда она при мне реагировала подобным образом; обычно Пэм хранила деловито-улыбчивый вид, даже когда распекала нас.

– Надо будет вытащить все полки и замочить, – сказала она, поворачивая голову ко мне, но все еще глядя внутрь холодильника. Я подошла ближе и посмотрела ей через плечо.

– Вытащишь все стеклянные полки и отмоешь как следует.

Она потрогала резиновую прокладку на дверце.

– Тут надо попробовать зубной щеткой. Смотри, чтобы отмыть всю присохшую грязь из щелей. Скажешь, если понадобится помощь.

Пэм потрепала меня по плечу и улыбнулась.

– Эти вот старые пятна от упаковок с мясом обычно плохо оттираются.

Мы продолжили обход небольшой кухоньки. Пэм обратила внимание на толстый коричнево-оранжевый слой жира внутри колпака вытяжки. Подняв головы, чтобы заглянуть в него, мы обе застыли с открытыми ртами. Весь потолок был забрызган чем-то красным, вроде соуса чили. К переключателям плиты намертво прилипли коричневые комки какой-то пищи. Каждый квадратный

сантиметр этой кухни, даже внутри ящиков, надо было отмывать щеткой и оттирать тряпками.

Стоя над раковиной, я видела в окно угол дома, где жил когда-то Босоногий Грабитель. Мне казалось, что его голова вот-вот вынырнет из высокой травы. Я волновалась за свою драгоценную «Субару», машину, от которой полностью зависела, поскольку с ее помощью добиралась до работы. Я уже представляла, как он, грозя пистолетом, отнимает у меня ключи и уезжает.

Чтобы отмыть потолок, мне пришлось забраться на кухонный напольный шкаф. Пэм пришла проверить, как у меня идут дела. Потом попросила дать знать, когда я закончу – она покажет, что осталось сделать в главной ванной. Она продолжала убирать гостевую. Я слышала, как она кашляет от паров отбеливателя, хоть и работает в защитной одноразовой маске. Эти маски не особенно защищали от испарений. Пэм ее надела, чтобы показать нам пример и напомнить делать то же самое. Если какая-нибудь из уборщиц заявляла, что пострадала на работе, у нее первым делом спрашивали, пользовалась ли она защитными средствами, предоставленными компанией.

Зайдя в кухню, Пэм увидела, что я опустила руки и остановилась передохнуть. Я простояла на шкафчике почти полчаса, отмывая грязные пятна с потолка. И просто валилась с ног.

Она велела идти за ней, и мы прошли в другую половину дома, где я до этого не была. В главной спальне еще сохранилась мебель; шкаф пока освободили только наполовину. Толстый синтетический плед с волчьей мордой был накинут на большой водяной матрас. Я невольно сморщилась, представляя себе, как этот мужлан – чью кухню я вот уже два часа не могла отскрести от засохшей пищи – развлекался тут со своими подружками. Я и представить не могла, какая женщина в здравом уме согласилась бы присоединиться к нему на этом замызганном покрывале.

Фантазии, которые я строила насчет своих клиентов, помогали мне справляться с собственными страхами, усталостью и одиночеством. Воображаемые жители этих домов двигались вокруг меня. Я видела, как они садятся в постели, просыпаясь на работу, как моются мочалкой в душе – той самой, что валялась на полу, и которую я брезговала поднимать, даже в перчатках. Они оставляли следы – свои и своих действий. Я представляла, как они стоят у окна на кухне и

пьют утренний кофе, пока вытирала круги, оставленные их чашками на подоконниках.

Когда мне было шестнадцать, я подрабатывала в зоомагазине – чистила клетки крыс, мышей, хомяков, ежей, хорьков и попугаев. Владелица говорила со мной тоном, полным пассивной агрессии, от которого меня бросало в дрожь. Однажды утром я явилась на работу, заранее раздраженная тем, какие мне предстояло выполнять обязанности, зная, что просто не вынесу еще одного дня копания в птичьих клетках, пока их обитатели яростно бьют крыльями, отчего я только сильнее пугаюсь.

– От этой работы у меня один стресс, – сказала я, входя в офис хозяйки. – Я думаю уволиться.

– Ну, – саркастически ответила она из-за рабочего стола, стоявшего рядом с клетками, где сидели крупные грызуны, – можешь идти на все четыре стороны, раз стрессы тебе не по нутру.

Я несколько недель ждала, пока получу расчет – чеком по почте. С тех пор я ни разу сама не уходила с работы, но при виде главной ванной в том трейлере именно об этом подумала первым делом.

На второй день я вернулась в трейлер одна. Припарковалась на подъездной дорожке, заперла двери машины и сама заперлась в доме. Я старалась не смотреть в окна, боясь увидеть, как Босоногий Грабитель пройдет мимо. В то утро я отвела Мию в ясли, дав ей предварительно тайленол – у дочки была небольшая температура. Если ей станет хуже, со мной не смогут связаться. Никак. Тревога от того, что я совсем одна, запертая в трейлере, без телефона, начала подступать к горлу; я никак не могла избавиться от нее. К ней присоединился стресс от того, что я словно оказалась в черной дыре – как мать, я всегда старалась хотя бы быть на связи на случай, если что-то вдруг произойдет.

В первый день мы успели практически все, но мне надо было еще раз пройтись по комнатам, где убирала Шейла. Полки из холодильника до сих пор отмокали в раковине. Линолеум на кухонном полу с протертыми коричневыми дорожками между раковиной, плитой и холодильником, в форме треугольника, тоже следовало отскрести. Но большую часть дня мне предстояло заниматься главной ванной.

В первый день Пэм посоветовала мне чередовать: отмыть часть ванной, переходить в другое помещение, а потом возвращаться и продолжать. Мой метод слева направо и сверху вниз не годился для того кошмара, который открылся моим глазам. Черная плесень покрывала большую часть потолка и стен стоячего душа. Я потратила две бутылки средства против плесени, поливая ею стенки и оттирая их щеткой, в очках и защитной маске, чтобы не дышать ядовитыми парами.

Углы и щели покрывал густой мыльный налет. Чистящий раствор потоками стекал к моим ногам – черно-коричневые реки плесени и грязи. Я оттерла один участок и тут же об этом пожалела, поняв, что точно так же мучительно мне придется отмывать и все остальное, каждый сантиметр. Я стащила с лица маску и спрятала нос за ворот футболки, периодически мне приходилось выходить в темную спальню, чтобы немного отдышаться.

Опустившись на колени перед унитазом и увидев, в каком он состоянии, я подскочила и бросилась прочь из дома. С меня хватит! Я села на крыльцо и просидела неподвижно, под мелким дождем, не меньше четверти часа. Я почти жалела, что у меня нет сигарет, или хотя бы сытного ланча, или, на худой конец, чего-нибудь попить кроме воды. Кофе и сандвич с арахисовым маслом, привезенные с утра, я давно уже съела.

Там, на этом крыльце, я пережила целый ураган эмоций. В первую очередь злость – за то, что мне платят по минимальному тарифу, заставляя отмывать дерьмо из унитазов. Даже тройной оплаты было мало за то, что мне приходилось делать. На полу в главной ванной трейлера, вокруг унитаза, застыли лужи давнишней мочи. Внутренняя сторона сиденья, ободок и верхний край унитаза были покрыты коричневыми брызгами – то есть дерьмом – и оранжево-желтыми следами рвоты. Я работала в прочных резиновых перчатках, вооружившись «Кометом». Но хозяин этой ванной повесил на унитаз голубые мыльные шарики в контейнерах, чтобы создать видимость чистоты, и от них внутри унитаза, где стекала из бачка вода, остались темно-синие полосы. Мне предстояло, склонившись над чашей, тереть эти полосы пемзой снова и снова, пока они не пропадут.

– За такие деньги я не стану этого делать, – пробормотала я. Потом выкрикнула то же самое, обернувшись к лесу. Я сидела одна на

крыльце, под дождем, стекавшим на меня с крыши. Злость в собственном голосе поразила меня. К тому времени во мне выработался некий стоицизм – во многом в результате нападков со стороны Джейми, которые начинались без предупреждения и приводили к тому, что я оказывалась на четвереньках на полу, едва дыша, словно какой-то великан сжал меня своими гигантскими руками. Тысячу раз земля уходила у меня из-под ног, но я продолжала идти, зная, что малейший срыв может вернуть нас туда, откуда мы начинали – в приют для бездомных. Мне надо было собраться. Несмотря ни на что, несмотря на неопределенность, на которую я никак не могла повлиять, мне следовало сохранять спокойствие. Непокколебимое. Я пойду и сделаю эту работу, раз ее надо сделать. «Не смей расклеиваться», – повторяла я себе. Это стало моей мантрой, которую я прокручивала у себя в голове, а иногда произносила вслух.

Мой коричневый «Субару» блестел от воды. Внезапно облака расступились, и на корпус машины попал лучик солнечного света. Никогда еще мне так сильно не хотелось бросить работу. Мне казалось, что этот унитаз – прямое оскорбление в мой адрес как со стороны человека, оставившего его в таком состоянии, так и со стороны компании, которая так мало мне платит. Я смотрела на «Субару», представляя себе, как уезжаю прочь.

Но у меня не было выбора. Мы с Тревисом едва перебрасывались парой слов. Он сердился, что по выходным, когда Мию забирал отец, я предпочитала поспать подольше, вместо того чтобы подняться с ним вместе в семь утра и идти чистить конюшни. Мне стало все равно – и он это знал. В этом взаимном недовольстве мы варились уже несколько месяцев. Я не могла себе позволить снимать отдельное жилье. Так что мне предстояло подняться и идти мыть тот туалет. Бросить работу означало на долгое время остаться без средств к существованию. Детское пособие, которое я получала, едва покрывало расходы на бензин. Все 275 долларов в месяц уходило на разезды – чтобы Мия могла встречаться с отцом. Лишившись работы, я стала бы полностью зависима от Тревиса. И совсем лишилась бы уважения к себе.

Я сжала руки в кулаки. Встала. Стиснув зубы, вошла обратно в дом. Это не может быть моей судьбой! Не может быть моим предназначением. Я всем докажу, что способна на большее.

Тот трейлер потом снился мне в кошмарах. В них я возвращалась домой и мой телефон, включившись, вибрировал от пропущенных звонков и сообщений. Или кто-то звонил с незнакомого номера. Я отвечала, и женщина на другом конце линии начинала тараторить с такой скоростью, что я ничего не могла разобрать, только слышала слово «больница». И тут передо мной проносились картины: Мия лежит на больничной кровати и ее кудрявые темные волосы перепачканы кровью, – а та женщина спрашивала, где я была и почему не оставила других номеров для экстренной связи. *У нее есть только я!* – отвечала я во сне. – *Только я!*

Трейлер, между прочим, еще раз напомнил мне о себе. После двенадцати часов, что я отмывала его, Лонни как-то, спустя пару дней, позвонила и сообщила, без своей обычной радостной деловитости, что клиент недоволен уборкой. Осталась пыль на лампах, на жалюзи, пятна на зеркалах – в этом роде.

– Ты должна еще раз туда поехать и все доделать, – мягко сказала она. – И, по твоему контракту, – Лонни сделала паузу, набирая в легкие воздух, – за это мы не платим.

Сердце у меня заколотилось так, будто собиралось вот-вот выскочить из груди.

– Я не поеду. Ни за что, – ответила я, едва выдавливая слова.

До трейлера надо было добираться сорок минут в одну сторону, а это означало деньги за бензин, которые мне не компенсируют. Отказывая Лонни, я рисковала своей работой, но возвращение в тот дом означало неминуемый нервный срыв.

– Я просто не могу туда вернуться. После того туалета мне хотелось уйти из агентства.

Лонни вздохнула. Она знала, как отчаянно я нуждаюсь в работе, и понимала, что мне действительно нечем заплатить за бензин.

– Я что-нибудь придумаю, – сказала она и повесила трубку.

Я так и не узнала, кого она отправила вместо меня – и отправила ли. Может, туда поехала Шейла, хотя, скорее всего, работу пришлось заканчивать Пэм. Но если и так, она никогда мне об этом не говорила.

Дом Генри

Мы с Лонни стояли на просторном крыльце, готовясь знакомиться с новым домом. Мы уже постучали в красную деревянную дверь и дожидались с минуту, слушая звонкий лай и чье-то шиканье в попытках успокоить собак. Мужчина, распахнувший дверь, предстал перед нами в домашнем халате, белой сорочке, темно-синих пижамных штанах и тапочках.

– А вот и вы! – жизнерадостно воскликнул он.

Собаки, две крупные австралийские овчарки, замахали лохматыми хвостами, подпрыгивая от возбуждения.

– Генри, – сказала Лонни, – хочу вас познакомить с нашей лучшей сотрудницей, Стефани.

– Прошу, заходите, – сказал он, забирая у меня часть поклажи.

Лонни улыбнулась и поблагодарила его. Генри захлопнул входную дверь. Он поставил на пол мешок с белыми тряпками, сложенными вчетверо, и объявил:

– Давайте-ка я вам покажу, как тут нужно убирать.

Он обратился в агентство с требованием заменить уборщицу. Лонни с ним поговорила и убедила, что я непременно справлюсь. Меня проинструктировали, сообщив, что дом нужно убирать, строго следуя его требованиям. В том порядке, в каком ему нужно. Никогда не опаздывать. Никогда не задерживаться. Всегда, всегда стараться изо всех сил. Уборка требовалась каждую вторую пятницу и должна была занимать четыре часа.

– Готовься попотеть, – сказала мне Лонни.

Уже заочно я начала побаиваться Генри. Когда, предупрежденная Лонни о его разборчивости, я с ним, наконец, встретилась, то невольно ощутила страх. Он был почти на полметра выше меня. Очень самоуверенный, с прямой спиной и выпяченным вперед большим животом.

Мы начали с гостиной, которую Генри и его жена использовали как кабинет. У обоих были большие рабочие столы из полированного красного дерева. Стол Генри стоял прямо у окна, где обычно предпочитают размещать удобные диваны. Стеллажи на стенах заполняли романы-вестерны, книги о путешествиях и руководства по

компьютерному программированию. На его столе в форме буквы «Г» красовались два монитора. Супруги переехали в наши края после того, как Генри вышел на пенсию – он работал каким-то техническим специалистом на Гавайях. Весь его стол занимали стопки счетов, фотокамеры и толстые учебники. Стол жены был меньше по размеру и гораздо аккуратней – со сканером, ламинатором, стопкой газетных вырезок с рецептами и инструкциями по скрапбукингу, фотографиями их собак и кошек.

Генри находился дома во время уборки, и я должна была работать в определенной последовательности, чтобы не нарушать его график. Сначала убирать в кабинете и столовой, пока он ел завтрак и смотрел новости. К моменту, когда начиналась *Справедливая цена*, мне следовало перейти в другой конец дома, а по дороге навести порядок в гостевом санузле и прачечной, прежде чем браться за хозяйскую ванную.

В гостевом туалете следовало сложить четыре коврика и вынести их за дверь, чтобы после пропылесосить. Первым делом требовалось помыть унитаз, располагавшийся напротив большого стоячего душа с полом из речной гальки. Генри говорил, что ее он любит чистить сам. Аккуратно развесив полотенца, я должна была протереть угловую ванну-джакузи, которой, как мне показалось, супруги никогда не пользовались. Они принимали горячие ванны на террасе, как объяснил мне Генри, указав на купальники, сохшие на двери. После джакузи следовало перейти к зеркалу, такому большому, что мне, чтобы дотянуться до верха, приходилось вставать коленями на тумбу, а также смахнуть пыль со светильников, вымыть две раковины и столешницу под ними. Возле раковины жены стояли прозрачные пластиковые органайзеры с отделениями и ящичками разной формы, где хранились кисти и другие приспособления для макияжа, в которых я не разбиралась. Рядом с раковиной Генри лежали несколько коробочек для таблеток – с днями недели, написанными на крышке. У него было множество зубных щеток, и повсюду виднелись брызги зубной пасты.

Прежде чем пылесосить коврики, я должна была как следует протереть стены и вымыть полы. Их следовало разложить обратно, не нарушая следов от пылесоса. Дальше я протирала пыль с полок в гардеробной и переходила в спальню, пылесосила перед собой.

В тот первый день у Генри мы все сделали остановку в холле, чтобы полюбоваться стеклянной витриной: хозяин увлекался резьбой по дереву, но тут сообщил нам, что большинство вещей в витрине выполнено не им, а художниками, которым больше повезло с талантом. Слегка смущаясь, Генри нам сообщил, что половину гаража у него занимает собственная столярная мастерская, но мебелью он больше не занимается.

На всем протяжении экскурсии по дому я молчала, стараясь запомнить сыпавшиеся на меня инструкции и гадая, рассердится ли Генри, если я где-нибудь ошибусь. В салоне у него стоял телевизор размером больше моей машины. В тумбе под ним находились разные электронные устройства для проигрывания DVD, подключения кабельного телевидения и регулирования звука в колонках, расставленных по всей комнате. Я видела такое только в магазинах. У противоположной стены имелся камин – настоящий, с кирпичной трубой и топкой. Мне надо было отодвигать два тяжелых кожаных кресла на полозьях и столик, стоявший между ними, стараясь не дотрагиваться до пультов управления, которые лежали сверху. Взявшись пылесосить красный ковер, я поняла, что на самом деле он, скорее, оранжевый, просто кажется темней из-за толстого слоя собачьей шерсти. Закончив в салоне, я переходила в утреннюю столовую и кухню с холодильником из нержавеющей стали, мраморными столешницами и глянцевыми полами и, наконец, мыла туалет в задней прихожей.

В мои первые посещения звук голоса Генри заставлял меня подпрыгивать. Я работала без устали, останавливаясь только нажать кнопку на своем iPod или посмотреть на часы, чтобы проверить, укладываюсь ли я в график. В первые две пятницы я немного задержалась, отчего Лонни так разволновалась, что даже позвонила Пэм и высказала ей свои опасения. Пэм мне перезвонила спросить, все ли в порядке. Но через некоторое время я уже хорошо запомнила, где скапливается шерсть, где достаточно лишь немного протереть, а где лучше пройти щеткой, и все наладилось. Я трудилась, как автомат, а сама тем временем думала о других вещах, происходивших у меня в жизни.

Когда по утрам я приезжала к Генри, мы с ним немного болтали, потом он отправлялся в кухню и готовил себе завтрак – два толстых

куска хлеба с помидорами и авокадо. Пока я протирала деревянный стол, за которым он ел, смахивая хлебные крошки и отодвигая подставку с соусами и приправами, он перебирался в кабинет, за рабочий стол, где и проводил оставшееся время до моего отъезда.

В одну пятницу он спросил, не смогу ли я прийти дополнительно на следующей неделе.

– К сожалению, нет, – ответила я. – Мне надо убирать в другом доме, напротив вашего.

Фермерский дом тоже был для меня новым, и, кстати, его хозяин, как и Генри, перебрал до меня практически всех сотрудниц нашей компании. В обоих домах приходилось убирать в поте лица, поторапливаясь, всего за четыре часа – и это с учетом ковров и большого количества домашних питомцев. Меня всякий раз пробирала дрожь, когда я вспоминала о темно-синем ковровом покрытии на лестнице, которое надо было тщательно пылесосить.

– О, – воскликнул Генри, опуская глаза.

– Но я могу приехать в выходные, – сказала я. – То есть, если вас устроит. Моя дочь на уикенд уезжает к отцу, я ее отвожу, когда возвращаюсь от вас.

Генри выпрямил спину, явно обрадованный.

– Отлично, потому что у меня будет вечеринка! – провозгласил он и махнул мне рукой, приглашая следовать за ним.

Через раздвижные стеклянные двери мы вышли в крытый дворик за домом.

– И этот гриль должен сверкать!

Я кивнула, разглядывая закопченный гриль, и обратила внимание на уличную СПА-ванну. На ее бортике стояла пустая бутылка из-под шампанского. У меня заломило все тело при мысли о том, что я могла бы – ну хоть теоретически – тоже выпить шампанского в горячей ванне.

Вернувшись в дом, я взялась пылесосить парадную столовую. Там у Генри стояла старая приставка для игры в видеопокер, а на барной стойке, рядом с маленькой раковиной, бутылка дорогого джина. Я поймала себя на мысли о том, как сама хотела бы жить на пенсии – если у меня она вообще будет. Уж точно дом у меня будет таких размеров, чтобы убирать в нем самой. Зачем тратить на лишнюю площадь, чтобы потом кто-то возил там пылесосом, когда не стерлись

следы от прошлой уборки, две недели назад. Я старалась следовать заведенному порядку, погрузившись в собственные мысли, с наушниками в ушах, когда Генри вдруг постучал меня по плечу. Удивленная, я выключила пылесос и сняла наушники.

– Ты любишь лобстеров? – спросил он.

Я моргнула.

– Обычно по пятницам я готовлю серф-энд-терф, – объяснил Генри. – Собираюсь купить парочку лобстеров на рынке.

Я кивнула, удивляясь, зачем ему понадобилось меня отвлекать, и соображая, видела ли я хоть раз, чтобы кто-то покупал лобстеров из тех огромных аквариумов.

– На сколько персон ты сегодня готовишь ужин? – спросил он.

– На двоих, – ответила я.

– Тогда прихватю парочку и тебе. Спасибо, что согласилась поработать сверхурочно ради моей вечеринки.

Я выдавила изумленное «спасибо». Никогда еще клиент не был так добр ко мне и не обращался со мной как с равной. Я не знала, как воспринять его поступок. К тому же лобстеров я ела только один или два раза в жизни и понятия не имела, как их готовить. Я заранее винила себя за то, что, скорее всего, испорчу такой роскошный подарок своей неумелой готовкой.

Пару минут спустя Генри уехал, прихватив с собой собак. Впервые я осталась в его доме одна. Его доверие было мне приятно. Я привыкла к тому, что нам не доверяют: вспомнить хотя бы дамочку из Фермерского дома, которая маячила у меня за спиной, пока я убирала у них в первый раз, не сводя с меня взгляда. Она как будто искушала меня, специально раскладывая свои драгоценности на столе, вместо того чтобы убрать их в ящик.

Прежде чем сунуть руку в карман за телефоном, я по привычке оглянулась вокруг, хотя знала, что в доме пусто и меня никто не видит. Я набрала номер Тревиса и, когда он взял трубку, радостно рассказала ему про лобстеров. Я попросила вытащить из морозилки пару стейков, которые мне повезло купить с большой скидкой. Здорово было сообщать ему хорошие новости, рассказывать о своей удаче, словно так у нас опять появлялась надежда.

Но он не обрадовался лобстерам и стейкам. Вместо этого Тревис ровным тоном спросил:

– Ты проверила машину? Что с маслом в коробке?

– Да, его маловато, – ответила я, разочарованная.

До этого я смотрела на картину с серебристым, словно металлическим, маяком, висевшую у Генри в холле, а теперь перевела взгляд вниз, на свои ноги в носках. Один из них сполз на отполированный деревянный пол.

Возможно, Тревис так выражал свою любовь – спрашивая меня про машину, но я ее не чувствовала. Я почти не общалась с родней и очень нуждалась в нем.

– Я люблю тебя, – сказала я, прежде чем повесить трубку, но он ничего не ответил.

Убрав телефон, я принялась за ванную, ощущая, как в груди нарастает горечь от разговора с Тревисом. Генри вернулся домой, когда я вытаскивала из туалета коврик, чтобы вычистить.

– Умеешь их готовить? – спросил Генри. Его голос отозвался от стен таким громким эхом, что я подскочила от неожиданности. Генри, помахав рукой, позвал меня в прачечную: там, поверх стиральной машины, которую я только что вымыла, лежали два самых громадных лобстера, каких мне когда-либо приходилось видеть. Коричнево-красные, живые. Мои.

Генри протянул мне напечатанную инструкцию по приготовлению и щипцы для разделки панциря.

– Знаете, – сказала я, проводя пальцем по сверкающему серебру щипцов, – вы сейчас, вполне возможно, спасаете мои отношения.

– Серьезно? – переспросил он, глядя на меня со смесью интереса и удивления.

– Да, – ответила я и пожала плечами, словно ничего особенного не случилось. – Мы в последнее время часто ссорились. Деньги и все такое.

– Что же, – сказал Генри, складывая руки на груди, – очень жаль.

Потом посмотрел мне прямо в глаза, чуть подмигнул и сделал вид, что хочет щипцами ухватить меня за нос.

– Если отношения не приносят радость, то зачем вообще они нужны?

Эти слова крутились у меня в голове весь остаток дня. Мы с Тревисом понимали радость совсем по-разному. Ему нравился картинг, а я любила посидеть за бокальчиком пива и поговорить о

политике и о книгах. Мы пытались искать компромиссы. Бывало, он сидел со мной рядом по вечерам, пил пиво и смотрел на клумбу, которую мы разбили в углу двора. Между нами обычно устраивалась Мия – веселая, забавная, она обнимала нас обоих своими ручками. В такие моменты мы были нормальной семьей, и я старалась внушить себе ту же любовь и радость, какие испытывала она. Но я знала, что никогда не смирюсь с отсутствием у Тревиса желания познавать мир, удивляться ему и учиться. Мы конфликтовали уже потому, что были разными людьми.

Ради Мии я продолжала цепляться за свои мечты. Ферма. Лошади. Качели из автомобильной шины на заднем дворе, бесконечные поля, по которым так здорово бегать. В глубине души я просила у нее прощения, глядя, как она выдергивает из земли первую морковку, выращенную нами, в ночной рубашке и детских ковбойских сапогах. *Прости, что мне этого мало.*

Когда я закончила убирать у Генри в доме, он помог мне вынести вещи на улицу и загрузить в машину. Я прижимала пакет с лобстерами к груди, и мне отчаянно хотелось обнять Генри за то, что он был так добр и обошелся со мной не как с уборщицей, а как с человеком, достойным любви, и радости, и ужина с лобстером время от времени. Когда я его поблагодарила, он широко улыбнулся и негромко фыркнул в ответ.

– Езжай-ка домой, – сказал он мне, но я понимала, что «дом» для меня – нечто ускользающее, бомба с часовым механизмом, готовая вот-вот взорваться.

Остановившись на знак «стоп» у перекрестка, я съехала на обочину. Наклонилась вперед и прижалась лбом к рулю. Разговор с Генри заставил меня ощутить острую тоску по отцу.

В последний год так бывало уже не раз. Как только подступала боль потери – в груди как будто появлялась дыра, – я старалась остановиться и подождать, дать этому чувству пройти. Боль нельзя игнорировать. Ее надо любить, и меня тоже надо. И вот я сидела в машине, рядом с лобстерами в пакете на пассажирском сиденье, и делала вдохи и выдохи, каждый раз считая до пяти. *Я люблю тебя, – шептала я сама себе. – Я здесь, с тобой.*

Эта любовь – все, что у меня оставалось.

Мия спала, когда я забирала ее из яслей, чтобы отвезти к Джейми. Было около двух часов дня, и, задержись мы еще немного, попали бы в гигантскую пробку. Она протестовала, когда я ее поднимала, заталкивала в комбинезон и сажала в детское кресло в машине. Мы притормозили возле дома, и я, оставив машину на обочине, заскочила положить на кухню лобстеров и забрать рюкзачок, с которым Мия ездила на выходные к отцу. Бросила в него кое-какие одежды, одеяльце, фотоальбом, который мы с ней сделали, и ее Любопытного Джорджа. Пока мы ехали, Мия опять задремала, так что я смогла послушать диск, который записала какое-то время назад. С плупой песенкой кантри про фермера, который косит траву. Тревис всегда включал ее погромче, когда Мия сидела с ним в кабине, потому что песенка начиналась с рева мотора: от басовых нот приятно щекотало в груди. Я улыбнулась, вспомнив, как Мия просила его проигрывать вступление снова и снова, а ее ножки в красных сапогах с лошадками дергались вверх-вниз от смеха. Когда мы выехали к океану, я протянула руку назад и подергала ее за ногу, чтобы разбудить.

Домой я вернулась в шесть часов. Одна на кухне, я поставила на плиту кастрюлю с водой и добавила туда соль. Вода закипела, и я, встав между лобстерами и плитой, принялась в пятый или шестой раз перечитывать инструкции. Тревис предпочел дожидаться на крыльце, у гриля, на котором сейчас наверняка догорали стейки. Обрекать на смерть лобстеров, опуская их в кипящую воду, он предоставил мне.

Оба одновременно в кастрюлю не вошли бы. Лобстеров предстояло варить по одному. Раньше в этой кастрюле отец готовил гигантские порции чили; по неизвестной причине она досталась мне, когда родители развелись. Кастрюля была эмалированной, с крышкой-дуршлагом. Когда мне было немного за двадцать, я жила со своим тогдашним бойфрендом в хижине на Аляске. Там не было водопровода, и стояла она на пяти акрах вечной мерзлоты. Когда отец приехал нас навестить, то привез с собой написанный от руки рецепт чили. Подпись сверху гласила «Папин чили», и я сунула рецепт в прозрачную папку и присоединила к своей подборке.

Рецепт был самый обычный – гамбургер, лук, бобы, немного тмина... Наверняка он списал его из кулинарной книги Бетти Крокер. Но ребенком я любила, когда отец готовил чили. Мы сидели за столом, перед большими дымящимися тарелками, и закусывали солеными

крекерами, от которых на пол летели крошки, приводя маму в ужас. Когда мы с Мией впервые приехали к отцу с Шарлоттой, примерно за месяц до того, как Джейми пробил дырку в двери и выгнал нас на улицу, Шарлотта уговорила отца приготовить мне тот чили. Я была ей за это очень благодарна. Сейчас, когда я стояла над кастрюлей с кипящей водой, а лобстеры дожидались своей смерти, эти воспоминания почему-то вернулись ко мне. Я подумала о Шарлотте и о том, что даже не помню, когда в последний раз виделась или говорила с ней.

Опустив первого лобстера в кипяток, я удивилась, что он не стал пищать или вырываться, что так меня пугало. Его панцирь практически мгновенно стал ярко-красным, а на поверхности воды появилась зеленоватая пена. Вытащив его, я собрала эту пену шумовкой, прежде чем варить второго.

Стол был уже накрыт – два стейка, два лобстера, два пива. Наверняка у Генри все было совсем по-другому. Наверное, они вытащили тарелки, которыми пользовались по особым случаям, и накрыли колени большими льняными салфетками. Мы с Тревисом ели в молчании. Я пыталась ему улыбаться, не обращая внимания на его явственное недовольство таким чересчур изысканным ужином. Когда он уселся смотреть фильм, я прибрала со стола, загрузила посудомойку и протерла столешницу на кухне. Мы сидели рядом на коричневом кожаном диване, который достался Тревису от родителей, но не прикасались друг к другу. На половине фильма я вышла на крыльцо и закурила сигарету – с недавних пор я себе это позволяла, пока Мии не было дома. Я купила пачку пару недель назад, после Трейлера. Сигарета стала для меня своего рода ритуалом. Тревис вышел и выкурил свою до половины, а потом сказал, что идет ложиться.

– Дождешься меня? – спросила я, стряхивая пепел.

Он помолчал. Потом пробормотал:

– Без разницы, – и ушел в дом.

Я надеялась, что он не будет злиться за то, что я не чистила с ним конюшни, ведь я же с самого утра работала. Надеялась, что мы, возможно, займемся любовью – не так, как обычно, когда он просто ложился позади меня, так что наши лица не соприкасались, в полной

тишине и темноте, разбавляемой разве что фарами случайной машины, проехавшей мимо.

В мой следующий визит Генри приветствовал меня у своей большой красной входной двери.

– И как все прошло? – спросил он, с улыбкой принимая от меня обратно серебряные щипцы.

– Лобстеры были лучшие, что я когда-либо ела, – сказала я, улыбаясь ему, а потом замолчала, поняв, о чем на самом деле он спросил. – Но отношений они не спасли.

– Ну, – сказал он, крутя щипцы в руках, – значит, так тому и быть. Ты не похожа на девушку, которой нужен мужчина, чтобы ее спасти. Ты – настоящая трудяга.

Но хотя Генри меня и похвалил, сама я считала, что справляюсь недостаточно хорошо. Разрываясь между учебой, домом, дочерью и попытками зарабатывать на жизнь, я воспринимала работу как рутину, которая никогда не кончится. По моей зарплате можно было подумать, что я вообще почти не работаю. Но Генри отнесся ко мне с уважением. Первый из моих клиентов – это я могла сказать наверняка.

Вскоре после ужина с лобстерами мы с Тревисом расстались. В тот вечер я вернулась домой с работы, торопясь приготовить поесть, прибраться, искупать Мию и уложить ее в постель. Я разложила свои учебники и ноутбук на кухонном столе, вставила наушники, чтобы не мешал телевизор, и принялась за домашнюю работу. И тут увидела, что мусорное ведро переполнено. Я поднялась из-за стола и встала прямо перед Тревисом, загородив ему экран.

– Ты не мог бы, пожалуйста, вынести мусор? – спросила я, уперев руки в бока.

И тут, ни секунды не колеблясь, он сказал:

– Думаю, тебе лучше съехать.

Потом Тревис встал, физически отодвинул меня в сторону и снова уселся на диван. Я стояла, потрясенная, и глядела на него сверху вниз. В телевизоре кто-то захохотал, и Тревис, в голубоватом свете экрана, улыбнулся тоже. Я вернулась к столу и упала на свой стул, прижатая грузом этих слов, обрушивших меня на землю, в ту же яму, из которой мне, похоже, просто не суждено было выбраться.

Часть вторая

Студия

Тревис дал нам месяц на выселение. Я не сказала об этом Мие – отчасти потому, что не хотела ее расстраивать, и отчасти потому, что у меня не было плана. Я разместила в Интернете объявления о поисках соседей в съемное жилье, об оплате по бартеру, о поисках комнаты. Ничего не находилось. Все квартиры, которые мне попадались, стоили больше, чем я зарабатывала. С моими доходами, составлявшими около 800 долларов в месяц, я не могла себе позволить внести платеж за первый и последний месяц аренды плюс залог. Я не могла оплачивать одновременно бензин, коммунальные услуги и жилье – даже комнату. Квартиры стоили минимум 700 долларов. О них, пусть даже однокомнатных, оставалось только мечтать. У меня не было сбережений или кредитной карты, равно как и возможности взять заем. Я никогда бы его не выплатила. К тому же мне пришлось бы вносить плату за электричество и Интернет, чтобы продолжать учиться. Пришлось бы покупать роутер. И делать еще массу вещей.

Друзья посоветовали мне поместить на странице моего блога кнопку «Пожертвование» через PayPal с простым комментарием:

Тревис велел мне съехать до конца июня. К сожалению, у меня нет денег на залог. Я открыла счет на PayPal. Даже пять долларов пожертвования будут мне колоссальной помощью. Спасибо!

Я ненавидела себя за то, что прошу денег. За то, что снова не смогла построить прочных отношений. Большинство моих знакомых не знали, что мы с Мией раньше жили в приюте для бездомных, но я все равно чувствовала, что история повторяется. Потом начали приходить сообщения от моих друзей на Фейсбуке – полные слов поддержки и любви. Люди переводили по десять, а кто-то и по сто долларов. От каждого пожертвования, большого или маленького, у меня слезы наворачивались на глаза. Я составила список покупок для Уолмарта и разместила его в своем профиле на Фейсбуке. Вскоре на адрес Тревиса начали поступать посылки с кастрюлями, сковородками, одеждой для Мии и столовыми приборами. Я пала ниже некуда, но не хотела, чтобы это совсем меня утопило. Я не

собиралась снова становиться бездомной. После того, как отец рассказал всем родным, что я придумываю разные истории, чтобы привлечь к себе внимание, просить о помощи мне стало еще тяжелей. Я выставляла свою жизнь на всеобщее обозрение. Брала на себя ответственность за мои действия: в особенности за то, что вовлекла Мию в отношения, которые, как я заранее знала, не имели будущего. Я боялась, что люди могут подумать. Но дружеская помощь помогла мне немного воспрянуть духом. Я выпутаюсь из всего этого.

Когда я только переехала в приют для бездомных, то позвонила Мелиссе, одной из моих давнишних подруг, и рассказала ей о своих планах – как я буду заново выстраивать собственную жизнь. Практически все они опирались на те или иные виды социальной поддержки: продуктовые купоны, чеки дополнительного финансирования питания, ваучеры на бензин, жилье для малообеспеченных, дотации на коммунальные услуги и оплату яслей.

– Не благодари, – язвительно ответила на это Мелисса.

– За что? – переспросила я, рассматривая сквозь изношенные голубые приютские занавески оленя, который забрел к нам на задний двор. В соседней комнате сладко спала Мия.

– За мои налоги, из которых все это будет оплачено, – сказала она и повторила: – Не благодари.

Я и не поблагодарила. Вообще ничего не сказала. Я не знала, что тут можно сказать.

– Ладно, – пробормотала я, словно вдруг куда-то заторопилась. – Мия плачет. Мне надо идти.

Дверь к Мие скрипнула, когда я открыла ее. Я присела на краешек кровати и стала смотреть, как поднимается и опадает ее грудка во сне. Поначалу мне показалось, что Мелисса рада была бы нам помочь, но теперь я понимала, что все это – показуха. Раньше я не раз слышала, как она презрительно отзывалась о людях, сидевших на пособии. Или возмущалась тем, как первая жена ее нынешнего супруга жалуется на негодную социальную систему.

Я хотела бы иметь достаточно мужества, чтобы громко заявить о своих правах – как и о правах миллионов других людей, проходивших через те же тяготы, что и я: выполнявших черную работу за минимальную оплату, матерей-одиночек. Вместо этого я предпочла самоустраниться. Просто заблокировала Мелиссу у себя в Фейсбуке и

постаралась не обращать внимания на комментарии в соцсетях, где негативно отзывались о людях на пособиях.

«Социальное обеспечение никак не помогает», – хотелось мне сказать. Оно вообще не существует в том смысле, в котором большинство его себе представляет. Я не могу явиться в государственное учреждение и сказать, что мне требуются деньги, чтобы покрыть разницу между моим минимальным окладом и стоимостью аренды жилья. Если я недоедаю, то могу рассчитывать на пару сотен долларов в месяц на питание. Могу обращаться в «продуктовый банк». Но никто не даст мне денег на то, что действительно требуется человеку, чтобы выжить.

Пожертвования от друзей постепенно копились, и у меня набралось около 500 долларов; Тревис предложил добавить столько же. Теперь я могла позволить себе снять студию в старом домике на горе Вернон, который недавно поделили на три квартиры. Студия раньше представляла собой гостиную с прилегающей застекленной террасой. За 550 долларов в месяц мы получали ее, плюс ванную с ванной, крошечную кухоньку – но с полноценным холодильником – и вид на весь город сквозь стеклянную стену.

Мы с хозяином, Джем, переписывались по электронной почте, и вот он предложил мне приехать и посмотреть все своими глазами. Я заехала к нему после работы, прежде чем забрать Мию из яслей. Я знала, что студия маленькая – это разумелось само собой. Но стоя там, в комнате меньших размеров, чем та, в которой мы с Тревисом смотрели телевизор, я на какой-то момент захотела развернуться и уйти. Я вспоминала квартиру, которая была у нас с Мией в Порт-Таунсенде, с видом на ярмарочное поле: с двумя спальнями, гостиной, стиральной и сушильной машинами. Здесь ничего такого не было и в помине. Я стояла посреди мрачного помещения прямо над шоссе, но даже его едва могла себе позволить.

Пол подо мной был старый, наверное, самый первый, дощатый и растрескавшийся. За раздвижными дверями начиналась застекленная терраса, выходящая на город. Под окнами шла скамья с откидной крышкой, в которую я могла бы сложить вещи, но кто-то уже убрал туда старые шторы и карнизы для них. Часть пола покрывал темно-зеленый ковер, и я попыталась себе представить, где разместится кровать Мии и ее игрушки и влезет ли в комнату после этого мой

комод. На другом конце студии находилась кухонька со шкафчиками, расставленными в форме буквы «Г», электрической плитой, холодильником и мойкой. Я прошла от одной стены до другой. Примерно тридцать шагов.

– Отлично, – сообщила я Джею по телефону. – Сейчас я в студии. Нам она подходит.

– Вашей дочке три? – спросил он.

Оставалось надеяться, что он не передумает сдавать нам квартиру.

– Почти, – сказала я. – Но я много работаю, а на выходные она ездит к отцу.

Я подошла к окнам кухни и посмотрела на машины, пролетающие внизу.

– Вряд ли мы будем много времени проводить дома.

Я непроизвольно задержала дыхание. Это было правдой лишь наполовину.

– Да нет, никаких проблем, – сказал Джей. – Хотите в эти выходные заехать забрать ключи? Тогда же завезете арендную плату и залог.

– А можно вносить залог в рассрочку? – внезапно спросила я, поразившись собственной решимости. Наверное, просто почувствовала, что мне все равно уже нечего терять. – Я могу выплачивать пятьдесят или сто долларов в месяц. Понимаете, пришлось переезжать впопыхах, и на данный момент у меня нет особых накоплений.

На другом конце линии воцарилось молчание. Я закусила нижнюю губу.

– Ладно, можно и так. Просто первые пять месяцев будете платить на сто долларов больше.

Я выдохнула и едва не засмеялась.

– Огромное вам спасибо. Правда.

Когда я приехала внести плату за первый месяц и забрать у Джея ключи, они с женой красили потолки в моей новой гостиной и кухне. Он оказался ничем не примечательным темноволосым парнем примерно моего возраста. Его жена, представившаяся как Мэнди, была гораздо ниже и еще худей меня. Они казались приятными людьми. Порядочными. Надежными. Наверное, трудолюбивыми и честными. По крайней мере, я на это надеялась.

– Похоже, у вас на сегодня еще много работы, – сказала я, глядя, как они скручивают раздвижную ручку для малярного валика.

– Да, – согласилась Мэнди, закатывая глаза. – Хорошо хоть бабушка с дедом согласились взять к себе детей.

– Просто программа мечты для погожего субботнего денька, – поддакнул Джей.

Они посмотрели друг на друга, и он глубоко вздохнул.

Я улыбнулась, помахала им рукой и поблагодарила, что пошли мне навстречу с залогом. Я представляла себе, как в субботу вместе с мужем крашу потолок и стены старого домика, который нам достался по наследству и который мы теперь сдаем, а мои родители присматривают за детьми. *Программа мечты для субботнего денька*, – подумала я, руля назад на ферму Тревиса. Надо было начинать собирать вещи, думать, чего еще нам не хватает – постельного белья, тарелок, чашек и какой-нибудь кровати для меня. Через пару дней мы могли въезжать в новую квартиру, но хозяева сказали, что я могу заглянуть и раньше, чтобы как следует там прибраться, если захочу. Оттирание грязи со шкафчиков и полов в очередном жилище стало моим регулярным ритуалом на новоселье.

Когда моя подруга Сара увидела в Интернете пост о том, что мы нуждаемся в помощи, то отправила письмо, где просила рассчитывать на нее. Я перечислила несколько предметов, без которых не могла обойтись. Она написала, что может отдать нам и полуторную кровать, на которой раньше спала ее дочь. Тревис приехал вместе со мной ее забрать. Все последнее время он никак не выражал своих эмоций по отношению ко мне. Зайдя в дом и увидев меня в слезах, он молча уходил в сарай, пока я сама пыталась справиться с отчаянием. Мы говорили только в крайних случаях, но я решила, что он согласится предоставить любую помощь, только бы скорей избавиться от меня. Я пару раз заезжала к Саре выпить бокал вина и перекусить у нее на кухне, пока Мия была у Джейми. И вот я вновь стояла у нее на пороге – сторбленная и с опущенной головой.

– Кровать там, – сказала Сара, окидывая взглядом Тревиса. Мы прошли за ней через холл в детскую комнату.

– Покупаем дочке двуспальную. Из этой она уже выросла.

Вряд ли она поняла, что кровать предназначалась не для Мии, а для меня, но я не стала ее поправлять.

Перед уходом Сара крепко меня обняла.

– Ой! – воскликнула вдруг она. – У меня для тебя есть еще кое-что.

Сара скрылась в прачечной, а потом появилась оттуда с коробкой, которую поставила на скамью в прихожей. В коробке оказался новенький сервиз ярко-голубого цвета, как яйца малиновки, которые мы с Мией находили весной по всей ферме. Потрясенная, я прижала руку ко рту, увидев там четыре обеденных тарелки, салатницы, кружки для кофе и глубокие миски. Новые. Для нашего нового начала. Я схватила ее в объятия и горячо поблагодарила, а потом набрала побольше воздуха в грудь и потащила коробку с посудой в машину.

Начало было положено, но мне предстояла масса работы – не только чтобы переехать, но и чтобы платить за новое жилье.

Две недели я укладывала Мию спать у Тревиса, а сама набивала в машину столько вещей, сколько могла туда уместить. В новой студии я отскребала столешницы, раковины и ванну. Даже стены как следует протерла, прежде чем развесить на них несколько картин, когда-то полученных от матери. Моими любимыми были два репринта иллюстраций Барбары Лаваль из книги *«Мама, ты меня любишь?»*, которые я помнила с детства. Традиционные аляскинские пейзажи напоминали мне о счастливых временах, когда мы всей семьей ездили на летнюю рыбалку, набивая морозильник в гараже лососем и палтусом. Студия была крошечная, не больше тридцати квадратных метров, с десятью большими окнами – восемь в спальняной зоне и два в зоне с деревянными полами, – так что поверхностью стен следовало распорядиться с оглядкой. Я старалась не слишком критично относиться к своему новому жилищу, как некогда в приюте для бездомных. Это просто был для нас небольшой старт. Правда, Мия могла воспринять все по-другому.

Я возвращалась к Тревису ближе к полуночи, когда он уже спал, и укладывалась на диване под пледом. За неделю до третьего дня рождения Мии я расставила в студии всю мебель и подготовилась к переезду. Я решила перебраться туда в выходные, пока Мия у Джейми. Тревис с другом помогли мне перетащить тяжелые вещи, даже разобрали и собрали кровать, которую его родители подарили Мие. Кроватькой они занимались, пока я убирала в Фермерском доме, а Мия была в яслях. Она еще не знала, что сегодня я ее заберу, отвезу к отцу, и мы никогда больше не вернемся в дом, к которому она так привыкла

за прошедшие полтора года. Я предпочла бы сделать все сама, не обращаясь к Тревису за помощью, но недавно на работе я повредила спину, неосмотрительно взявшись передвигать кровать. Мне приходилось принимать по 800 мг ибупрофена два-три раза в день, чтобы продолжать работать; физическая боль немного отвлекала меня от душевных страданий из-за дочки.

Вечером субботы я переехала в новый дом. В воскресенье все игрушки Мии были разложены по корзинкам, а наши вещи аккуратно развешаны по шкафам. Когда я забрала Мию и привезла в нашу маленькую студию, то надеялась, как любой родитель, что ей там понравится. Надеялась, что у нее возникнет ощущение дома, собственного жилья, но она огляделась по сторонам, заглянула в ванную, а потом попросила отвезти ее на ферму, к Тревису.

– Мы остаемся здесь, дорогая, – сказала я, глядя ее по волосам.

– Тревис приедет к нам? – спросила она. Мия сидела у меня на коленях, на полуторной кровати, которую подарила Сара.

– Нет, – ответила я. – Тревис будет жить у себя. Он спит там. А мы спим здесь. Это наш дом.

– Нет, мама, – воскликнула она. – Я хочу к Тревису. Где папа Тревис?

Она начала рыдать, прижавшись ко мне, раздавленная грузом ее маленького разбитого сердечка. Я просила прощения и плакала вместе с ней. Я клялась себе быть более осмотрительной. Я могла делать все, что вздумается, с собственным сердцем – но только не с ее.

Минимализм

Одним из плюсов готовности встать на колени и отмывать чужой унитаз является то, что найти такую работу нетрудно. Вдобавок к «Классик Клин» я начала брать собственных клиентов. Опубликовала объявления на разных сайтах и на Фейсбуке. Согласилась убирать у Донны, два раза в неделю, по четыре часа, вечером в пятницу, когда Джейми сам забирал Мию. Дом Донны стоял на холмах в долине Скаджит, недалеко от Каскадных гор и сельской местности, в которой моя семья жила шесть поколений.

Донна сотрудничала с местной программой «Жилье для Человечества» и упоминала о семьях, которые получали возможность приобрести собственный дом – обычно по бартеру, за так называемую «трудовую повинность», по которой члены семьи и их друзья выполняли физическую работу: заколачивали гвозди, что-то красили или наводили порядок в садах взамен платежей по ссуде. По мне так даже найти время для такой работы было бы нелегко, кроме того, как взрослая с одним материально зависимым членом семьи я должна была обладать месячным доходом 1600 долларов чистыми, чтобы претендовать на участие в программе.

– Я не думаю, что подойду, – сказала я, но Донна посоветовала все равно обратиться к руководству. Как следует поразмыслив, я поняла, что сама не знаю, хочу ли жить в долине Скаджит. Во всех остальных местах, кроме Анакортса и перевала Десепшн, где жилье было мне не по карману, я не чувствовала себя дома. А «Жилье для Человечества» не давало выбирать, где именно в округе тебе селиться.

– Там же вся твоя семья, – говорила Донна. – Как это, ты не чувствуешь себя дома?

– Ну, – отвечала я, протирая рамы картин в ее парадной гостиной, – вообще я подумывала перебраться в Миссулу, в штате Монтана. Собиралась поступать там в колледж, но тут узнала, что беременна Мией.

В тот момент Донна занималась оформлением фотоальбома и вдруг остановилась, поглядев на меня поверх кучи бумаг, фотографий и наклеек на столе.

– Знаешь, как заставить Бога смеяться? – спросила она.

– Что? – удивилась я, не понимая, как это связано с моим желанием переехать в Миссулу.

– Рассказать ему о своих планах, – воскликнула она. – Хочешь заставить Бога смеяться – расскажи ему о своих планах! – и разразилась каркающим смехом.

– Верно, – сказала я, переходя к перилам в прихожей.

Донна платила мне 20 долларов в час за уборку в ее доме и говорила никогда не соглашаться на меньшее. В «Классик Клин» с клиентов брали 25 долларов за то, что я работала в их домах, но мне из них доставалось лишь девять. После всех налогов и расходов, связанных с работой, оставалось всего шесть. Самостоятельные поиски клиентов и составление расписания занимали немало времени, особенно если переговоры не заканчивались договоренностью о сотрудничестве. Но неоплачиваемые часы, проведенные в поисках и беседах, все равно окупались и помогали мне повысить свой ежемесячный доход. Если, конечно, я сама все не портила.

После переезда от Тревиса наши ежедневные перемещения на машине удлинились на сорок минут. Большинство моих клиентов из «Классик Клин» жили в Стэнвуде и на острове Камано. Но ясли Мии находились рядом с домом Тревиса, и мне было невыносимо постоянно проезжать мимо. Я почти непроизвольно сбавляла скорость и едва не сворачивала себе шею, пытаясь углядеть, как он будет выходить из дверей в своих грязных резиновых сапогах. Помимо отсутствия партнера, была еще одна вещь, которую я тяжело переживала. Через пару недель, за которые я по несколько раз в день проезжала мимо его дома, я решила попросить у Тревиса разрешения как-нибудь зайти и прополоть огород. Я не могла видеть, как он зарастает сорняками – отличные овощи могли запросто пропасть.

– Ладно, – после долгого молчания согласился он.

– Могу привезти с собой Мию, чтобы погуляла немного, – сказала я.

Он, похоже, был не против. Тревис говорил, что постарается по мере сил принимать участие в ее жизни. Но лето означало сенокос, и почти ежедневно он работал от зари дотемна. Ей нравилось сидеть у

него на коленях, когда он управлял газонокосилкой. По крайней мере, она сможет этому порадоваться еще пару раз.

В нашей новой жизни утро начиналось ровно в семь часов. Я вылезала из постели, отгоняя от себя сон, и ставила на плиту воду для кофе. Делала себе одну чашку, чтобы выпить за столом, и еще одну наливала на дорожку в термос. Мия обычно завтракала овсянкой или хлопьями. Иногда я разводила водой готовую смесь для оладий, и она смотрела, как я их пеку и поливаю растопленным маслом и сиропом. Готовила с собой сэндвичи с арахисовым маслом и джемом, которые заворачивала в бумажные полотенца и фольгу – ее я использовала раз за разом, пока та не приходила в полную негодность.

С учетом квартплаты, расходов на хозяйство, страховки на машину, бензина, мобильного телефона и Интернета, прачечной и туалетных принадлежностей мои расходы приближались к 1000 долларов в месяц. Если нам с Мией нужна была новая обувь или даже зубная паста, мне приходилось сверяться с бюджетом, где было указано, до какого срока надо оплатить каждый счет и в какие даты ко мне поступают платежи. У нас оставалось не больше 20 долларов на непредвиденные расходы, например, необычно большой счет за электричество. Если бы я не получала от государства дотацию на оплату яслей, то вообще не могла бы работать. Поскольку мои доходы выросли, дотация сократилась до 50 долларов. Чем больше я получала, тем меньше мне выдавали продуктовых купонов – теперь примерно на 200 долларов в месяц, – и это были все наши деньги на еду. Доходы увеличились, зато сумма государственной помощи упала. В месяц у нас оставалось не больше 50 долларов на развлечения или мелкие улучшения в доме. С учетом времени и сил, которые я затрачивала на тяжелый физический труд, горечь от того, что я не могу позволить себе элементарные покупки, становилась еще острее.

То, что наша новая квартира находилась на окраине, сыграло нам на руку. Рядом имелся кооперативный магазин, в котором Мия получила «банановую карту»: каждый раз, когда мы что-нибудь покупали, она получала бесплатно яблоко, апельсин или банан. Я могла расплатиться продуктовыми купонами за дорогие сэндвичи, попавшие на распродажу, йогурт или хумус для Мии, шоколадное молоко и ее любимые фрукты. Мы садились за столик у большого окна, выходящего на променады. За доллар я покупала себе кофе. Мы

сидели, улыбаясь друг другу, радостные от того, что могли пообедать не дома.

Ниже по улице находился комиссионный магазин под названием «Спраутс», открывшийся совсем недавно. Сэйди, его владелица, молоденькая блондинка, всегда находилась на месте: ее дочка или спала в слинге у матери на груди, или сидела в детском кресле.

– А вы возьмете еще один такой переносной манеж? – спросила я ее, пока Сэйди разбирала сумку с вещами, которые я принесла на комиссию. Она на секунду задумалась.

– Он в хорошем состоянии?

Сэйди покачала ребенка, чтобы он снова уснул, и продолжила разбирать вещи.

Мне пришлось сказать ей о дыре в сетчатой стенке.

– Но пользовались мы им совсем недолго, – уверила ее я, а потом решила добавить:

– И еще у меня есть прогулочная коляска.

– За них я могу вам дать только кредит у себя в магазине, – сказала она, сморщив нос от расстройства. – Не наличные.

– Ну ладно, – пробормотала я.

Она открыла ящик кассы и протянула мне двадцатку за одежду.

– Тут у вас много хороших вещей, – сказала Сэйди, улыбаясь.

– Знаю, – прошептала я еле слышно. – Я их берегла, на случай...

Я хлюпнула носом, глядя на распашонки для новорожденных, которые я хранила в надежде, что у нас с Тревисом появится ребенок.

– В общем, просто так.

Сэйди, казалось, поняла, о чем шла речь, а может, просто сделала вид. Мы с ней сошлись немного ближе, когда она увидела мои посты с предложением услуг в группе местных мамочек на Фейсбуке. Она пригласила меня убирать у нее в доме, поскольку здорово его запустила, поглощенная собственным бизнесом и одновременно заботой о двух малышах. Когда я спросила, не нужна ли ей помощь в магазине, она сначала отказалась; через некоторое время я предложила убирать туалет в подсобке в обмен на кредит за одежду. Сэйди улыбнулась – сначала мне, потом Мие, прижимавшей к груди пижаму с паровозом Томасом, которую мы с ней откопали в отделе для мальчиков, – и кивнула. Благодаря нашему бартеру Мия могла прийти и выбрать себе платье или еще какую-то одежду, в которой у

нее возникала потребность. Я превратила это в семейный выход: мы отправлялись в кооперативный магазин на ланч, а потом в «Спраутс», где она выбирала себе наряд. Ее гардероб полностью состоял из секонд-хенда и рейтуз, продававшихся в Уолмарте по распродаже. Но она так высоко держала голову, отправляясь за покупками, что можно было подумать, будто Мия одевается исключительно в дизайнерских бутиках.

Когда мы переехали в переходное жилье, мама передала мне коробки со старинными вещами, некогда украшавшими наш дом. Теперь, за неимением места, я начинала думать, что она, скорее, всучила мне барахло, ради которого ей жаль было арендовать хранилище. Более-менее ценные сувениры я развезла по комиссионным магазинам, поскольку в новой квартире, как когда-то в приюте для бездомных, где допускалась только одна сумка, у нас не было места все это хранить. Мне вспоминались увиденные в журналах фотографии с улыбчивыми семейными парами, решившими до минимума сократить арсенал личных вещей или переселившимися в крошечный домик, выражая тем самым сознательный подход к расходованию природных ресурсов. Они в любой момент могли вернуться в обычный дом, с двумя спальнями, двумя ванными и дополнительным туалетом. Наверняка и я по-другому чувствовала бы себя в своей студии, если бы знала, что всегда могу переселиться в жилье втрое просторнее.

Сразу после моего переезда от Тревиса Пэм мне предложила сложить часть вещей у нее на чердаке, пока я решу, что с ними делать. Я заехала в офис «Классик Клин», чтобы пополнить запасы моющих средств, забрать зарплату и официально уведомить руководство о смене адреса.

– И как тебе на новом месте? – спросила Пэм в своей обычной улыбчивой манере, и я постаралась ответить с оптимизмом, ну или, по крайней мере, сделать вид.

– Все отлично, – сказала я. – Вот только не знаю, что делать с лишними вещами. Тревис не разрешил оставить их у него, а арендовать хранилище я не могу.

Я остановилась, чтобы не вываливать все свои переживания на начальницу. Она и без того очень заботливо поинтересовалась, как у меня дела, выслушала все, что я говорила – в общем, попыталась

сыграть в моей жизни роль матери, в которой я так отчаянно нуждалась.

Решения относительно того, что нужно оставить, а от чего избавиться, давались мне нелегко. Вещи, которые предстояло рассортировать, были бесполезными – и в то же время бесценными. Детские книжки, фотографии, старые письма и дневники, хоть и были мне дороги, занимали слишком много места. Я почистила свой гардероб, избавившись от зимних вещей и одежды для рыбалки, которая оставалась у меня с Аляски, юбок и платьев, которые почти не надевала. Что касается предметов домашнего обихода, с ними разобраться было сложнее всего. Приходилось решать, для чего стоит выкроить место и что я сама не смогу себе купить. Кастриюлю для чили, доставшуюся от отца, я почти не использовала, но с ней было связано множество воспоминаний, как и с набором форм для запекания, которые родителям подарили на свадьбу. Но это были всего лишь вещи, и у меня не хватало на них места. Мы с Мией оставили себе по два банных полотенца, два полотенца для лица и два комплекта постельного белья. В моем шкафу, изначально предназначавшемся для хранения метел и швабр, я разместила оставшийся гардероб: две пары джинсов, брюки цвета хаки, одну нарядную блузку и «парадное» платье, которое купила на собственные деньги. Кроме этого там хранились только форменные футболки «Классик Клин» и рабочие штаны. У меня не хватило духу избавиться от многих вещей Мии, и пришлось придумывать креативные способы превращения мягких игрушек, книжек и тому подобного в элементы декора. Я перебрала горы вещей. Вынужденная постоянно принимать решения, что выбросить, а что сохранить, я страдала от душевных терзаний. Часть вещей я сложила в подвале под нашей квартирой, но очень немного – я боялась, что они могут пострадать от влаги, плесени и мышей. Но я не могла просто их выкинуть. Они составляли нашу историю.

Я не собиралась все это озвучивать Пэм, но та, похоже, интуитивно догадалась, внимательно посмотрев на меня. Возможно, она и сама некогда стояла перед подобной дилеммой, будучи матерью-одиночкой с крошечным жильем. Внезапно ее лицо приобрело сходство с круглой физиономией миссис Санта-Клаус; Пэм подмигнула мне и сказала следовать за ней.

Мы вошли в дверь небольшого холла, расположенного между офисом и ее домом, и Пэм указала на потайную кладовую наверху.

– На самом деле, там куча места, и оно никак не используется, – сказала она, пожимая плечами. На чердак вела выдвижная лестница, с которой мне пришлось повозиться, чтобы забраться вверх. На полу стояли разные вещи, напоминавшие ассортимент гаражной распродажи после того, как все интересное уже раскупили.

– Если тебе что-нибудь нужно, забирай.

Пэм обвела рукой кувшины и пластиковые полочки, увидев, что я присматриваюсь к ним.

– Бери что угодно. Наша церковь проводит большие благотворительные распродажи, им нужны пожертвования, но если что-то тебе пригодится, не стесняйся.

Я посмотрела и увидела у своих ног старый табурет.

– Его можно использовать как кофейный столик, – сказала я.

Пэм улыбнулась и кивнула.

– И еще вот эту банку – для кухонных принадлежностей. Если понадобится еще что-то, даже я сама, к примеру, чтобы вычистить ковры, только дай знать, – предложила она.

Я хотела ее обнять. Хотела, чтобы она обняла меня. Я так нуждалась в материнских объятиях, что готова была разразиться слезами и взмолиться о них.

– И еще мне нужна помощь во дворе, если у тебя есть свободное время, – добавила Пэм.

– У меня есть время в следующие выходные, совершенно точно! – тут же выпалила я. – Но я проверю график, может, найдется что-то и пораньше.

– Да ничего, – сказала она. – Дело терпит.

Пэм открыла дверь в отдельную секцию чердака, где хранились моющие средства.

– Может, и тут заодно порядок наведешь.

Она зажгла свет, и я увидела длинный коридор, заставленный запасными пылесосами, полировальной машиной для паркета и рядами бутылей и швабр.

Я уже подсчитывала в голове, сколько заработаю дополнительно.

Пэм улыбнулась. Глаза ее блестели. Глядя на ее невысокую полноватую фигуру, в которой таилась такая щедрая душа, я подумала,

ко всем ли сотрудницам она настолько добра.

В свободные выходные я начала разбирать вещи, которые хранила на чердаке у Пэм. Рассортировала бумаги, книги и открытки по двум коробкам. Большая часть отправилась в помойку или в лавку старьевщика. Я избавлялась от вещей, которые когда-то аккуратно упаковала на хранение. Однажды вечером, точно зная, что в доме никого нет, я вынесла детские вещички, последние из отложенных – костюмчики для младенца, которые до последнего берегла, надеясь, что у меня появится еще ребенок. Сдав их в комиссионный, я могла, по крайней мере, одеть ребенка, который у меня уже был и мгновенно вырастал из любой одежды и обуви. Но я извлекла из этого и еще один урок – ценить то, что имеешь, ту жизнь, которая у тебя есть, и использовать пространство, которым располагаешь. Конечно, лучше было бы усвоить его не насильно, но все равно этот опыт был мне полезен.

Дом Венди

К моему третьему визиту в дом Венди, новой клиентки, ее здоровье заметно пошатнулось. «Рак оставляет мне совсем немного времени», – ненароком обронила она в разговоре, поникнув всем телом. Я не знала, что ответить, поэтому повторила ее печальное кивание головой, поддерживая Венди в этой горе. Однако блузки ее по-прежнему были накрахмаленными, а дом настолько чистым, что я не могла взять в толк, зачем ей услуги уборщицы.

Иногда, после того, как я заканчивала с кухней, она готовила ланч и настаивала, чтобы я поела вместе с ней в парадной столовой. Мы делились историями о наших детях, сидя за столом, покрытым белоснежной скатертью с кружевами, и поедая сэндвичи с тунцом на белом хлебе, разрезанные на аккуратные треугольники, и, на гарнир, морковные палочки. Прихлебывали кофе из чашек, рядом с которыми она неизменно клала порционные сливки и сахар, вместе с серебряной ложечкой. Я чувствовала себя, как на светских чаепитиях, в которые заставляла играть со мной бабушку, когда была маленькой, и однажды сказала Венди об этом. Та улыбнулась и взмахнула рукой, отметая подобное предположение. «Почему бы не воспользоваться красивой посудой, пока еще можешь», – сказала она. Руки у нее немного дрожали, когда она опускала чашку на блюдечко с рисунком из розовых бутонов.

В доме Венди стояло несколько больших стеклянных сервантов с сувенирами, фотографиями детей и внуков и портретами, сделанными на свадьбе. Венди как-то застала меня за их разглядыванием. Я смотрела на снимки и не могла понять, почему люди так стремительно стареют, и как любят друг друга всю жизнь, прикипая навеки душой и телом. Она улыбнулась и показала на стеклянный букетик красных роз, стоявший на полке рядом со свадебным портретом.

– Муж хотел, чтобы розы были у меня всегда, – сказала она, и я ощутила странное смешение зависти и печали.

Дом Венди выглядел как типичный «бабушкин дом», отчего я еще сильнее тосковала по семье и моей собственной бабушке. На полочках в кухне стояли кулинарные книги и высились стопки

листочков – списки покупок и рецепты зеленых смузи. Кофе она пила с заменителем сахара, и он, тоже в пакетиках, стоял рядом с кофеваркой, которая практически не выключалась.

Уборка у нее была, по сравнению с другими, совсем простой. Я протирала все столешницы, шкафчики и пол, пылесосила и наводила порядок в санузле на первом этаже. Наверху Венди убирала сама.

На кухне возле барной стойки было место, где линолеум протерся до основания и отходил от пола. Как-то раз за ланчем я спросила ее, почему, и она ответила, что там любил сидеть ее муж, куря сигареты. При этом воспоминании Венди поморщилась.

– Меня страшно возмущало, что он курит, – сказала она, делая поток кофе.

Я кивнула, вспоминая грязные следы, которые Тревис оставлял своими громадными резиновыми сапогами по всей кухне.

– Но важно, чтобы эти вещи не заслоняли главное, – заметила Венди, разглаживая белый кардиган, надетый поверх блузки в полоску.

– У меня так и вышло, – сказала я.

Она подняла на меня глаза. Серые волосы Венди нимбом светились в закатных лучах.

– Мы с моим парнем недавно расстались. Прожили вместе больше года. Моей дочке всего три... она его полюбила. Теперь мы живем в крошечной студии, но и за нее мне очень трудно платить.

Я понесла ко рту чашку, чтобы допить кофе и скрыть покрасневшие щеки. Произнеся это вслух, я не только заново ощутила боль потери, но и признала, что все случившееся – реальность, а не кошмарный сон, в котором мы внезапно очутились.

Мгновение Венди молчала.

– Мне тут требуется много помощи, – сказала она наконец, вставая из-за стола. Начала собирать тарелки, отчего я, подхватившись, стала делать то же.

– Оставь. Пойдем-ка за мной.

Я последовала за ней наверх, мимо механического подъемного устройства, которым она пользовалась в «плохие», по ее выражению, дни. Вряд ли к ней часто заходили гости; мне даже казалось, что она специально принаряжается и делает прическу к моему приходу. Раньше я ни разу не бывала наверху – разве что иногда заглядывала

туда, когда пылесосила лестницу. Спальня Венди находилась справа по коридору; она спала там вместе со своей старенькой храпящей белой собачкой, которая умела нажимать мордой на звонок у раздвижных стеклянных дверей, когда хотела, чтобы ее выпустили наружу. Венди открыла дверь в гостевую спальню, и свет затопил коридор, в котором мы с ней стояли.

По стенам возвышались пирамиды обувных коробок, пластмассовых контейнеров и корзин. Еще больше разных ящиков высилось на большой кровати. Венди испустила вздох.

– Пытаюсь рассортировать вещи. Что кому пойдет, – сказала она. – Из-за рака.

Я кивнула и окинула взглядом результаты ее трудов.

– Большинство вещей для сына – в гараже. Инструменты и тому подобное. А это все наверняка пригодится племянникам и племянницам. Ну и их детям.

Я с восхищением смотрела на нее, пока она, обходя спальню, рассказывала мне, что кому предназначалось. За время работы уборщицей я неоднократно участвовала в подобных «проектах по расчистке» и видела немало гаражей, заставленных коробками, в подготовке к гаражной распродаже или переезду в жилье меньшей площади. Однако тут было совсем другое дело – посмертное. Она решала, что кому пойдет, когда ее не станет. Неизвестно, знала ли Венди точно, сколько еще ей оставалось жить, но если и так, она никогда мне не говорила. Дополнительные часы, на которые она наняла меня в июле, позволили нам с Мией залатать дыру в бюджете, возникшую после переезда и ремонта машины, вставшего в 300 долларов, который иначе нас бы обанкротил. Я полола у нее клумбы, разбирала кладовки и отмывала все уголки дома, чтобы этим не пришлось впоследствии заниматься ее родным. Венди выражалась вполне определенно, когда описывала мне круг обязанностей. Я восхищалась ею и, как бы странно это ни звучало, надеялась в конце жизни достичь такого же мира в душе, который позволит мне спокойно сортировать вещи, а не терзаться чувством вины и пытаться как-то компенсировать ее.

Большую часть праздничных выходных на Четвертое июля я провела у нее во дворе, пропалывая сорняки на клумбах и под соснами. Я давно не занималась подобной работой и успела забыть,

как любила трудиться в саду. В основном мне приходилось потеть в душных помещениях, где кондиционеры были выключены, раз хозяев не было дома.

У себя в студии я боролась с вездесущей черной плесенью. Спальная зона, стены которой состояли из больших окон, на закате превращалась в настоящую баню. Если недавно был дождь, то там парило, как в теплице. Мия с трудом могла спать, хотя до этого ей не мешало заснуть ничто, даже фейерверки. Тревис как-то заехал к нам вечером проведать Мию и, выругавшись насчет страшной жары, внезапно запрыгнул в свой грузовичок и вернулся спустя полчаса с оконным кондиционером, который тут же нам установил и включил на полную катушку. Мы с Мией подставили лица под струи прохладного воздуха. Подарок был дорогой – прямо-таки роскошный. Правда, пользоваться им мы могли только когда приезжали домой, перед сном, чтобы немного охладить помещение, иначе счета за электричество стали бы неподъемными. Меня очень беспокоила высокая влажность воздуха. Он был пропитан парами черной плесени, росшей на подоконниках, возле которых мы спали.

На улице я смогла вздохнуть полной грудью. Работая, я слушала голоса соседей вместо неизменной музыки в наушниках iPod. В те праздничные выходные многие соседи Венди уже запускали фейерверки и жарили мясо на гриле. Время от времени до меня долетал аромат стейка или гамбургеров, и во рту набегала слюна. Я представляла себе хрустящие листья салата и толстые кружки помидоров, сыр, щедрые порции кетчупа и майонеза. Здорово было бы сейчас съесть такой гамбургер и запить бутылочкой пива. Стоя под сосной, я представляла, как дети на соседних участках носятся по дворам, поджигая петарды. Мия была у Джейми, и я надеялась, что отец тоже сходит с ней на барбекю, где она сможет поиграть с ребятами ее возраста. Надеялась, что и она тем вечером посмотрит фейерверк.

Венди подписывала мне чеки трясущейся рукой, настаивая на оплате даже тех промежутков, которые мы проводили за ланчем.

– Время стоит денег, – говорила она, протягивая мне чек, где рядом с ее именем и адресом были отпечатаны розочки.

Через пару месяцев Венди отменила уборки.

– Больше не могу их себе позволить, – сказала она по телефону, и мне показалось, что в ее слабом голосе мелькнуло сожаление.

Я не знаю, когда она умерла, но мне кажется, это произошло вскоре после того, как я перестала к ней ходить. Я часто вспоминала наши беседы за сэндвичами с кофе, когда морковные палочки на ее тарелке так и лежали нетронутые; возможно, на себя она накрывала только для видимости, потому что, хоть у нее и не было аппетита, все-таки предпочитала садиться за стол не одна. Мысли о тех визитах к Венди напоминали мне не только о том, что мое время имеет ценность, но и о том, что я сама, хоть и занималась чисткой туалета и подбором фантиков под кустами, имела ценность тоже.

Выходные, когда Мии не было дома, зияли молчаливыми пропастями. Грант Пелла покрывал учебу только в обычный школьный сезон, а учиться летом за свой счет я не могла, так как весь заработок уходил на жилье, поэтому у меня не было домашних заданий, чтобы засесть за них, заднего дворика, чтобы там покопаться, и денег, чтобы куда-нибудь выбраться с друзьями. Простая поездка в Сиэтл или Беллингом все равно стоила слишком дорого, поэтому я просто сидела дома. Я пробовала ходить в парк почитать книгу, расстелив плед на траве, но меня начинала мучить зависть к семьям и парочкам, поглощавшим свои ланчи из корзинок, когда отцы играли с ребятами постарше, а мамы сидели с младенцами в тенишке.

Покупка, готовка и поглощение пищи стало, скорее, бременем, нежели удовольствием, поскольку питание наше было очень однообразным. Когда я могла себе это позволить, то по выходным готовила большую кастрюлю картофельного пюре и лепила из него крокеты, которые можно было потом обжарить в масле, залить яйцом и съесть на завтрак или перекус после работы. Помимо протеиновых батончиков и бутербродов с арахисовой пастой и джемом, я поглощала огромные миски лапши «Рамен». Я научилась готовить для нее собственный соус из рисового уксуса, шри-рачи, соевого соуса и кунжутного масла со щепоткой сахара. Все это стоило недешево, около 20 долларов, но я просто не могла есть лапшу с приправой из пакетиков, которые к ней прилагались. Эти громадные миски лапши с соусом были моим вариантом изысканного ужина. Я добавляла в нее жареную цветную капусту, брокколи, лук или любые другие овощи, которые продавались по сниженным ценам, а сверху выкладывала

яйцо вкрутую или кусочки ростбифа, случайно попавшего на распродажу. Свежие продукты были для нас настоящим деликатесом. Я покупала только те овощи, которые стоили меньше доллара за фунт, и то лишь в начале месяца. По каким-то непонятным причинам – то ли Мия оставалась дома из-за болезни и не ходила в детский сад, и мне приходилось кормить ее завтраком, обедом и ужином, то ли она просто быстро росла и ела больше, – вторая за месяц закупка продуктов оказывалась куда скромнее, так что мы едва наполняли себе желудки, никогда не наедаясь досыта. В эту закупку я брала самый дешевый хлеб и крекеры, джем, в котором был один сахар, искусственные красители и кукурузный сироп, и этим, вместе с дешевыми готовыми обедами, мне приходилось кормить мою растущую дочь. Пару недель я не могла позволить себе кофе. Я переходила на черный чай и лила над ним слезы. Хотя я и знала, что у меня есть такая возможность, я ни разу не обратилась в продуктовый банк или за бесплатным супом. Да, питались мы однообразно, но не голодали, поэтому я не могла себя заставить туда пойти. Мне казалось, масса людей нуждаются гораздо больше.

Мия, к счастью, не обращала на это внимания, поскольку наедалась досыта – я всегда накладывала ей больше, чем себе. Однако как-то вечером я забрала дочку после детского дня рождения, куда ее водил отец, и следующие двадцать минут она восторженно рассказывала мне о празднике, на котором побывала. Но не о приятелях и не об играх – об угощении.

– Там было столько ягод, мам! – раз за разом повторяла она. – Клубника и малина, целые горы, и мне сказали, можно есть столько, сколько захочешь!

В тот вечер, уложив ее в постель, я пробежалась по Интернету в поисках фотографий, которые другие семьи из Порт-Таунсенда, побывавшие на празднике, могли туда выложить, и несколько действительно нашла. Мии на них не было, но ягоды были – и сколько! Весь стол был заставлен тарелками и блюдами с ними. Ясно, почему Мия пришла в такой восторг. Маленькая упаковка ягод стоила пять долларов и являлась для нее редчайшим лакомством, с которым она расправлялась буквально в секунды.

Еще несколько клиентов обратились ко мне за дополнительными услугами тем летом. Но наибольший их приток вызвала моя

публикация на местном ресурсе с объявлениями:

Я работаю 25 часов в неделю профессиональной уборщицей, но этого недостаточно, чтобы платить по счетам

Моими конкурентами в разделе, посвященном уборке, были, в основном, супружеские пары, которые приезжали на собственном грузовичке расчищать участки и наводить порядок в доме. Также там публиковалась реклама агентств, наподобие того, где заправляла Дженни: лицензированных, застрахованных и имевших возможность предоставить сразу несколько сотрудников для большого заказа. Я не думала, что мое объявление выстрелит и принесет мне дополнительный доход, но каждый раз, когда я заново его размещала, мне поступало штук шесть звонков.

Одна невысокая темноглазая дама по имени Шерон пригласила меня сделать уборку в квартире, которую она собиралась сдавать, прежде чем туда въедет жилец. Квартира оказалась запущенной, но не ужасной, и во время предварительного осмотра хозяйка сообщила, что раньше никогда уборщиц не приглашала. Она хотела, чтобы я отмыла духовку и холодильник. Жалюзи можно было не трогать. Я попыталась прикинуть, сколько времени это займет, но на осмотр мне пришлось явиться с Мией, которая сейчас сидела у меня на руках, и я не смогла тщательно все изучить.

– Четыре-пять часов? – предположила я, отвлекшись на Мию, которая настойчиво тянулась за чем-то на буфете.

– О, я просто собиралась дать вам сто долларов, – сказала Шерон, выходя за мной в коридор, и протянула мне купюру. Секунду я смотрела на нее, без всякого выражения на лице, не зная, как поступить. Это было гораздо больше, чем я получала до того за любой индивидуальный заказ. Но она кивнула, подбадривая меня.

– Мне понравилось ваше объявление, – сказала Шерон. – Сама знаю, каково это – зарабатывать на жизнь, когда у тебя ребенок.

Она посмотрела на Мию, которая, застеснявшись, уткнулась лицом мне в плечо.

– Спасибо! – сказала я, пытаюсь подавить чувство, что обсчитала клиента. – Я вас не подведу.

Усадив Мию в автокресло, я немного посидела за рулем, глядя на приборную доску.

Я справляюсь, – думала я, – справляюсь, черт побери! Я повернулась посмотреть на дочку и почувствовала, что сердце мое наполняется гордостью. Мы через многое прошли, но я вытащила нас и продолжала двигаться вперед.

– Хочешь «Хэппи Мил»? – спросила я.

Сотенная бумажка жгла мне ногу через карман штанов. Гордость распирала грудь. Личико Мии вспыхнуло радостью, и она вскинула вверх руки.

– Ура! – воскликнула дочка с заднего сиденья.

Я засмеялась, сморгнув слезы, и закричала от радости вместе с ней.

Дом с цветами

В третий раз я выключила будильник всего за полчаса до момента, когда мы должны были явиться в госпиталь, чтобы Мие поставили в ухо дренажную трубку. Мне велели утром перед выездом ее искупать и одеть удобно. Вместо этого я сидела и звонила в приемную, чтобы все отменить. В носоплотке у Мии стояла густая зеленоватая слизь. Ее стошнило прошлым вечером и еще раз прямо сейчас, на пол. Нельзя было делать ей операцию, пока она простужена, но я все-таки заставила себя собрать дочку, посадить в машину и приехать в госпиталь вовремя.

Мия не до конца понимала, что с ней будут делать. Я сказала, что доктор еще раз посмотрит ей ушки, но меня в комнате не будет. Мы уже несколько раз обращались к врачу по поводу ее ушей, а потом консультировались со специалистом насчет операции с дренажной трубкой. Меня больше тревожила анестезия, а не процедура сама по себе.

– Я ставил такие трубки собственному сыну, – сообщил мне хирург. – Обещаю, что с вашей дочерью буду так же осторожен.

Когда в восемь утра мы явились в приемную, нас направили в бокс, где для Мии уже приготовили рубашку, шапочку на голову, бахилы и пакет, чтобы сложить вещи, в которых она пришла. Сердце у меня екало всякий раз, когда очередная медсестра заглядывала в бокс с каким-нибудь вопросом. Мия сидела напряженная, молчаливая; она даже не смотрела на сестер, которые взвешивали ее, измеряли температуру, проверяли уровень кислорода в крови, слушали стетоскопом грудную клетку и делали – зачем-то – снимки на «Полароид».

– Она правда очень больна, – сказала я первой медсестре, которая даже не дала себе труд кивнуть.

– У нее сильная простуда. И кашель, с зеленой мокротой. Наверное, инфекция, – обратилась я к следующей.

– Врачу надо проверить, вырезать ей аденоиды или нет, а не просто их удалить. Надо еще раз убедиться.

Одна сестра, пожилая брюнетка, руки у которой были такие холодные, что Мия отдернулась от нее, когда та попыталась

послушать ей сердце, спросила, есть ли у нас дома увлажнитель воздуха.

Я покачала головой, вспоминая о конденсате на окнах и о швах с пятнами черной плесени, которые я тщательно отскребла перед переездом и которые появились снова после первого же дождя.

– Я не могу, – попыталась я сказать.

– Надо срочно его купить, прямо сегодня, – сказала она, что-то записывая у Мии в карте.

– Я... – мои глаза смотрели в пол, – я не могу. У меня нет денег.

Сестра выпрямилась, выпятила губы и скрестила руки на груди, глядя на Мию, а не на меня.

– А где ее бабушка с дедом? У нее есть бабушки и дедушки? Будь это моя внучка, я бы ей его купила.

– Родители не могут мне помочь, – начала я торопливо оправдываться, боясь, что и без того перегружаю эту незнакомую женщину своими проблемами. – Точнее, мой отец и его жена не могут. Мама живет в Европе – она только говорит, что не может помочь, но у отца денег и правда нет.

Сестра в ответ пощелкала языком. Мия сидела на краю кушетки, зажав ладони между коленей. Наверное, она замерзла. А может, хотела в туалет. Я уже несколько раз спрашивала, но она лишь мотала головой.

– Не знаю, что это за бабушка, раз она уехала так далеко от своей внучки, – сказала сестра, а потом посмотрела мне прямо в глаза, будто ждала какого-то ответа.

Но тут Мия прошептала мне на ухо:

– Мне надо на горшок.

Дыхание у нее было несвежим из-за инфекции и заметно отличалось от обычного.

Сестра указала нам на туалет в другом конце приемной. Я отвела туда Мию и усадила на унитаз. Она перегнулась пополам, прижавшись грудью к коленям, и ее опять стошнило большой лужей зеленоватой слизи. Одна из сестер, направлявшаяся в наш бокс, спросила у женщины на главном посту, куда мы подевались, и я, махнув рукой, подозвала ее посмотреть, что произошло.

Вот вам доказательства, – хотелось мне сказать. – Моя дочь слишком больна для операции.

– Я с этим разберусь, – кивнула медсестра. – Возвращайтесь в бокс.

Мы просидели там еще минут пять, и тут я, почувствовав, что не могу это дальше выносить, схватила мешок с дочкиной одеждой и начала переодевать Мию обратно.

Раздался стук в дверь, и к нам вошел хирург. Он не поздоровался – вообще не имел такой привычки, – и опустился на стул, словно признавая свое поражение. Пару секунд посидел напротив, меряя нас с Мией взглядом.

– Думаю, ее стошнило от нервов, – сказал он. – Вы нервничаете, и она тоже.

Он скрестил руки, потом поднялся и сверху воззрился на нас.

– Если не хотите делать ей операцию, так и скажите. По крайней мере, сэкономите мне время.

– Нет, – ответила я, нахмутив брови.

Интересно, он говорил бы со мной тем же тоном, если бы с нами находился сейчас мой муж или у Мии страховка была бы не от Медик-Эйд?

– Я совсем не это имела в виду. Просто ее стошнило. Она больна. На мой взгляд, слишком больна, чтобы делать ей операцию сегодня. Я даже не знаю, зачем ее привезла. Я просто слишком устала, чтобы обо всем этом думать.

– Но операция ей поможет, – сказал врач. – Я же хочу как лучше!

Я кивнула. Измученная, я старалась не заплакать, подавляя желание рухнуть на пол и залиться слезами, сдавшись под грузом болезни ребенка и собственной борьбы за никчемную работу, которая позволяла только оплачивать жилье, но не давала никаких социальных компенсаций, хотя бы в виде страховки. При этом, не явись я к клиенту, неизвестно, обратились бы ко мне еще раз или нет. Нет, я не ждала от этой работы большего. Естественно, для должностей с минимальным окладом соцпакет не подразумевался, но мне казалось, можно было сделать исключение для людей с детьми.

– Я вам верю, – сказала я, посмотрев на Мию, которую обнимала одной рукой, и зная, что сейчас должна буду отпустить ее с ним. Одну.

Медсестра вошла в наш бокс и повела Мию в операционную. Другая принесла мне бумаги, которые требовалось подписать, в том числе инструкции по уходу в первые недели после процедуры.

– Ты же дочь Дэна и Карен? – спросила она.

Я кивнула.

– Я тебя сразу узнала. Надо же, Мия – прямо-таки твоя копия. Выглядит в точности так, как ты, когда была маленькой.

Увидев растерянное выражение у меня на лице, она представилась. Оказалось, когда-то ее муж, адвокат, защищал меня на слушании по делу об автомобильной аварии. Мне было, кажется, лет шестнадцать.

– Но твоих родителей я знаю с тех пор, когда они начали посещать приход Вифании. Ты еще в пеленках лежала!

После этого «в пеленках» я вспомнила историю, которую множество раз пересказывала моя мама: как они почти бегом ворвались в церковь, поскольку служба уже начиналась, отец передал меня маме, и только тут она заметила, что на мне нет подгузника. Мне не исполнилось и двух лет, а им – двадцати одного. Они забыли надеть мне подгузник, торопясь в церковь, и с собой не взяли тоже. Интересно, эта сестра видела их тогда? Может, она их и выручила?

За разговором с ней я не заметила, как пролетела операция. В Интернете я много читала о том, чего ожидать, когда ребенок отходит от анестезии, но эмоционально была, конечно, не готова. Беседа пришлась очень кстати, поскольку немного меня отвлекла, а эта женщина оказала бесценную услугу, составив мне компанию. Я должна была держаться, если не ради себя, то хотя бы ради Мии, и отгонять от себя мысли о том, что могу потерять ребенка, если она не очнется от анестезии, или случится еще что-нибудь ужасное. Ни мне, ни ей не нужен был дополнительный стресс.

Мию привезли в бокс к девяти часам; она лежала на каталке с тампоном во рту. Лицо ее покраснело от слез и от страха, она обводила комнату испуганными глазами, словно не узнавала ничего вокруг. Каталку поставили вплотную к кушетке, чтобы Мия могла на нее перебраться. Я склонилась над ней, глядя по голове, и зашептала на ухо что-то успокаивающее, не уверенная, слышит она меня или нет. Я не знала, болят ли у нее уши и что с ней делали в операционной, но догадывалась, сколько она натерпелась, особенно из-за того, что меня не было рядом и я не держала ее за руку.

– Все хорошо, маленькая. Все в порядке.

Мия, вся сжавшись, перевернулась на бок и так застыла, а потом начала сипеть, хрипеть и дергать за пластырь, фиксировавший иглу

для капельницы у нее в руке. Мы с сестрой попытались ей помешать, но Мия встала на четвереньки, выплюнула изо рта тампон и поднялась на колени. Она потянулась ко мне ручками, потащив за собой трубки капельниц. Я посмотрела на сестру, и та кивнула, разрешая мне обнять дочь, приподнять и посадить к себе на колени. Теперь я могла ее качать, повторяя, что все обязательно будет хорошо.

– Хочу сок, – хрипло сказала она и повалилась мне на грудь, словно усилие, которое потребовалось, чтобы произнести эти слова, отняло у нее последние силы. Я слышала, как она дышит со свистом. Сестра протянула ей поильник. Мия, приподнявшись, выпила половину и потом снова обвисла у меня на руках.

Не прошло и часа, как я уже стояла на парковке, по-прежнему держа Мию, теперь уже одетую. Я никак не могла заставить себя посадить ее в автокресло, чтобы проехать каких-то пару кварталов до дома. Нас практически выгнали из больницы, выдав во временное пользование увлажнитель в форме головы Микки Мауса.

– Да, у нас все делается быстро, – сказала медсестра, ставя увлажнитель на крышу моей машины.

Мы провели на парковке перед больницей еще минут пятнадцать, и все это время я прижимала Мию к себе, глядя на высокое здание перед нами и чувствуя себя как никогда одинокой. Да, мы справились, Мия пережила операцию, но в тот момент на меня словно упала глухая пелена. Я не ощущала ни торжества, ни гордости, погружаясь вместо этого в омут одиночества, обещавшего стать моим спутником на веки вечные. Моей реальностью, с которой я буду просыпаться утром и засыпать по вечерам.

В следующий понедельник, готовясь к моему приходу для ежемесячной уборки, владелица Дома с цветами убрала с пола все, что только было возможно. Свернула ковры, переложила на кресла стопки журналов и книг, вытащила из-под кровати коврик для аэробики и свои туфли. Ее инструкции были предельно четкими, самыми четкими из всех, что я получала от клиентов: тщательно вымыть все полы, кухню и ванную, внимательно осмотреть подоконники и оконные рамы на предмет появления черной плесени.

Это семейное гнездо недавно опустело: сын, раньше живший с родителями, поселился отдельно, но его комната так и осталась

нетронутой. Спортивные кубки по-прежнему стояли на полочке над кроватью. Единственным изменением было появление рабочего стола и синтезатора, на котором хозяйка давала своим ученикам уроки музыки. Я не понимала, почему нельзя заниматься на настоящем фортепиано, стоявшем в холле. Ее муж был кем-то вроде пастора или, может, работал в церкви. Вместо картин на стенах у них висели молитвы, вставленные в рамочку.

Жена обожала комнатные растения, которые, в кашпо с колесиками, мне приходилось постоянно передвигать, чтобы вымыть пол. На каждом окне в гостиной стояло с полдюжины горшков с разными вьющимися лианами, другие свисали на крючьях с потолка. Они чередовались с кактусами, а карнизы для штор оплетал филодендрон. Я потихоньку отщипнула у нее пару отростков, чтобы потом посадить дома. Мне хотелось, чтобы и у нас была какая-то зелень, что-то живое. Но позволить себе купить отростки я не могла.

В ванной растений не было. Кроме плесени. Стоя на краю ванны, я оттирала ее из угла, где стена стыковалась с потолком. Хозяйка всегда заворачивала вверх занавеску для душа, цепляя ее за перекладину. Убирала коврики и полотенца, отправляя их в стиральную машину. К моменту моего приезда ванная стояла голая, белая и пустая. Я выключала увлажнитель, который у нее работал постоянно, и все мои движения начинали отзываться гулким эхом. Мне нравилось петь в этой ванной, потому что голос забавно отражался от стен.

Ребенком я участвовала в разных школьных мероприятиях, осенних театральных постановках и мюзиклах в конце учебного года. Солисткой я не была, но любила играть на сцене. Мы с друзьями, возвращаясь домой, распевали на всю улицу. В пустых домах у меня снова появлялась возможность петь, не боясь, что кто-то подслушает. Я подпевала Адель, Тиган и Саре, а еще «Уайдспред Паник».

В тот понедельник, после операции Мии, я стояла в ванной Дома с цветами и во весь голос орала песни, пока вдруг не разрыдалась, да так, что не могла остановиться.

Протерев насухо стены душа, я почувствовала, как слезы брызнули у меня из глаз, и поднесла руки к лицу, чтобы вытереть их. Прижала ладони к глазам, издала громкий всхлип, опустилась на колени и вспомнила, как нас с дочкой вытолкали из больницы. Как только она выпила немного сока и сходила в туалет, нам велели уезжать. Мне не

разрешили даже еще немного посидеть с ней в комнате ожидания. Но я не была готова выпустить ее из рук, не могла сесть за руль и следить за дорогой. Я стояла, прислонившись к машине, теплой от лучей утреннего солнца, а она всем тельцем прижималась ко мне. Я нащупала рукой розовую туфельку у нее на ножке, потом, передвинувшись выше, погладила по голени, по бедру, притиснула к себе обеими руками и спрятала лицо у нее на плече. У Мии была я, но и мне нужен был кто-то, кто держал бы меня за руку и утешал. Мамам иногда тоже требуются мамы.

Мия редко видела меня плачущей. Заплакать означало признать свое поражение. Как будто я сдалась – душой и телом. Я делала все, чтобы избежать этого чувства. Еще и из страха, что, расплакавшись, не смогу остановиться. Буду хватать ртом воздух. Представлять себе, что вот-вот умру. Рыдая там, в той ванной, я практически так себя и чувствовала, пока мое тело, таким вот неконтролируемым образом, пыталось сбросить напряжение. Пускай многие вещи, происходившие вокруг, не поддавались моему контролю, я должна была контролировать хотя бы свою реакцию на них. Начиная я рыдать всякий раз, когда происходило что-то тяжелое или страшное, я лила бы слезы постоянно.

И тут, когда я уже готова была признаться себе, что сдаюсь, что-то изменилось. Стены Дома с цветами сомкнулись вокруг меня. Я ощутила себя в безопасности. Дом словно заговорил со мной. Он смотрел, как я листала телефонные книги в поисках церквей, в которых мне могли бы помочь деньгами на аренду жилья, после того, как услышала, что очередь по «Восьмому пункту» займет не меньше пяти лет. Этот дом меня знал, а я знала его. Знала, что у хозяйки хронический насморк, а хозяйка собирает рецепты народных лекарств, что она упражняется под старые видеокассеты с аэробикой у себя в спальне. Их дом был свидетелем моих отчаянных звонков социальным работникам, у которых я просила записать меня на любую из программ, по которой можно получить хоть немного денег. Убирая на кухне, я яростно спорила с Джейми. Я вымыла весь пол в гостиной, дожидаясь ответа на линии, по которой можно было обратиться за продуктовыми купонами. И вот в те минуты, когда я стояла на коленях перед ванной, стены Дома с цветами укрыли меня и утешили своим стоическим молчанием.

Дом Шефа

Когда мы жили в приюте для бездомных, я часто засиживалась допоздна, уложив Мию в постель, и, глядя в ночь, представляла себе свою идеальную жизнь. Обязательно с большим свежескошенным газоном и деревом, с которого будут свисать качели. С домом – не слишком большим, но все же достаточно просторным, чтобы Мия свободно бегала по нему, возможно, с нашей собакой, и строила себе укрытия из стульев и одеял. Обязательно не только с отдельной спальней для нее, но и со своей ванной тоже. Наверное, даже с комнатой для гостей или кабинетом, где я могла бы писать. Большим диваном и маленьким диванчиком. С гаражом. Будь у меня это все, думала я, мы наверняка были бы счастливы.

У большинства моих клиентов имелись все те вещи, о которых я мечтала, сидя в одиночестве по ночам, но удовольствия от жизни они получали, похоже, не больше моего. Большинство работали целыми днями, вдалеке от дома, за который так дорого заплатили, и ездить им приходилось порой даже дальше, чем мне. Я начала обращать внимание на бумажки, лежавшие у них на столах: чеки за ковры стоимостью с мою машину, счета из химчистки, за которые можно было полностью обновить мой гардероб. Я же делила свой часовой заработок на пятнадцатиминутные интервалы, чтобы прикинуть, за какое время отработаю потраченный бензин. Как правило, целый час у меня уходил только на то, чтобы отбить деньги за топливо, которое я сожгла, добираясь до места. Мои же клиенты зарабатывали на дорогие машины, лодки и диваны, которые приходилось закрывать чехлами.

Они работали, чтобы заплатить «Классик Клин», от которого я получала самый минимум за поддержание в их домах идеального порядка. Они считали, что за эти деньги им пришлют какую-то волшебную фею чистоты, но я ничуть не походила на нее, когда, словно привидение, шаталась по их обиталищам. Лицо у меня стало землисто-серым от недостатка солнца, а под глазами от недосыпа залегли черные круги. Не успевая мыть волосы, я стягивала их резинкой на затылке или убирала под косынку. Рабочие штаны носила до тех пор, пока колени не протирались почти до дыр, так что начальница приказывала мне их сменить. Моя работа не позволяла

особо тратиться на одежду, даже рабочую. Я выходила на уборку даже больной и оставляла дочь в яслях, когда ей лучше было посидеть дома. Мне не оплачивали ни больничные, ни отпуск, не обещали повысить ставку, и, тем не менее, я умоляла загружать меня сильнее. Пропусти я хоть одну уборку, в моем бюджете появилась бы дыра, а пропусти несколько – рисковала быть уволенной. Мне необходимо было содержать в полном порядке автомобиль, потому что любая поломка или даже спущенная шина могли оставить нас без необходимых средств, отбросить назад, в бездомные времена. Мы жили – выживали – балансируя над бездной. Ведя существование, далекое от идеала, я придавала домам чужих людей видимость идеальных.

В Доме Шефа было два крыла: в одном из них располагались гостевой санузел и кабинет, а также хозяйская ванная, примыкавшая к перестроенному гаражу, где две их собаки, два белых вестминстер-терьера, вечно оставляли лужи. В те дни, когда я приезжала убирать, мистер или миссис Лунд увозили их с собой. Однажды я не заметила, что терьер наложил кучу возле обеденного стола, и случайно в нее наступила. Потом смачно выругалась. Бежевый ковер. Светло-бежевый. Практически белый, черт его подери. Как теперь оттирать с него пятна дерьма?

С владельцем Дома Шефа я встречалась за прошедшие шесть месяцев всего один раз, хотя и убирала там по три часа каждый второй четверг. Это был один из самых первых клиентов Пэм. Она делала там уборку по два часа раз в неделю – в головокружительном темпе с учетом гигантских площадей. Я проливала реки пота, убирая там, не позволяла себе даже написать СМС или ответить на звонок, потому что боялась не уложиться в отведенное время. У меня точно не было возможности заниматься коричневыми пятнами дерьма на ковре.

В тот день мне предстояло убирать еще один дом – Леди с сигаретой, – занимавший три часа плюс двадцать минут в пути. Обычно наш рабочий график был очень плотным. Три, четыре или шесть часов я находилась в постоянном движении: чистила раковины, мыла полы, пылесосила, оттирала следы, оставленные собачьими носами на стеклянных дверях; полировала зеркала, стараясь не глядеть на свое отражение и борясь с болью в мышцах, которая к концу дня превращалась в нестерпимое жжение, с прострелами и онемением ног и рук. Неделями повторяя те же самые манипуляции –

по одной схеме, в одно время, каждые две недели, – я переставала думать, что делать дальше. Мои движения становились автоматическими. Мышцы понемногу укреплялись. По крайней мере эта сфера моей жизни не требовала принятия постоянных решений, одно тяжелей другого; в ней я могла позволить себе действовать бездумно. Похоже, даже *слишком* бездумно – настолько, что теперь стояла одной ногой в дерьме.

Дом Шефа был предметом моей искренней зависти – с его видом, двором, с яблонями, ронявшими яблоки на газон, откуда их потом убирал садовник. Я мечтала о такой же террасе с полированной деревянной мебелью и коричневыми подушками к ней в тон. Представляла, как хозяева отдыхают там в выходные – кровати на гриле, охлажденное розовое вино в бокалах на тонких ножках, полосатая маркиза, защищающая от солнца. Такая жизнь казалась мне сном, а эти люди, в холлах которых висели картины с видами Парижа, наслаждались ею ежедневно.

Их кухни ломились от продуктов, а от красивых коробок с дорогим печеньем, расставленных на столах, у меня набегала слюна. На Рождество дома тщательно украшались. Порой я замирала, любясь их елками. Каждый год у них появлялись новые игрушки «Холлмарк» из серии «Фрости Френдз», которые моя мама тоже собирала, когда мы жили на Аляске. После развода она отдала их мне, но половина пропала в ходе многочисленных переездов. Увидев игрушку из коллекции 1985 года, с нашего первого Рождества на Аляске, я осторожно взяла ее в руки, вспоминая, как мама развернула точно такой же красный каяк с малышом-эскимосом и собачкой и сказала мне повесить его на елку. До Рождества оставалось почти полгода, и я поняла, что не смогу позволить себе ни купить, ни поставить у нас в студии елку достаточного размера, чтобы вешать на нее украшения. Обычно на Рождество Мия была у Джейми, а со мной встречала День благодарения. Я очень хотела, чтобы в ее жизни тоже были нарядные игрушки, которыми мы бы каждый год украшали большую елку. В детстве я не обращала внимания на такие вот семейные традиции, а теперь мечтала о них – для своего ребенка.

Третью времени, которое я проводила в Доме Шефа, уходила на полы. Иногда я добиралась потом до машины, согнувшись в три погибели и держась рукой за спину. Боль была моим постоянным

спутником, но от долгого времени, проведенного в наклонном положении, она становилась нестерпимой. Позвоночник мой принимал форму знака вопроса; неоднократно мне приходилось обращаться в «Скорую помощь». Я старалась быть с ним поосторожнее, потому что в противном случае боль вынуждала меня принимать по 800 мг ибупрофена несколько раз в сутки. В последний раз я проявила неосмотрительность, слегка наклонившись, чтобы приподнять угол кровати, которую следовало придвинуть к стене. Мышцы спины, не выдержавшие такой нагрузки, сначала растянулись, как резиновая лента, а потом окаменели. Долгое время мне приходилось стискивать зубы от боли и лежать без сна по ночам. Обезболивающие таблетки я переносила плохо. От них я становилась вялой и сонной, словно полупьяной.

В Доме Шефа на столах и тумбочках стояли большие флаконы с обезболивающими, которые выдаются только по рецепту, и передо мной постоянно маячил соблазн прихватить пару таблеток. Они в изобилии имелись в аптечках и шкафчиках в большинстве домов, где я убирала, но тут были действительно гигантские бутылки, и они стояли повсюду, успевая пополняться за те две недели, что проходили между уборками.

Мы с Лонни никогда не обсуждали секреты, открывавшиеся нам в домах клиентов. Большинство из них принимало снотворные, антидепрессанты, лекарства от тревоги или обезболивающие. Возможно, причина заключалась в том, что этих людей обслуживали дорогие врачи по дорогим страховкам, позволявшим щедро выписывать лекарства, а может, это просто был способ отделаться от требовательных пациентов. Хотя у Мии страховка имелась, сама я зарабатывала слишком много, чтобы претендовать на Медик-Эйд, поэтому не могла обратиться к врачу по поводу хронических болей в спине или постоянного насморка и кашля. Мия, к счастью, всегда была застрахована, и на ее счет мне беспокоиться не приходилось, да и процесс сбора документов был несложным – для страховки требовались те же бумаги, что и для получения продуктовых купонов. Без этого я ни за что бы не потянула ее периодических осмотров и прививок, не говоря уже об операции, которую ей сделали недавно, но все равно мне казалось, что сестры и врачи относятся к нам по-другому из-за того, что у Мии – Медик-Эйд. Я же сама, хотя очень

нуждалась в регулярном лечении, физиотерапии и визитах к гинекологу, не могла себе этого позволить. Я старалась быть осторожнее, не простывать и самой справляться с болями. Но витамины, лекарства против простуды и гриппа, даже тайленол и ибупрофен, стоили для меня очень дорого, так что мне приходилось их экономить. Терпеть недомогание и боль стало моим обычным состоянием. У меня вечно не было сил. Но почему у моих клиентов возникали те же проблемы? Казалось бы, доступ к качественной пище, членство в фитнес-клубах и дорогие врачи гарантировали человеку здоровье. Наверное, стресс от обладания двухэтажным домом, неудачного брака и поддержания иллюзий собственного величия разрушал их организмы так же, как бедность – мой.

Открыв в машине все окна, я ехала к дому Леди с сигаретой. На улице было градусов двадцать шесть, а это означало, что в нашей студии, когда мы туда доберемся, будет уже за тридцать. Пот тек у меня по спине. Окна ее дома выходили, в основном, на север, что обеспечивало прохладу, но все они стояли закрытыми, и духота в сочетании с застоявшимся запахом сигаретного дыма и ароматизированных свечей вызывала у меня тошноту. Войдя, я первым делом положила рабочую папку на кухонную столешницу, где у хозяйки стоял беспроводной телефон и лежал календарь, содержащий исключительно пометки о визитах к косметологу, массажистке и в СПА, и тут увидела рядом с ним листок. *Думаю, вам пригодится ароматизированная свечка у вас дома!* – было написано там. Я взяла маленькую серебряную коробочку и открыла ее: ярко-оранжевая свеча потрясающе пахла спелым персиком. Мой любимый аромат. Я улыбнулась, еще раз понюхала свечку и положила ее себе в сумку, прежде чем позвонить и зафиксировать свой приход.

Леди с сигаретой была для меня загадкой. Мы пересеклись с ней один-единственный раз, когда я ввалилась к ней на кухню на два часа раньше, чем она меня ждала. Она постаралась скорей уехать, не вступая со мной в переговоры, но я все-таки успела разглядеть, что прическа и макияж у нее были безупречны, тем самым хотя бы частично удовлетворив свое любопытство. У нее в ванной постоянно появлялись новые упаковки с косметикой или баночки с кремом от морщин. Мне попадались чеки от них – не меньше чем на 50

долларов, – но я ни разу не видела у нее флаконов, использованных хотя бы наполовину, и тем более до конца. Каждую неделю она делала массаж, процедуры для лица, маникюр и педикюр, и мне порой казалось, что кто-то регулярно уговаривал ее купить новое средство, в то время как она сама ими не особенно пользовалась. Ее внешность доказала обратное. Она выглядела безукоризненно – даже в обычный вечер четверга.

Дом ее находился близ поля для гольфа, и, похоже, гольф был ее главным хобби. В кладовой в цокольном этаже над стиральной и сушильной машинами висели на стене карточки со счетом, вставленные в рамки, и фотография Леди с сигаретой вместе с Тайгером Вудсом. На ней была белая рубашка и отглаженные белые шорты, волосы забраны наверх, и на них – яркий козырек. Цокольный этаж дома вообще казался застывшим во времени. Когда я спустилась туда с пылесосом, тряпками и своей тележкой, то почувствовала себя так, словно вернулась в конец восьмидесятых – начало девяностых. На толстом белом ковровом покрытии стояла старомодная мебель. В гостевой спальне висели постеры с канадскими гусями, которые – клянусь! – украшали наш дом в моем детстве. В кабинете стоял стол из ДСП и древняя беговая дорожка, а перед ней не менее древний моноблок – телевизор с видеомagneфоном, – в точности как давным-давно у нас.

Наверху хозяйка внесла кое-какие изменения – настелила ламинат, обновила столешницы и установила холодильник из нержавеющей стали, но хранились в нем, как я убедилась, лишь бутылки с водой и упаковки салата.

Мебель была изящная, современная, но, судя по количеству скапливавшейся пыли, ею почти не пользовались. Каждый раз, пылесосая в гардеробной, я ненадолго прерывалась: мне очень нравился кашемировый кардиган телесного цвета, который я расстегивала и надевала на себя, натягивая капюшон и продевая руки в рукава, а потом проводила манжетами по лицу, наслаждаясь мягкостью материала.

Хозяйка и правда мало пользовалась в доме чем-то, кроме маленькой ванной, прилегавшей к ее спальне, и гостевым туалетом напротив кухни. Я часто морщилась, когда поднимала там сиденья на

унитазах, чтобы вымыть чашу. Под ободком почти всегда оказывались брызги рвоты.

Через пару уборок я уже неплохо представляла себе, как она проводит время в доме. Ее муж владел и управлял строительной компанией, офис которой находился примерно в часе езды от города. На дворе был 2010-й, строительный бизнес по-прежнему переживал кризис. Они наверняка беспокоились за свое будущее, гадая, что их ждет. Их дом выглядел так, будто в нем готовились к празднику – с зажженными свечами и салфетками под тарелки, – но по пыли на столах и стульях я могла с уверенностью сказать, что парадные обеды случались у них редко. Большую часть времени хозяйка сидела на барном стуле у большой вытяжки, установленной над плитой. Там находилось втяжное отверстие, и рядом обычно оставалось немного пепла. Тут же стоял маленький телевизор, лежали ее календарь и беспроводной телефон, а на полу валялись случайные крошки.

В столовой, на полке над столом, были расставлены электрические аромалампы и освежители воздуха. От их густых ароматов у меня болела голова. Однажды она забыла рядом с календарем зажигалку, а под мойкой, я знала, у нее всегда лежала тщательно вымытая пепельница, но сигареты в доме мне ни разу не попадались. Потом, как-то раз, по пути в гараж, я заметила морозильник. Открыла и обнаружила там несколько пачек «Вирджиния Слимс». Посмотрела на них и удовлетворенно улыбнулась. Вот и решение загадки.

Я представляла себе, как она сидит, подпирая рукой подбородок, потом тушит сигарету, выпускает облачко дыма в колпак вытяжки и встает. Поправляет волосы, вытряхивает пепельницу в гараже, тщательно ее моет и насухо вытирает. Интересно, она носит с собой сигареты в сумочке или курит только дома, сидя на одном и том же месте на кухне? Я ничего не имела против курения. Я сама то начинала курить, то бросала. Меня оно нисколько не смущало. Меня интриговала секретность и то, сколько сил она тратила, чтобы казаться идеальной и безупречной.

Дом Донны

Тем летом законодательная инициатива о том, чтобы заставить всех получателей социальных пособий сдавать анализ на употребление наркотиков, получила новое развитие. После кризиса миллионы людей обратились за государственной помощью. Налогоплательщики, преимущественно из среднего класса, стали еще сильнее возмущаться такой несправедливостью – мол, им почему-то не дают деньги просто так. Не менее остро реагировали и те, кто обращался за дотациями, но их не получил. Обсуждение принудительных проверок на наркотики лишний раз продемонстрировало отношение к нам общества: мы бессовестно пользуемся деньгами, которых не заработали, расходует государственные средства, а сами – просто лентяи и, скорее всего, наркоманы. В Интернете появлялись мемы, в которых людей, покупающих продукты по купонам, сравнивали с дикими животными. В одном, на фоне картинки с медведем, сидящим за столом, говорилось:

Делайте выводы: Министерство сельского хозяйства с гордостью сообщает, что по своей программе продуктовых купонов выдало в этом году купонов больше, чем за все предыдущее время.

Одновременно Управление парков, входящее в это же Министерство сельского хозяйства, убедительно просит ЖИВОТНЫХ НЕ КОРМИТЬ, поскольку так они становятся зависимыми и перестают сами добывать себе пищу.

Еще один популярный мем, с резиновым рабочим сапогом, гласил: *«Я прохожу тест на наркотики, чтобы работать, вы пройдите тоже, чтобы получить пособие»*. Или еще: *«Тем, у кого находятся деньги на наркотики, алкоголь и сигареты, продовольственные купоны не нужны»*. Один из моих друзей на Фейсбуке, работавший в продуктовом магазине, начал публиковать фотографии того, что люди покупали по купонам, и насмеялся над ними: *«Чипсы? По купонам? С газировкой?»* Он вместе со своими подписчиками издевался над тем, что покупали бедняки, которым просто не хватало денег на еду.

Около сорока семи миллионов семей получали помощь от государства тем летом наравне со мной. Льготные карты, которые выдавал департамент здравоохранения вместо продуктовых купонов и дотаций наличными, теперь часто мелькали на кассах супермаркетов. Их принимали даже в пиццериях, но я редко использовала средства на своей карте в таких целях. Маунт-Вернон, самый большой город в округе Скаджит с тридцатью тремя тысячами населения, в сезон привлекал толпы рабочих-эмигрантов, и многие из них оседали там. По мере роста эмигрантского населения росло и недовольство местных жителей.

Донна активно высказывалась против эмигрантов. Я очень нуждалась в тех 20 долларах в час и десятке чаевых, которые она мне платила, но поездки к ней и обратно отнимали у меня почти целый час. Примерно половину уборки она проводила дома. Как-то раз Донна собралась съездить в магазин за ингредиентами для смузи, поскольку только что купила специальный блендер.

– Начинаю новую жизнь, – заявила она. – Но теперь поеду в кооперативный магазин. В большие супермаркеты я больше не ходок.

– А что такое? – спросила я, делая вид, что мне очень интересно.

Донна изводила огромное количество масел фирмы Мэри Кей, и ванна после них покрывалась липкой пленкой, на которой оставались все волоски и отмершие клетки кожи, смытые хозяйкой. Очень сложно было поддерживать беседу, одновременно продолжая уборку. Я не знала, как мне поступать: прерваться, чтобы поговорить, или со щеткой в руках вести вежливый разговор с тем самым человеком, который только что побрил в ванной ноги и лобок, а собирать волосы предоставил мне.

– В последний раз, когда я была в большом магазине, то стояла в очереди за семьей мексиканцев, – возмущалась она. – Они расплачивались за продукты купонами. Зато дети все *разодеты* – прямо с иголки!

Я принялась вытирать пыль с подоконника в большой гостиной, полной статуэток с ангелочками, сложившими в молитве руки. Ее слова прозвучали грубо. Я прикусила язык. Вспомнила, как Мие нравилось наряжаться в красивые платья и лаковые туфельки, за которые я убирала по бартеру в комиссионном магазине. Наверное, Донна не понимала, что я тоже сижу на купонах.

Я хотела сказать Донне, что это не ее дело – что другие семьи покупают, едят или носят, и что я ненавижу, когда кассир в магазине говорит: «Оплата льготной картой?» – так громко, что слышит вся очередь у меня за спиной. Я хотела сказать, что человек без документов не получит никаких продовольственных пособий или налоговых льгот, даже если и платит эти налоги. Он вообще не может претендовать на помощь от государства. Она оказывается только тем людям, которые тут родились или получили официальное разрешение на постоянное проживание. Так что эти дети, родители которых многим рискнули, чтобы обеспечить им лучшую жизнь, являлись такими же гражданами и имели право на поддержку государства – как и моя дочь. Я знала это, потому что сидела с ними рядом в бесконечных очередях в государственных учреждениях. Я слышала их переговоры с сотрудниками за стеклянной перегородкой, которые сильно осложнялись из-за языкового барьера. Однако разговоры о том, что эмигранты приезжают, чтобы поживиться за наш счет, возникали все чаще, и это отношение начинало распространяться и на всех остальных, кто выживал за счет помощи от государства. Если ты используешь продуктовые купоны, значит, не хочешь работать или выбрал неверный путь в жизни, отчего и оказался на самом дне. Казалось, люди считают, что мы поступаем так специально, нарочно обманываем систему и воруем деньги налогоплательщиков, истощая государственные фонды. Налогоплательщики – включая мою клиентку – были уверены, что за свои деньги кормят нищих лентяев.

Донна уехала в магазин, не обратив внимания на то, какой эффект произвели на меня ее слова. Походы за продуктами после этого стали для меня вдвойне тяжелее. С учетом многочисленных постов в соцсетях я была уверена, что люди наблюдают за каждым моим шагом. Я стеснялась покупать продукты, которые могли показаться баловством. Если мне все-таки приходилось взять пасхального шоколадного кролика или конфет, чтобы положить в чулок для Мии на Рождество, и расплатиться за них льготной картой, то я старалась приехать в магазин попозже, перед закрытием, и пройти через кассу самообслуживания. Я перестала использовать продуктовые купоны на молоко, сыр, яйца и арахисовое масло, хотя они были нам очень нужны, потому что вечно брала упаковку не того объема или марки, яйца не того цвета, не тот пакет с соком и не то количество хлопьев.

Каждым купоном можно было воспользоваться только с соблюдением всех условий, и я всякий раз задерживала дыхание, когда кассир их пробивал. Я обязательно что-нибудь путала и задерживала очередь. Очевидно, это происходило не только со мной, потому что кассиры начали заметно раздражаться, увидев на ленте эти большие яркие бумажки. Однажды, когда я слишком долго спорила с кассиром, пожилая пара, стоявшая за мной, начала громко возмущаться и качать головами.

Социальный работник в офисе, где я получала купоны, специально готовил меня к таким ситуациям. С недавних пор по программе продавалось не цельное органическое молоко, а неорганическое длительного хранения, отчего из нашего рациона исчезал важный продукт, который я за свои средства никак не могла возместить. По мере возможности я давала Мие только цельное органическое молоко. Неорганическое двухпроцентное, на мой взгляд, это просто белого цвета жидкость с сахаром, солью, антибиотиками и гормонами. Купоны были моим единственным шансом кормить дочь органическими продуктами (помимо готовых обедов из макарон с сыром).

Когда я возмутилась невозможностью и дальше покупать за купоны органическое молоко, социальный работник кивнула мне и вздохнула.

– Мы больше не получаем на него финансирования, – сказала она.

В каком-то смысле я это понимала – двухлитровый пакет органического молока стоил почти четыре доллара.

– Увеличился процент детей, страдающих ожирением, – добавила она, – а программа нацелена на то, чтобы обеспечивать людям здоровое питание.

– А они понимают, что в обезжиренном молоке полно сахара? – поинтересовалась я, спуская Мию с колен, чтобы она поиграла с конструктором в углу.

– Зато вам добавят десять долларов на продукты! – радостно воскликнула моя собеседница, игнорируя это замечание. – Сможете купить, что захотите, за исключением картофеля.

– Почему не картофель?

Я сразу подумала о крокетах из картофельного пюре, которыми слегка разбавляла свой рацион.

– Люди его обычно жарят с большим количеством масла, – сказала она, немного растерявшись. – Зато можно покупать батат!

Она объяснила, что мне нужно покупать продуктов ровно на десять долларов или менее, и ни в коем случае не превышать эту сумму, иначе чек не сработает. Я не получу сдачу, если выберу что-то по меньшей цене. Реальной стоимости в деньгах у купона не было.

В тот день в магазине, зная, что до конца месяца еще могу покупать органическое молоко, я постаралась воспользоваться купонами по максимуму.

– Ваше молоко по купонам не продается, – повторила кассирша. – Не пробивается.

Она повернулась к упаковщику, складывавшему наши покупки в пакет, и тяжело вздохнула. Я знала, что сейчас она отправит его в молочный отдел, за «правильным» молоком. Так мне уже неоднократно обменивали упаковки куриных яиц.

Чеки мои еще действовали, но магазин уже обновил информацию в компьютере. В обычной ситуации я бы струсилась, взяла неорганическое молоко и ушла, тем более под давлением пожилой пары, недовольно качавшей головами. Но тут я, глянув на них, заметила, что муж стоит, скрестив на груди руки, и нарочито разглядывает мои протертые брюки с дырками на коленях. Дыры были и на туфлях. Мужчина демонстративно вздохнул.

Я потребовала позвать менеджера. Кассирша вздернула брови, пожала плечами и подняла руки вверх, словно я наставила на нее пистолет и скомандовала отдать деньги из кассы.

– Пожалуйста, – холодно и невозмутимо ответила она с видом образцовой служащей, столкнувшейся с распоясавшимся клиентом. – Я немедленно его приглашу.

Менеджер не замедлил явиться; кассирша бежала за ним, покрасневшись и размахивая руками. Она даже ткнула в меня пальцем, излагая свою роль в этой истории. Менеджер, однако, извинился и вручную ввел код в кассу. Пробил мне органическое цельное молоко по купону, упаковал и, прощаясь, пожелал хорошего дня.

Чувствуя, как дрожат у меня руки, я поставила молоко в тележку, и тут старик, стоявший за мной, заявил:

– Не благодарите!

Внезапно меня охватил настоящий гнев. *Не благодарите? Это за что?* Мне захотелось броситься на него. Что, ему так не понравилось, что я задержала их с женой перед кассой? Нет, вряд ли. Просто я была бедная и ходила по супермаркету посреди дня, то есть не работала. Он не знал, что в тот день я специально отпросилась у клиентки, чтобы успеть на выдачу продуктовых купонов, и потеряла сорок долларов заработка, которые были нам с Мией просто необходимы. Мне выдали книжку с купонами примерно на эту же сумму, но социальная служба не компенсировала недовольство хозяйки, уборку у которой я перенесла на другой день и которая могла, случись мне вновь просить о переносе, просто пригласить другую уборщицу, потому что меня было легко заменить. Тот старик думал только о том, что купоны оплачены из государственных средств, в которые он сам вносил вклад, выплачивая налоги. Сам он мог покупать качественное молоко, которого требовала я, но мне оно не полагалось, ведь я была бедной.

Стали бы мои клиенты, такие как Донна, которые относились ко мне как к доброй знакомой, передавали карандаши и раскраски для Мии, так же возмущаться, оказавшись за мной в очереди на кассу? Как они отнеслись бы к уборщице, покупающей продукты за купоны? Кем она бы им показалась – труженицей или неудачницей? Я испытывала такую неловкость от своего положения, что старалась никогда о нем не упоминать. Иногда посреди разговора я вдруг думала, изменился бы мой собеседник по отношению ко мне, знай он, что я сижу на пособии. Решил бы он, что все дело в отсутствии у меня потенциала?

Порой я представляла себе, что располагаю достаточными деньгами, чтобы самой нанять уборщицу. Раньше у меня никогда ее не было, и я сомневалась, что когда-нибудь будет. Однако случись такое, я обязательно оставляла бы ей щедрые чаевые, угощала обедом и дарила ароматические свечки. Я относилась бы к ней как к подруге, а не как к привидению. Как Венди, Генри, Донна и Леди с сигаретой относились ко мне.

Еще три года

Насколько я знала, только одна моя клиентка – из Фермерского дома – использовала скрытые камеры. Она сообщила мне об так запросто, что напрочь выбила из колеи. Мне пришлось заставить себя кивнуть головой, словно скрытые камеры были делом совершенно нормальным. Оба этажа Фермерского дома застилало темно-синее ковровое покрытие, сплошь покрытое собачьей и кошачьей шерстью. Ковер был даже на лестницах, и шерсть застревала в уголках каждой ступени. Прежде чем я начала работать там, Лонни сказала, что хозяйка перебрала уже всех сотрудниц нашей компании, но ни одна до сих пор не подошла – я являлась последним шансом агентства удержать клиентку.

Я не совсем понимала, чем могу отличаться от других уборщиц, и поскольку мы редко работали вместе, не имела возможности сравнить наши навыки или профессиональную этику. Я боялась, что меня застигнут за бездельем. К тому же я никак не могла выкинуть из головы упрек Джейми – один из тысяч – в мой адрес, когда он заявил:

– Ты тут весь день сидишь, ничем не занимаешься, кроме ребенка, а ванная вся уже грязью заросла!

Я навсегда запомнила то чувство. Как будто, сколько бы я ни старалась, этого все равно было мало.

Подсознательно я несла на себе клеймо человека на пособии, особенно после той памятной стычки с пожилыми супругами в супермаркете. Оно ощущалось, словно тяжкий груз, от которого я не могла избавиться. Я словно постоянно находилась под прицелом скрытых камер. Клиенты, с которыми я общалась, не догадывались, что я питаюсь за продовольственные купоны, и, говоря со мной, частенько проходились по «этим людям». «Эти люди» не включали меня – это были эмигранты, цветные, ну или белые, но опустившиеся вконец.

Разглагольствуя о продуктовых купонах, никто не представлял себе девушек вроде меня – белых, с обычной внешностью. Тех, с которыми когда-то учился в школе, где они были тихими, но приветливыми. Своих соседок. Таких же людей. Возможно, дело было в том, что мои собеседники тревожились о собственной ситуации.

Может, понимали, что и их благополучие хрупко, и потеря работы или развод поставит их в то же положение, что у меня.

Казалось, некоторым просто нравилось осуждать бедняков: те, мол, получают то, чего не заработали. Увидев в магазине, как кто-то покупает хорошее мясо по льготной карте, они решали, что так делают все, получающие пособие, что подтверждало их теорию. В этом смысле за мной действительно постоянно наблюдали. Иногда мне казалось, что даже в собственном доме я не совсем в безопасности. Если я не работаю и не занимаюсь Мией, то должна заниматься чем-то еще. Сидеть без дела означало, что я недостаточно стараюсь – то есть и правда являюсь лентяйкой на пособии. Время, потраченное на чтение книг, казалось мне роскошью, как будто его могли себе позволить только представители высших классов. Мне же следовало постоянно работать. Я должна была доказать, что достойна помощи от государства.

Время от времени, чтобы немного отвлечься, я ходила на свидания. Созванивалась со старым приятелем или знакомилась с кем-то онлайн. Бывало, моя кузина Дженн давала кому-нибудь мой номер. На несколько неловких часов я вновь становилась кем-то помимо матери – или уборщицы. Свидания проходили натянуто, и даже больше для моих визави, нежели для меня. Я знала, что это все не по-настоящему. Я говорила о книгах и фильмах, сама не узнавая свой голос. Иногда эта параллельная жизнь помогала мне немного отдохнуть от настоящей. Но свидания быстро перестали приносить удовольствие, перестали быть приключением, и я еще острее начала ощущать свое одиночество и изоляцию. Сообщение, оставшееся без ответа, или вызов, сразу переадресованный на автоответчик, означали, что меня отвергли. Лишнее доказательство, что меня нельзя полюбить. Я ненавидела свою жажду любви и понимала, что мужчины чувствуют ее, обоняют, словно какой-то отталкивающий запах. К тому же эти свидания служили мне болезненным напоминанием о том, что большинство людей вокруг ведут нормальную жизнь. Они ходят на концерты, сидят в кафе с друзьями, ездят в путешествия – и спокойно спят по ночам. Несмотря на то, что Мия постоянно висла на мне и ее маленькая липкая ручка вечно тянулась к моей, я мечтала о прикосновениях и объятиях. О любви. Я не помню такого момента,

чтобы я о них не мечтала. Я хотела быть сильной и в них не нуждаться, но нуждалась.

Я жила с ощущением полной безнадежности. Новый день означал постоянный стресс: поездку к клиенту и обратно с закушенной губой, в попытке не допустить никаких повреждений в машине. У меня вечно болела спина. На единственных сменных брюках осталось пятно от кофе. Мне казалось, я никогда не выберусь из этой ямы. Моей единственной надеждой была учеба: образование я рассматривала как ключ к свободе. Только ради этого я пошла на то, чтобы тратить на него столько драгоценного времени. Как заключенный, я подсчитывала, сколько мне осталось, чтобы пройти все необходимые предметы и получить диплом. Еще три года. Грант Пелла покрывал стоимость обучения, но не учебников, даже если таковые требовались. Иногда мне удавалось купить старые издания, на Амазоне. Три года ночей и выходных, проведенных над книгами, писанием докладов и заполнением тестов. Эта жизнь – работа уборщицей, вечно подчиненное положение, – была временной. Иногда я плакала ночи напролет и утешалась только тем, что это не был конец моей истории.

Поэтому я прекратила всякие выходы в общество и вместо них стала по выходным загружать себя работой. Взяла новый заказ: четырехчасовая уборка, в сорока пяти минутах езды, по субботам, когда Мия у Джейми в Порт-Таунсенде. Тот дом, Дом по выходным, надо было убирать в присутствии клиентов. Они находились на месте, но мы почти не общались. Это была молодая пара с младенцем. Некоторое время с ними жила бабушка, приехавшая, чтобы немного помочь. Уезжая, она сделала им подарок: уборку два раза в месяц.

Они не хотели, чтобы дом убирали в их отсутствие, и это было нормально, но мне приходилось, к примеру, смотреть, как они начинали готовить себе тосты на кухонной столешнице, которую я только что протерла, или проходили по едва вымытому полу. Они болтали с друзьями, которые приходили, чтобы их дети поиграли вместе, и угощали их, словно не замечая, что я тоже тут.

В мой второй визит я явилась к закрытым дверям. Постучавшись несколько раз, я заглянула в окно гаража, приставив ладони к идеально чистому стеклу, и увидела, что он пуст. Хотя дело было в субботу утром, я позвонила Лонни на мобильный.

– Лонни, их тут нет, – сказала я, чуть не плача, даже не скрывая разочарование и злость, которые обычно старалась не показывать. – Может, они говорили, что где-нибудь оставят ключ?

– Нет, – ответила она. – Мать просто сказала, что они всегда будут на месте. Давай-ка я им позвоню и спрошу, в чем дело. Может, просто отъехали за покупками и вот-вот вернутся.

Поскольку компенсации мне не полагалось, я предпочла бы не знать, сколько бензина потратила впустую, но все равно понимала, что не меньше чем на десять долларов, то есть больше, чем зарабатывала за час до вычета налогов и стоимости стирки тряпок. Когда Лонни позвонила сказать, что они забыли про уборку, я стиснула зубы, чтобы не разреветься.

– И что, мне вернуться завтра или как? – спросила я. – Я смогу, если начну пораньше.

– Не надо, – ответила Лонни. – Этот раз они отменили.

Мгновение я молчала, так что Лонни переспросила, слышу ли я ее.

– Да, – откликнулась я.

Она спросила, все ли в порядке, и я сказала, что нет.

– Ты не можешь попросить Пэм хотя бы оплатить мне бензин? Я уже потратила почти час времени и еще деньги, чтобы добраться сюда. Ты же знаешь, у меня и того, и другого совсем мало.

Я стерла бежавшие по щекам слезы, стараясь, чтобы голос не дрожал. Лонни пообещала, что посмотрит, что тут можно сделать, но я уже знала: Пэм ответит, что из-за кризиса их бизнес не приносит больших доходов, поэтому расходы приходится урезать. Я уже пожалела, что спросила.

Две недели спустя я вернулась, чтобы в очередной раз убрать тот дом. Муж подошел ко мне, пока я выгружала все необходимое из багажника на подъездную дорожку.

– Извините, – сказал он.

Я кивнула, вытаскивая тряпку и заталкивая в задний карман брюк.

– Мы не привыкли, что кто-то приходит к нам делать уборку.

– Ничего страшного, – ответила я, подхватив бутылку со спреем.

– Вот, – сказал он, запуская руку в карман и протягивая мне два билета на бейсбол, матч «Сиэтл Маринерс». – Они на завтра.

Он попытался вложить билеты в мою руку.

– Пожалуйста, возьмите.

На билетах были отпечатаны игроки, кидающие мяч или бегущие за ним. Красивые билеты. На хорошие места. Ребенком я ходила на игры, еще когда в 1995-м в плей-офф играли Кен Гриффи младший, Эдгар Мартинес и Рэнди Джонсон, но с тех пор не бывала на бейсболе.

Мы стояли на каменной плитке в прихожей, которую его мать попросила нас отполировать. Пэм показала мне, как это делать, прежде чем загрузить полировальную машину в мой багажник. Я возила ее за собой уже три недели, отчего не могла использовать больше половины багажного пространства в своей «Субару». Сегодня, как выяснилось, полировать было не нужно, потому что, как объяснил хозяин, они решили переложить плитку в ванной, и рабочие постоянно ходили туда-сюда. Я понимала, что он понятия не имеет, насколько я разочарована.

Я еще раз взглянула на билеты. Я совершенно точно не могла позволить себе оплатить бензин и парковку возле стадиона. Я подняла глаза на его усталое, но улыбчивое лицо, и голубое детское одеяльце на плече, на котором он только что носил ребенка после кормления. Увидела знакомое выражение усталости в его глазах. Конечно, он жил совсем другой жизнью, чем у меня с новорожденным – в большом доме, с дорогими машинами, всевозможными качалками и кроватками для малыша и родными, которые могли их навестить, привезти угощение и немного помочь, – но родительские обязанности, которые он выполнял, оставались универсальными. Такими же, как мои.

– Все в порядке, – сказала я, пытаясь сама себя в этом убедить и перестать сердиться на него. – Но вы лучше сами сходите на игру или подарите билеты еще кому-нибудь. Я не смогу пойти.

Я хотела сказать, что у меня нет денег на бензин, но побоялась, что он начнет мне их предлагать.

– Тогда попробуйте их продать, – сказал он, снова подталкивая ко мне билеты. – Наверняка на сайте объявлений их с руками оторвут. Это же первый ряд.

Я моргнула.

– Правда?

Первый ряд, на игру «Маринерс»! Исполнение мечты всего моего детства! Я еще раз взглянула на него. Подумала, что это – тот самый

отец, который встает по ночам, чтобы сменить подгузник. Который укачивает малыша на кухне, пока греется бутылочка, а потом засыпает с ним вместе на диване, и тот лежит у него на груди. Мне казалось, он именно такой.

– Ладно, – сказала я, снова посмотрев на билеты.

Он вложил мне их в руку. А потом опустил ладонь мне на плечо и пожал, словно хотел меня обнять.

Он оказался прав – билеты сразу же купили. На следующее утро я разместила объявление на местном новостном сайте. Мы встретились с покупателем возле автоматической прачечной, и он радостно протянул мне шестьдесят долларов.

– Подарок сыну на день рождения. Ему исполняется четыре. Первый поход на бейсбол!

Я улыбнулась и пожелала им хорошо повеселиться.

Грустный дом

По субботам и воскресеньям мы с Мией вставали в наше обычное время, хотя ехать никуда было не надо. Я делала ей блинчики и украшала их голубикой, которую собрала и заморозила прошлым летом. Потом садилась напротив дочки за столом и, над своей кружкой с кофе, смотрела, как она жуёт кусок за куском. Мия улыбалась мне с набитым ртом и с пятнами от голубики на щечках. Я улыбалась ей в ответ, стараясь сдержать слезы, набегавшие на глаза, и как следует запомнить этот момент, чтобы воскрешать его в памяти, когда это будет необходимо. Время летело так быстро в бесконечной череде работы, ужинов и сна. Я знала, что вскоре ей надоест ее детская стрижка. Она перестанет играть в своих Маленьких Пони, которых сейчас расставляла полукругом вокруг тарелки. В минуты острой тоски по дочке, когда я была на работе или она – у Джейми, я проигрывала эти мгновения у себя в голове. И записывала их.

Я начала делать «писательские упражнения», пока Мия сидела в ванне или еще чем-нибудь занималась: десять минут непрерывной записи всего, что приходило мне на ум. Иногда я писала по утрам в выходные, и тогда в упражнениях говорилось о хорошей погоде, планах насладиться ею или каких-то секретных уголках, куда я собиралась отправиться вместе с дочкой. Бывало, что я писала, когда Мия уже спала, после выматывающего дня постоянных пререканий с ней по поводу каждого нашего шага. Я пыталась передать все тонкости наших отношений, вывести на первый план глубинную связь матери и ребенка и подробно описать ее. Мои записи стали больше походить на детскую книжку для Мии, чем на дневник. Я знала, что, годы спустя, буду оглядываться на это время, понимая, что несла на себе груз, слишком тяжелый для одного человека. Но мне надо было помнить и о его счастливой стороне, потому что дочка слишком быстро росла. Хоть мы и жили там, где жили, и я работала в ужасных условиях, и мы многого не могли себе позволить, наши совместные годы уже никогда бы не вернулись. Я писала о них, чтобы запомнить хорошую сторону нашей жизни и наших приключений. Я думала, что, возможно, когда-нибудь смогу напечатать свои воспоминания, чтобы Мия их прочитала.

Нашим любимым местом был пляж в Вашингтон-парке, в западной части Анакортса. Мы сидели на камнях, дожидаясь отлива, а потом изучали обитателей лужиц, остававшихся на песке.

– Смотри, мама, краб! – восклицала Мия.

Я приседала на корточки, вынимала из красного пластмассового ведерка желтую лопатку и пыталась подхватить на нее краба, чтобы рассмотреть поближе.

– Смотри, чтобы он тебя не укусил! Он тебя укусит, мама!

Вдалеке причаливали и отчаливали паромы, время от времени в море проплывал кит или морской лев, над головой мог промелькнуть орел. Я привозила в багажнике маленький дочкин велосипед и доставала его, чтобы она прокатилась по набережной, вечно забывая, какая она длинная, километра четыре, и в результате последний километр тащила Мию и ее велосипед на себе к машине. По дороге домой мы останавливались у киоска с мороженым, которой стоял на этом месте с тех пор, как я была ребенком. Мы называли это «мороженым на обед». Мия всегда брала только шоколадное и умудрялась испачкать им все лицо.

В другие выходные я отыскивала в Интернете какой-нибудь потаенный водопадик или речку, где можно было искупаться. Кидала в корзинку с кожаными ручками одеяло, смену одежды, полотенца и перекус для Мии, и через пару минут мы уже были в пути. Платить приходилось только за бензин, чтобы доехать туда и обратно.

Это были наши самые счастливые моменты, возможно, из-за их простоты. Прогулки, когда Мия катилась на велосипеде, а я шагала следом, чтобы получить яблоко по ее карте в магазине. Если шел дождь, мы могли остаться дома и складывать пазл или строить из конструктора крепость. Иногда мы раскладывали диванчик, и я разрешала Мие смотреть мультики на DVD, сколько ей захочется, растягивая удовольствие на весь уикенд.

Тогда я не знала, что по этим выходным, по нашим выездам с Мией буду скучать сильнее всего. Хотя некоторые становились полной катастрофой и заканчивались скандалами и криком, отчего мы обе чувствовали себя усталыми и опустошенными, часы, проведенные с моей трехлетней дочкой, были для меня бесценны. Она будила меня, забираясь под одеяло и обнимая за шею, щекотала своими кудряшками, шептала на ухо, спрашивая, можем ли мы сегодня

побыть пандами. И вся неделя, в которую я пахала, как проклятая, тут же забывалась, и мы словно оказывались в волшебном пузыре – только я и эта удивительная девочка.

Только в эти редкие моменты мой ум успокаивался, и я не думала, что мне лучше было заняться работой или что я недостаточно хороша. Не гадала, не смотрят ли на нас, как на «семейку на пособии», злоупотребляющую государственной помощью, когда мы сидим в парке на пледе и поедаем сыр. Рядом с дочкой я об этом не волновалась. В такие дни мы были друг для друга солнцем и луной в своем собственном маленьком мире.

К середине лета я работала в «Классик Клин» уже полгода, со стабильным графиком, по 25 часов в неделю. В дополнение к этому у меня появились собственные клиенты, дома или дворы которых я приводила в порядок один-два раза в месяц. Помимо небольших подношений от Леди с сигаретой, другие клиенты тоже начали что-нибудь мне оставлять на кухонном столе. Генри мне часто что-нибудь дарил. Он знал, что, уезжая от него, я забираю Мию и отвожу ее к отцу. Один раз он дал мне коробку пончиков, в другой – бутылку дорогого яблочного сока.

Здоровье Генри явно ухудшалось. Рядом с его раковиной в ванной росло количество лекарств, и, судя по состоянию унитаза, они плохо действовали на его желудок. Его жена в последнее время тоже чаще оставалась дома, но, в основном, сидела на телефоне, препираясь со страховыми компаниями или со своей матерью, которая, насколько я поняла, требовала перевести ее из одного дома для престарелых в другой. Мне нравилось видеть Генри с женой вместе. Самоуверенность в нем тогда уступала место мягкости, которой мне так хотелось и от моего спутника жизни. Он заваривал ей чай. Они обсуждали, что купить в магазине на ужин. Генри говорил, что приготовит «кое-что», что она любит, и она крепко его обнимала, прежде чем выйти за дверь. Она непременно прощалась со мной, обращаясь по имени, иногда так тепло, что я почти ожидала такого же объятия.

Я старалась запоминать эти моменты, чтобы поддержать себя во время уборки в Порнодоме. Там царила атмосфера раздражения, разлада, и мне не нравилось в нем находиться. В записке, оставленной

для меня на столе, говорилось просто: «Пожалуйста, смените простыни». Ну, по крайней мере, она писала «пожалуйста».

В День отца я разругалась по телефону с Джейми, пока убирала там. После этого, входя в дом, я тут же вспоминала о нашей ссоре, сколько бы ни пыталась подавить эти ассоциации.

Камнем преткновения стала фамилия Мии. Я хотела сменить ее на мою. Ей предстояло пойти в школу, да и сейчас, когда мы ходили, например, к врачу, меня всегда спрашивали, кто я ей – мать? Не имело смысла оставлять ей его фамилию, поскольку она практически все время жила со мной.

Джейми с этим категорически не соглашался. Он утверждал, что я с ней почти не бываю, потому что все время она сидит в «этих отвратительных яслях». Я жалела, что однажды позволила его матери забрать Мию, когда мне пришлось работать допоздна, и теперь Джейми, опираясь на ее предвзятые выводы, постоянно попрекал меня яслями. Но я была недостаточно хороша в любом случае. Если я оставалась дома и меньше работала, он обвинял меня в безделье, говоря, что я тяну из него алименты, а сама не хочу оторвать задницу от дивана. Учебу он считал пустой тратой времени. Теперь выяснялось, что много работать – это тоже плохо.

В тот день по телефону он мне заявил:

– Ты даже не поздравила меня с Днем отца!

Я как раз заканчивала убирать на кухне – оттирала брызги жира с кирпично-красного колпака над плитой.

– Что? – возмутилась я.

Джейми никогда меня не поздравлял с Днем матери. Никогда не говорил, что я хорошая мама. Его единственным замечанием в мой адрес, содержащим толику одобрения, было то, что я оказалась достаточно сообразительной, чтобы жать на нужные кнопки, манипулируя им, и добиваться своего. Даже в то лето, когда мы крутили роман, он ни разу не сделал мне комплимента. Он неоднократно обзывал меня уродкой, когда я забеременела, не говоря уже о временах после рождения Мии.

– Ты никогда не называла меня хорошим отцом, – сказал он.

– Потому что ты никакой не хороший, – ответила я. – Ты вечно во всем винишь других. Никогда не берешь на себя ответственности. Все

вокруг плохие, а ты ни при чем. Чему это научит Мию? Чему ты сможешь ее научить?

Я начала протирать люстру над обеденным столом.

– Я научу Эмилию массе вещей! – воскликнул он, и при этой реплике я подумала, что, похоже, в Порт-Таунсенде все по-прежнему обращаются к ней как к Эмили. Джейми отказывался звать дочку Мией, потому что *так* называла ее я. Я пыталась ему объяснить, что она сама это придумала и что она сердится, когда ее называют полным именем. Он пытался звать ее *Милла*, но прозвище так и не прижилось. Каждый раз, слыша из его уст «Эмилия», я думала, что подсознательно моя дочь меняет идентичность, оказываясь с отцом.

– Джейми, ты даже не умеешь плавать, – сказала я.

Непривычно было разговаривать с ним так. Но теперь, когда я работала и со всем справлялась сама, у меня появилась уверенность. Я больше не позволю ему внушать себе чувство вины.

– Что будет, когда она принесет домой задание по математике? Или захочет писать доклад? Как ты ей с этим поможешь?

Это не были необоснованные обвинения. Я действительно беспокоилась. Джейми постоянно говорил, что будет учиться и сдаст экзамены на аттестат, что следующим летом научится плавать, но ни разу не сдержал своих обещаний. Вместо этого он только ныл о том, что во всем виновата его мать, которая заставляла его помогать с младшим братом. Теперь я была виновата, что сделала его отцом и возложила на него обязанности, к которым он никогда не стремился.

– Я знаю, что я хороший отец, – сказал он.

Я так и видела, как он стоит, выпятив грудь и, скорее всего, тыча в нее пальцем, перед зеркалом.

– Я в этом уверен, потому что она нуждается во мне.

Я услышала, как он сделал короткий вдох. Вот оно что! Он на улице, курит сигарету и ходит взад-вперед.

Теперь и я начала тыкать пальцем в потолок и ходить между гостиной и спальней с тряпкой в руке. У меня перед глазами стояла обиженная гримаса, которую он корчил, делая вид, что сейчас заплачет, когда Мия уезжала, чтобы вынудить дочку вернуться и еще раз его обнять, прежде чем я ее увезу.

– Ты сам ей это внушаешь.

И тут Джейми взорвался. Я отлично знала, как он умеет кричать и оскорблять.

– Да все в городе говорят о том, какая ты неудачница, – заорал он. – А ты еще постоянно жалуешься всем в Интернете: на Фейсбуке и в этом твоём дурацком онлайн-дневнике. У тебя даже нет настоящих друзей. И никто тебя не полюбит – кому нужны твои обвисшие сиськи!

На этих словах я повесила трубку. Стоило Джейми начать, и он уже не мог остановиться. То я оказывалась слишком жирной, то слишком уродливой, то тощей, то длинной. «Обвисшие сиськи» – это было что-то новенькое. Больше всего ему нравилось говорить, что меня никто не полюбит. В этот момент он выпячивал губы и едва не улыбался, и я отлично представляла выражение его лица, даже если разговор шел по телефону. Когда мы жили с ним в трейлере, он называл меня «тупой коровой» или «бешеной сукой», но теперь говорил так, только когда действительно хотел меня задеть.

Я закончила оттирать душ в Порнодоме в рекордно короткое время, благодаря разыгравшейся злости. Руками вымыв пол и дожидаясь, пока он высохнет, чтобы разложить по местам коврики перед унитазом и раковиной, я вышла в коридор перевести дух. На стене справа от двери висели студийные портреты хозяев: оба смотрели в одном и том же направлении и глаза у обоих одинаково блестели.

Я заглянула в спальню. В некотором смысле супруги жили в условиях, о которых я всегда мечтала: в уютном доме с просторным двором. Я обошлась бы и без дорогостоящего участка с видом на океан, лишь бы двор был большой и с деревьями. Я посмотрела на флакон со смазкой на тумбочке, возле электронных часов, и, не удержавшись, подумала, как часто хозяева занимаются сексом.

Возможно, условия здесь мне и нравились, но жизнь, о которой я мечтала, шла по соседству, в Грустном доме. После того как мы с Джейми в тот день поругались, я убирала в Грустном доме в первый раз за несколько месяцев. Возможно, хозяин сильно болел. Или лежал в госпитале. Или и то, и другое. Насколько я могла судить, он был женат на любви всей своей жизни. Но она слишком рано умерла, и хозяин остался один – именно в те годы, когда нуждался в ней больше всего. Порнодом и Грустный дом показывали жизнь с совсем разных сторон, но с одним и тем же выводом – все мы, в конце концов,

остаемся в одиночестве. Муж в Порнодоме, мастурбирующий, пока его жена работает по ночам и читает в своей спальне романы. И вдовец.

Я сама постепенно привыкала к одиночеству. Мы с Мией стали хорошей командой. Мне нравилось, что нам не приходится волноваться о том, как чувствует себя еще один взрослый, находящийся с нами – весело ли ему, скучает ли он, нервничает или хочет уйти. Не надо было спрашивать, что он съел бы на ужин. Мы могли закусить мороженым и не волноваться, что другой человек, оставшийся дома, подумает о моих материнских качествах.

У студии, конечно, имелись свои минусы. Но она была нашей. Я могла переставлять мебель, как мне захочется, в любое время. Могла устроить беспорядок или идеально прибраться. Мия отбивала там чечетку или прыгивала с кровати на пол, и никто не говорил ей вести себя потише. Когда я только начинала работать уборщицей, то думала, что буду постоянно терзаться завистью. Однако теперь, возвращаясь к себе, я понимала, что это место не просто считалось нашим домом, но действительно стало им. Это было наше гнездышко, из которого нам предстояло однажды вылететь.

Закончив уборку в Порнодоме, я постаралась перетащить свой инструментарий в Грустный дом за один раз. На улице шел мелкий дождик. Именно в такую погоду плесень растет быстрее всего. Мне казалось, что она скоро проступит у меня самой на коже.

Я открыла раздвижные стеклянные двери мизинцем, потому что руки у меня были заняты. Они вели в кухню, и, едва войдя, я ощутила знакомый запах растопки и лосьона после бритья. Опуская на пол мешки и коробки, я обернулась и непроизвольно вскрикнула.

Его лицо было покрыто открытыми язвами. Я тут же пожалела, что закричала – мне захотелось расплакаться. Хозяин никогда не бывал дома, пока я убирала, и я не видела его. А теперь вот закричала при виде его лица, на котором болезнь оставила страшные следы.

– Простите, простите, пожалуйста, – сказала я, едва не роняя свою поклажу: мешок с тряпками и мусорные пакеты с использованными бумажными полотенцами.

– Нет-нет, это вы простите, что застал вас врасплох, – ответил он. – Немного затянул со сборами этим утром. Я уже уезжаю. Не буду вам мешать.

Я отступила от раздвижных дверей, чтобы он мог пройти. Мы не представились и не пожали друг другу руки. Я посмотрела, как он пошел к гаражу. Из окна мне виден был его бежевый «Олдсмобиль», промелькнувший по дороге. Я не знала, куда он ездит и где проводит то время, что я убираю в доме.

Кухня выглядела, как всегда, за исключением пары тарелок в раковине и на столе. На барной стойке стопками лежали счета от врачей, инструкции по приему лекарств и больничные выписки. Когда Лонни позвонила сказать, чтобы я убрала в Грустном доме, то упомянула, что за хозяином ухаживает женщина из Порнодома: то ли потому, что она медсестра, то ли просто больше некому.

Одеяло на кровати было откинута, как он оставил его, поднявшись из постели утром. Вторая половина оказалась аккуратно застеленной – еще с прошлой уборки, даже декоративные подушки на тех же местах. На простынях виднелись брызги крови. Я осторожно отвернула края и стянула углы, собрала простыни и сняла наволочки с подушек, запихнув все белье в отдельный пакет. По пути в прачечную я заглянула в хозяйскую ванную. Здесь тоже была кровь – на полу; рядом с унитазом и душем появились опоры для рук, а в ванне – сиденье.

При жизни супруга хозяина коллекционировала сувениры, которые расставляла на подоконниках в гостиной. Они много путешествовали по Центральной и Южной Америке. Она была преподавателем. Я представляла себе, как она приносит маленьких куколок и картинки, купленные ими в поездках, чтобы украсить свой кабинет или показать студентам. Возможно, она учила их испанскому.

Грустный дом выглядел как вилла для отпуска или жилище тех, чьи дети выросли, и они переехали, чтобы не тосковать среди опустевших комнат. У них было двое сыновей. Один умер, а второй жил неподалеку, но к отцу не заезжал. Я гадала, не погибли ли и жена, и сын одновременно, например, в автокатастрофе, и второй сын, не в силах пережить горе, отдалился от отца. Я сочиняла целые истории, основываясь на том, что видела в доме: на фотографиях, записках, картинке в рамке с изображением голых мужчины и женщины, держащихся за руки, с подписью «Правила дома: Экономьте воду. Принимайте душ вместе». Грустный дом, казалось, застыл в безвременье – списки дел наполовину выполнены, картины стоят в

гардеробной, дожидаясь, что их вот-вот развешат. На пробковой доске на кухне до сих пор висели записки, написанные рукой жены, вот только бумага успела пожелтеть. *Купить новый кран. Починить задвижку на воротах.* Я представляла, как она пропалывает клумбы во дворе, потом заходит на кухню попить, записывает, что нужно сделать, и возвращается к работе. Тут же был приколот заказ на ландшафтный дизайн. Без даты.

Примерно на половине своего шестичасового рабочего дня я испустила глубокий вздох и зацепила бутылку со спреем за карман рабочих штанов. Я слегка сбрызнула тряпку водой с уксусом, чтобы протирать пыль. Взяла еще одну, сухую. На самом деле, в Грустном доме никогда не бывало грязно.

Количество лекарств в ванной, казалось, с каждым разом все росло. Я передвинула их, чтобы вымыть столешницу, прежде чем переходить к ванне. Потом подняла глаза на ту страшную полку. В первый раз я открыла крышки урн из чистого любопытства. С тех пор я не могла удержаться от того, чтобы снова в них не заглянуть – проверить, на месте ли прах. Я думала, что хозяин мог его развеять, но он продолжал его хранить. Возможно, мужчину утешало то, что они рядом с ним, прямо у зеркала, перед которым он причесывается.

На барной стойке на кухне старые фотографии постепенно скрывались за бумагами из больниц. Я высматривала на снимках подсказки, надеясь найти что-нибудь новое. Но фотографии оставались теми же: люди возле грилей с бургерами и рыбой, хозяин Грустного дома, гордо стоящий рядом с сыновьями в красно-белосиних футболках и с ракетами для фейерверков в руках. Все улыбаются, когда их снимают, но этот мужчина просто сиял, словно ребенок, хвастающийся первой пойманной рыбой. Он всегда поступал правильно. Фотографии доказывали, что этот человек исполнил свою Американскую Мечту. И все равно он был один.

Он никогда не оставлял для меня записок или открыток. Я не рассчитывала и не ждала от него сюрпризов в виде чаевых или бонуса перед отпуском. Хоть это и может прозвучать странно, он сделал мне совсем другой подарок. Грустный дом научил меня ценить то крошечное пространство, которое мы делили с Мией, комнату, в которой мы жили. Считать ее своим домом и наполнять любовью. Хоть у нас и не было дорогих машин и виллы с видом на океан, друг у

друга были мы. Я наслаждалась ее компанией, а не сидела одна в доме, полном воспоминаний. Горечь от моего одиночества и тоска по любви никуда не девались, но я была не одна. Мия спасала меня от них.

Дом Лори

Лето подходило к концу, и солнце садилось медленней, наполняя по вечерам нашу студию переливами розового, оранжевого и фиолетового, вместо беспощадной жары, от которой к утру все простыни у нас были мокрыми. Мия снова начала ложиться в девять, оставляя меня в одиночестве за кухонным столом. В такие вечера я слушала, как проезжают под окном машины и переговариваются соседские парни – дымок их сигарет просачивался к нам через открытые окна. Я сидела, слишком усталая, чтобы читать, над своим ежедневником, в попытке запомнить график с двенадцатью клиентами, у которых я убирала раз в неделю, в две или в месяц. В большинстве этих домов на уборку требовалось три часа, поэтому я успевала в два, а то и в три за день.

Будучи матерью-одиночкой тридцати двух лет с руками в татуировках, я всегда ощущала, что мы с Мией не вписываемся в местное консервативное общество. Мия могла ходить по улице в костюме мыши или в балетной пачке, с растрепанными кудрями. В магазине мы являли собой яркий контраст нарядным и ухоженным «домашним» мамам. Проходя мимо них в отделе с хлопьями, я подмечала большие сверкающие обручальные кольца на пальцах и разглядывала ребятишек, смиренно стоявших друг за другом: чистеньких, аккуратно причесанных, с косичками, заплетенными с самого утра.

Одна женщина как-то, бросив взгляд в мою сторону, вдруг обрадованно заулыбалась. Я узнала в ней старую приятельницу матери, но имени не вспомнила. Она спросила, как у нас дела и где мы живем. Когда я рассказала, она поинтересовалась, ходит ли Мия в подготовительное отделение школы на Мэдисон, которую я посещала пару месяцев во втором классе, прежде чем наша семья переехала на Аляску. Я покачала головой.

– Мы немного ограничены в выборе, – сказала я, ожидая, что улыбка сползет с ее лица. – В подготовительной школе надо будет платить, а в яслях принимают пособие, которое я получаю от государства.

Я успела обзвонить местную школу Монтессори и другие частные подготовительные классы, предлагая уборку в обмен на обучение, но нигде не соглашались. Конечно, в образовательном учреждении Мия получила бы несравнимо больше, чем в своих яслях. Я пыталась восполнить этот пробел, читая ей как минимум по полчаса перед сном.

– Дневная школа Бабушки Джуди финансируется Молодежной Христианской Ассоциацией, так что они наверняка принимают пособия, – сказала женщина.

– Бабушки Джуди? – переспросила я, в третий раз пресекая попытку Мии спрятаться у меня под юбкой. Женщина ласково провела пальцем по ее щеке, но Мия тут же отвернулась, прижавшись к моим ногам, и замерла.

– Она там руководит. Вообще она и правда этим детям как бабушка, – объяснила моя собеседница. – Мои ребята до сих пор любят к ней заплянуть. Центр находится в одной из тех пристроек за школой. Джуди так здорово все там организовала – как будто действительно у бабушки дома.

Неделю спустя Бабушка Джуди уже встречала нас с распростертыми объятиями. В один из наших первых визитов она отвела меня в свой кабинет, чтобы поближе познакомиться и лучше узнать друг друга. Может, это был тяжелый день или просто я чувствовала себя беспомощной и усталой, но, сидя в ее кабинете и рассказывая о своей жизни, я вдруг расплакалась. Джуди протянула мне салфетку и сказала:

– Ты отличная мать. Я совершенно уверена. А уж я умею отличить хорошую мать от плохой.

Я посмотрела на нее, шмыгнула носом и поняла, что никто раньше мне такого не говорил. За одни эти слова я начала воспринимать Бабушку Джуди как члена семьи.

Поскольку Мия теперь проводила время в отличных условиях, я стала меньше переживать, что оставляю ее, уезжая на работу. Я набрала максимум заказов, заполняя пробелы в своем расписании от агентства частными клиентами. С них я брала вдвое больше, чем получала от «Классик Клин». Впервые за лето у нас были оплачены все счета. Мы с Мией стали неразлучной парочкой, и у нас появилась своя песня – «Вечное Я» Суфьяна Стивенса, или, как говорила Мия,

«У-О». *Ничего не осталось! У-о!* Мы называли ее счастливой утренней песней и непременно слушали, прежде чем разъехаться на весь день, и это нам очень нравилось. У нас снова был режим дня. В начале осени к нему добавились онлайн-лекции, так что мне снова пришлось жертвовать сном. По вечерам я делала себе гигантскую кружку кофе и садилась за домашнюю работу. По выходным училась тоже. Приступая к учебе, я понимала, что буду очень уставать, но, в моих глазах, уроки являлись моей основной работой. Работой, которая когда-нибудь вытащит нас отсюда.

Пэм и Лонни оценивали время уборки, основываясь на собственных темпах. Но они были женщинами средних лет и не в лучшей физической форме, я же стала настоящим ниндзя. После нескольких месяцев работы на полную ставку мне пришлось искать ремень для моих брюк. Я не могла бы поправиться, даже если бы постаралась. Если я заканчивала уборку раньше, чем предполагалось, мне советовали не торопиться. Получив из-за моей быстроты счет на сумму меньше оговоренной, клиент в следующий раз не захотел бы платить больше. Получалось, что я должна соблюдать сроки, хотя бы из справедливости по отношению к тем, кто придет мне на смену.

В некоторых домах я теперь позволяла себе сделать перерыв. Пролистать книги, лежащие на ночном столике или на барной стойке в кухне. Покопаться в вещах в поисках спрятанных бутылок с алкоголем, шоколадок, пакетов с покупками, которые так и валялись нетронутые месяцами. Мне было интересно, как по-разному люди справляются со своими проблемами. Я рыскала по ящикам потому, что мне было скучно – в каком-то смысле это тоже был способ справляться с проблемой.

Мне начали нравиться дома, где хозяева не прятались от меня. Мне нравилось по утрам пятницы убирать у Генри. Я никогда не рыскала там, где ко мне не относились как к невидимке, где мое имя было Стефани, а не «клининг» или, того хуже, «уборщица», в календаре. И я никогда не копалась в вещах клиентов, с которыми договаривалась напрямую, а не через «Классик Клин». Мы с ними уважали друг друга и, со временем, даже становились друзьями. В своих поисках я словно обнаруживала отгадки, свидетельства тайных сторон жизни людей, у которых – внешне – было все. Однако, несмотря на богатство и двухэтажные дома американской мечты – с

мраморными ванными и кабинетами, смотрящими на океан, – в их жизни чего-то не хватало. Меня поражало то, что я обнаруживала в потайных уголках, удивляли книжки о самопомощи, которые эти люди читали. Просто у них были более роскошные холлы и просторные гардеробные, чтобы прятать в них все, что их пугало.

Дом Лори был построен специально для нее, с учетом ее болезни – хореи Хангтингтона. Большую часть дня она проводила, обложенная подушками, в кресле перед телевизором. Она едва могла говорить, но персонал, ухаживавший за ней, похоже, ее понимал. Ее конечности, казалось, жили собственной жизнью: нога, к примеру, могла внезапно резко взметнуться в воздух. Сиделки кормили ее, мыли, водили в туалет. Пока я протирала телевизор и полки с фотографиями, Лори смотрела на меня своими темными острыми глазами.

Каждый второй четверг я проводила в ее доме по шесть часов. Дом был большой – его построил ее муж, выделив себе верхний этаж, где он обычно отсыпался по выходным. Сиделки у Лори менялись, но Бет обычно находилась на месте в каждый мой приход. Она предлагала мне кофе, но я редко соглашалась – обычно мы просто немного разговаривали, пока я убирала.

В то утро, когда я во второй или в третий раз ехала к Лори, сломался автомобильный DVD-плеер, который Тревис подарил Мие на день рождения. Мия начала кричать и колотить по нему ногами, сидя в своем детском кресле. Плеер здорово меня выручал во время наших долгих поездок на машине. Я сотни раз слышала песенку Элмо про уши и носы. Добравшись к Лори, я, чувствуя себя сплошным комком нервов, постаралась побыстрее затащить свое добро в хозяйскую ванну, размером превосходившую всю мою квартиру.

Мне пришлось на некоторое время спрятаться там от Бет, чтобы прийти в себя. Это было единственное помещение на первом этаже, где имелась дверь. Ванну окружали окна, поэтому мне приходилось забираться внутрь, чтобы вымыть подоконники. *Ты даже не можешь купить ей новый*, – громко звучали у меня в ушах безжалостные слова. Мое тело словно сжалось; я села на пол, обхватив колени руками и раскачиваясь взад-вперед. Плеер не стоил и сотни долларов, но я действительно не могла его купить. Эта мысль повлекла за собой и все остальные – о том, чего я еще не могу дать своей дочке: хороший дом,

семью, собственную комнату, холодильник, полный продуктов. Я крепче стиснула руками колени и, не вытирая слез, текущих по щекам, принялась повторять свою мантру, чтобы отогнать накативший на меня страх, пока он не перерос в панику:

Я люблю тебя. Я с тобой. Я люблю тебя.

Я с тобой.

Когда я была бездомной, психотерапевт впервые рассказала мне о мантрах; правда, тогда это были фразы вроде «никто еще не умер от панической атаки». Она же учила меня представлять себе, как моя дочь качается на качелях, и успокаивать дыхание, подстраиваясь под их ритм. Но все это не работало. Мне надо было знать, что кто-то придет мне на помощь и все решит. В то лето, стиснув зубы, я решила, что этот человек – я сама. Не мужчина и не семья. Только я. Я должна перестать надеяться, что появится кто-то, кто меня полюбит. Я должна сделать это сама. Должна сама проложить себе путь в жизни, что бы она ни сулила.

После того утра со сломанным DVD-плеером каждый раз, убирая у Лори, я работала словно в тени самой себя: вспоминала, как я плакала, стоя на коленях, и ждала, пока станет легче дышать. Иногда я останавливалась, чтобы посмотреть на этот призрак, мое прошлое «я», с состраданием, с позиций другого «я», ставшего старше и мудрее, и немного себя утешить. Я научилась обращаться к своему внутреннему взрослому и в моменты паники тоже. К себе, старше лет на десять, преодолевшей этот ад. Надо было лишь верить в то, что это мое «я» существует.

Однажды во вторник я позвонила Пэм спросить, можно ли разделить уборку в доме Лори на два дня или на сегодня ограничиться тремя часами. Мия уже несколько дней болела инфекционным синуситом, к которому присоединился конъюнктивит. Я не могла оставить ее в саду и не могла больше отменять заказы. В то утро я созвонилась с Джейми и попросила его взять дочку на пару дней к себе. Я собиралась сначала заехать с ней в неотложную помощь, дальше отвезти к нашему месту встречи, на причал, а потом мчаться к Лори, где мне предстояло вкалывать допоздна.

Мия любила спать со мной, в моей постели, что было нелегко, даже когда она не болела. Во сне она ворочалась, толкала меня, раскидывала руки, часто попадая кулаком мне в глаз. В последние дни

из-за заложенного носа, температуры и общего недомогания она постоянно просыпалась по ночам, хныча, и мне приходилось ее утешать. Давным-давно мне не удавалось нормально поспать.

Став матерью-одиночкой, я прошла все стадии постоянно нарастающего утомления. Мне казалось, что я просто плыву по течению, как лодка с поломанным мотором, в густом тумане. Временами туман немного рассеивался: я начинала что-то видеть, думать, могла даже шутить и улыбаться, и на короткий момент чувствовала себя прежней. Но этих моментов стало крайне мало с тех пор, как мы остались одни. Как стали бездомными. С тех пор, как мне приходилось ежедневно сражаться, чтобы не вернуться в приют. Я мысленно готовилась перейти на новую ступень вечной усталости – с началом занятий, которые приходилось совмещать с работой. Я редко задавалась вопросом «как». Я знала только «что» – что должна делать. И делала.

Я позвонила своей начальнице и Джейми, чтобы сообщить, что сейчас стою на парковке у аптеки. Начальнице сказала, что буду у Лори через пару часов – дорога до Джейми, чтобы передать ему Мию, занимала больше часа в один конец. Сам он говорил со мной раздраженным тоном, но я это проигнорировала. Ему не нравилось давать ей лекарства, он не доверял врачам и считал, что во всем виновата подготовительная школа, где она постоянно чем-то заражалась. У меня не было времени спорить с ним тем утром, отчего он только сильнее разозлился. Я повесила трубку, коротко сказав, что привезу вместе с ней все нужные лекарства и инструкции, и ему придется их выполнять.

– От этих антибиотиков она только сильнее болеет, – недовольным тоном возражал он. Джейми так говорил каждый раз, когда Мие выписывали их от инфекций носа или ушей. Мне тоже не нравилось давать ей антибиотики, поскольку они лишь маскировали реальную проблему – на самом деле она болела из-за того, в каких условиях мы жили. Но другого выбора у нас не было.

– Просто делай, как сказано, Джейми, – отрезала я и отключилась, закатив глаза. Потом обернулась посмотреть на Мию, сидевшую в детском кресле на заднем сиденье. На ней была красная футболка с мультяшной лошадкой в ковбойской шляпе и черные легинсы с дыркой на коленке. В руках дочка держала новую игрушку для ванны,

которую я купила за пять долларов в Уолмарте – Маленькую Русалочку, хвост которой менял цвет с голубого на фиолетовый в теплой воде. Она посмотрела на меня с усталым от недомогания видом. В уголках глаз, красных от конъюнктивита, спекся гной. Я похлопала ее по коленке, немного погладила по ножке, а потом развернулась вперед, сделала глубокий вдох и завела мотор.

Мы ехали на запад по шоссе 20 в сторону побережья. Я ездилa по этой дороге от Маунт-Вернона до Анакортса с самого своего рождения. Один участок живо напомнил мне времена, когда я была примерно в возрасте Мии и любила смотреть на звезды по дороге домой от бабушки с дедом. Помню, было Рождество, и я, прищурившись, выискивала среди них красный нос оленя Рудольфа. Мия принадлежала к седьмому поколению нашей семьи, рожденному в этих краях. Я надеялась на фамильные корни, но зря. Они оказались слишком глубокими, слишком дальними. Семейная история ускользала от нас. Я уже устала спрашивать родных, не хотят ли они повидаться с Мией; я мечтала, чтобы у нее были бабушки и дедушки, дяди и тети – такие, как некоторые мои клиенты: с домами, заставленными фотографиями, с номерами детей на быстрых кнопках телефона, корзинками игрушек в углу на случай приезда внуков. Вместо этого нам доставались короткие мгновения взаимного узнавания где-нибудь на улице да воспоминания, сидевшие во мне так прочно, что их можно было считать нашим наследством.

В моменты глубокого отчаяния я обращалась к ним. Хоть я и испытывала благодарность к Джейми за то, что согласился взять Мию на всю неделю, я знала, что мне придется за это расплачиваться. Он превратит ее болезнь в аргумент против меня, вспомнит о ней, когда будет упрекать меня за то, что я слишком много работаю, приводить как одну из причин, почему Мие лучше жить с ним.

– Мама! – позвала Мия с заднего сиденья. – Mamочка!

– Да, Мия, – откликнулась я. Я вела одной рукой, а локтем второй упиралась в дверь машины, зажимая ладонью лоб.

– Можно мне открыть окно? – спросила она сиплым голосом. – Я хочу, чтобы волосы у Ариэль развевались, как в мультике.

Я опустила стекло, уже не беспокоясь о том, насколько дурацкая это просьба. Мне просто надо было на работу. Надо было закончить. Надо было отоспаться.

Мы проехали над каналом, разделяющим континент и остров Уидбей. Я посмотрела направо: нас обгонял старый коричневый «Форд Бронко». Я встретилась глазами с водителем, и он улыбнулся мне, а потом показал пальцем на окно Мии – ровно в тот момент, когда красные волосы вспышкой мелькнули где-то позади.

– Моя Ариэль! – закричала Мия, колотя ногами в спинку пассажирского кресла. Она выставила куклу слишком далеко в окно и нечаянно выпустила из рук.

Я, стиснув зубы, продолжала ехать вперед. Мия редела так, словно мы раздавили новорожденного щенка. На следующем повороте был светофор, под которым я могла развернуться. *У нас есть время*, – подумала я. Я могу развернуться, остановиться на противоположной стороне шоссе, выйти, забрать куклу, потом съехать на следующей развязке, проехать под мостом, снова развернуться, и мы вернемся на дорогу. Достаточно разумные размышления для человека, который ведет машину на скорости 120 километров в час, будучи при этом как в тумане от постоянного недосыпа, под рев малыша на заднем сиденье.

– Я вернусь и подберу ее, – закричала я, чтобы Мия, наконец, прекратила издавать эти жуткие звуки. Мое сердце колотилось как сумасшедшее от недостатка сна и двух гигантских кружек кофе, которые я влила в себя тем утром, чтобы хоть немного взбодриться. Уже несколько дней я ухаживала за больным ребенком и отчаянно нуждалась в передышке. Я просто хотела, чтобы крик утих.

Развернувшись, я поехала в левом ряду, то набирая скорость, то притормаживая, и постоянно поглядывая на разделительную полосу. День для сентября выдался неожиданно жарким. Выйдя из машины на разогретый асфальт, я ощутила, как потоки горячего воздуха от пролетающих мимо машин развевают мою любимую зеленую футболку, заметно истончившуюся от постоянной носки. Я склонилась над травой, росшей на разделительной полосе, отчего волосы, собранные в хвост на затылке, упали мне на лицо, так что пришлось держать их одной рукой. Наверное, я выглядела странно, разыскивая куклу среди конфетных оберток и бутылок из-под газировки, наполненных мочой, которые валялись там.

Наконец передо мной мелькнуло ярко-красное пятно. Я подошла ближе – и правда, Ариэль. Точнее, ее голова.

– Черт! – пробормотала я себе под нос и обернулась посмотреть на машину. Сморгнула и внезапно почувствовала неприятную тяжесть в животе. Я не могла вернуться вот так. Мия будет рыдать всю дорогу до Порт-Таунсенда над куклой, которая теперь уже не потерялась, а сломалась. Может, отец как-нибудь ее починит – хотя бы примотает голову скотчем. Тут я увидела хвост, разодранный напополам. И никаких признаков верхней части, с бикини в виде ракушек.

– Черт! – повторила я. Наклонилась подобрать хвост и тут услышала этот звук.

Металлический скрежет и одновременно звон разбитого стекла. Звук, хорошо знакомый по автомобильным авариям, в которые мне случалось попадать подростком. Вот только никогда он не был таким громким.

Машина. Врезается в другую машину. В мою. В мою машину с Мией на заднем сиденье.

Звон издало стекло, находившееся прямо возле головы моей девочки. Оно взорвалось, подобно стеклянному шару.

Я отшвырнула останки Ариэль и с криком бросилась через дорогу.

Это неправда, думала я на бегу. Это не правда. Подбегая к машине, я закричала вслух: *Нет! Нет. Нет-нет-нет.*

Распахнув заднюю дверь с водительской стороны, я увидела кресло Мии, обращенное ко мне лицом, сдвинутое со своего места. Заднего стекла не было. Дочь смотрела на меня широко распахнутыми глазами, ее рот застыл в безмолвном крике. Я сделала глубокий вдох, и тут она протянула ко мне руки. Под ее ногами пол машины вздыбился, собравшись в гармошку. Ножки в сандаликах она подтянула к груди.

Я отстегнула ремни и почувствовала, как она обхватила руками мою шею, а пятками оттолкнулась от кресла с такой силой, что мы обе едва не повалились на спину. Мия обвила меня ногами, я прижала ее к себе и, заливаясь слезами, понесла прочь.

Машины, двигавшиеся по обеим сторонам шоссе, притормаживали, водители сворачивали себе шеи, чтобы посмотреть на аварию. Я стояла на траве, в десяти шагах от автомобиля, от которого зависела вся наша жизнь, и держала на руках свою трехлетнюю дочку. Мне казалось, что мир вокруг нас закрутился, словно воронка торнадо.

Другой водитель, тощий парень с торчащими волосами, подошел к нам: его машина остановилась где-то в полусотне метров. Левый глаз его заплыл синяком. Под белой рубашкой с короткими рукавами, развевавшейся на ветру, была видна нижняя майка.

– Вы в порядке? – спросил он. И тут увидел Мию. – О господи, она что, сидела в машине?

– Конечно, она сидела в машине, ты, чертов идиот! – заорала я не своим голосом, которого не было у меня никогда раньше. – Как ты мог ударить мою чертову машину? – Он не отвечал. – Как ты мог ударить мою чертову машину? – повторила я. Я выкрикивала это снова и снова, не обращаясь ни к кому конкретно, уткнувшись лицом Мие в плечо. Как такое могло с нами случиться? Как вышло, что мы стоим с ней на шоссе, одни, рядом с разбитой машиной, за которую я до сих пор не расплатилась, которая нужна мне для работы, нужна нам обеим, чтобы выжить? Это была наша *машина*, не менее важная, чем рука или нога, чтобы мы как-то существовали.

Парень отступил на шаг; я прижалась лбом ко лбу дочки и еще раз спросила, все ли с ней в порядке.

– Все нормально, мама, – ответила она неожиданно спокойно. – У нас все в порядке.

– У нас все в порядке? – переспросила я, хватая воздух ртом. – Все в порядке?

– У нас все в порядке, – повторила она. – Все в порядке.

Я крепко держала ее, чувствуя, как мое тело с паники переключается на горе.

Прохладная рука прикоснулась к моему плечу, и я обернулась, готовая душу выбить из этого парнишки, но тут увидела, что рука принадлежит невысокой блондинке. Ее голос казался таким тихим, что я едва его слышала и не могла понять, что она говорит, но лицо у нее было обеспокоенное.

– Как вы? – спрашивала она.

Я ничего не ответила. Секунду я смотрела на женщину: она казалась мне прозрачной, словно ангел. Что это за вопрос? Как мы? Откуда я знаю! Я едва не потеряла ребенка. Ребенка, которого держу на руках. Ребенка, который сегодня утром погладил меня по щеке и прошептал: «Я тебя люблю». Ребенка, который спал со мной в одной постели и любил блинчики. Этот ребенок мог сегодня умереть.

– Моя дочь, – вслух сказала я, не в силах думать ни о чем другом, и снова зарылась лицом в волосы Мии.

Еще одна машина остановилась на обочине, сразу за черным «Сабурбан» блондинки. Водитель звонил по телефону. Я ничего не могла делать – только стоять, прижимая к себе Мию. Из глаз у меня лились слезы. Моя машина. Она только что погибла прямо передо мной, на обочине дороги. Моя незаменимая машина. Машина, которой мы не могли лишиться. Машина, в которой я так нуждалась, чтобы сохранить работу. Чтобы выжить.

Полицейские, приехав, первым делом расставили аварийные знаки и осмотрели место ДТП. Они спросили меня, что случилось, и внимательно выслушали мой рассказ, во время которого я судорожно хватала ртом воздух. Кто-то из них проверил тормозной след от покрышек, оставленный моей машиной, когда вторая оттолкнула ее влево, по меньшей мере, на полметра. Правое заднее колесо было вывернуто, металлическая стойка покорежена. Внутренности машины все смялись. Кассета выскочила из проигрывателя и повисла на пленке, готовой вот-вот оборваться. Но я не могла оторвать глаз от заднего сиденья, где находилась Мия, и ее детского кресла, стоявшего невероятно близко к разбитому окну и к полу, который поднялся до самых ее ног. В результате столкновения кресло сдвинулось в сторону от окна, и она, удивительным образом, не пострадала.

Один из полицейских достал рулетку.

– Что вы делаете? – спросила я, охваченная новой волной паники.

– Надо определить степень виновности, мэм, – ответил он. – Пожалуйста, отойдите в сторонку.

Степень виновности. Моей вины. Конечно, вина моя. Это ведь я додумалась остановиться прямо на чертовом шоссе и выйти из машины, чтобы поискать чертову куклу, а ребенка оставить внутри, подвергнув смертельной опасности.

Двое врачей выскочили из «Скорой»: один побежал к парню, а второй – к нам. Прибыла еще одна «Скорая», потом пожарный экипаж. Движение по шоссе сузилось до одного ряда; я старалась не обращать внимания на то, как нас рассматривают, выкручивая шеи, словно рыб в аквариуме.

Когда мы с Мией опустились на скамью в карете «Скорой», она отпустила мою шею впервые с того момента, как я ее отстегнула.

Врач задал ей несколько вопросов, потом попросил разрешения осмотреть. Он протянул ей игрушечного медвежонка в ночной рубашке и колпаке, с закрытыми глазами и лапками, сложенными вместе, словно для молитвы.

– Понаблюдайте за ней сегодня, – сказал он; его темные волосы, карие глаза и оливковая кожа напомнили мне почему-то о моем брате.

– Если заметите кровоподтеки, или она начнет жаловаться на боль, сразу везите в больницу.

Он снова поглядел на Мию.

– Либо мы можем поехать в «Скорую помощь» прямо сейчас, если хотите сделать рентген.

Я посмотрела на Мию, пытаюсь понять, что он говорит, и одновременно представляя, что все могло быть гораздо хуже: что она могла лежать в крови, с переломами, и «Скорая» сейчас мчалась бы в госпиталь. Я покачала головой. Такой визит был чреват неприятными неожиданностями. Я не знала, покрывает ли Медик-Эйд поездку на «Скорой», и уже представляла себе счет на тысячи долларов, который не смогу оплатить. К тому же нельзя было покинуть нашу машину – она стала для нас практически членом семьи. В багажнике лежали средства для уборки, от которой зависел весь наш доход. Если с ними что-то случится, мне придется возместить стоимость из собственных денег, которых у меня нет. Я не могу уехать, не зная, что будет дальше.

Мия прижимала к себе медвежонка, разглядывая оборудование «Скорой». У меня перед глазами мелькали картины того, как она могла бы лежать, глядя вверх пустыми глазами, с кислородной маской на лице и запекшейся кровью на волосах, в воротнике, фиксирующем шею. Она протянула руки, чтобы я снова ее обняла. Я понесла дочку назад к машине, достала из сумочки телефон и сделала несколько снимков, пока полицейские решали нашу судьбу.

Один из них подошел ко мне – низенький, лысый, с животом, свешивающимся над ремнем брюк. Он задал те же вопросы, на которые я уже отвечала: почему я остановилась и где, включила ли я сразу же аварийные огни.

– Мэм, мы продолжим расследование, а о результатах уведомим вашу страховую компанию, – сказал он. – Пока неясно, есть ли страховка у водителя, который вас ударил.

У меня подкосились колени. Включал ли мой полис страховое покрытие по вине незастрахованного водителя? Должен был включать. Я до сих пор выплачивала рассрочку за машину. Кажется, это означает обязательное полное покрытие. Да ведь? Я же специально уточняла, правда? Я не могла вспомнить.

Он оторвал верхний лист своего блокнота и протянул его мне вместе с правами, документами на машину и страховым свидетельством.

– Сэр, – сказала я, увидев сумму штрафа – 70 долларов, которая показалась мне бессмысленной и незаслуженной. Посмотрела в его крохотные голубые плазки. – Во что мне это обойдется? В смысле, финансово?

Он поглядел на меня, потом на Мию, которая тоже обернулась и уставилась ему в лицо.

– Не знаю, мэм, – ответил он, раздражаясь, а потом снова протянул мне бумаги, добавив: – Можете подать в суд.

Это означало, что я подам в суд на него. На офицера полиции. На этого бессердечного мужчину, сующего квитанцию плачущей матери, которая едва не лишилась ребенка и не могла позволить себе другую машину, не говоря уже о выплате штрафа.

Я посмотрела на квитанцию – «неправильная парковка», – а подняв глаза, увидела подъезжавший эвакуатор.

– Мэм! За вами кто-нибудь приедет? – спросил офицер. Судя по его тону, он задавал мне этот вопрос уже не в первый раз.

– Я не знаю.

Все, кому я могла бы позвонить, находились на работе, в нескольких километрах пути. Полицейский предложил мне уехать вместе с эвакуатором, но я снова спросила насчет стоимости такой поездки, и он снова сказал, что не знает.

– Почему никто не знает, что сколько стоит? – воскликнула я, опять начиная плакать.

Он пожал плечами и отошел. Пожарный вытащил мой уборочный инструмент из багажника машины вместе с детским креслом и сумкой Мии с Хэлло-Китти, которую она всегда брала с собой к отцу.

Мы стояли на обочине дороги и смотрели, как нашу машину затащили на эвакуатор. Заднее колесо, вывернутое наружу, волочилось за ней, словно сломанная нога. Рядом с нами на траве стояли моющие

средства, мешок с тряпками и две сломанных ручки для швабры. Мия по-прежнему цеплялась за мою шею. Что ж, все было ясно. Нас собирались оставить тут.

«Не представляю, как ты справляешься»

– Как тебе такое в голову пришло? – заорал Джейми в телефон срывающимся голосом. – Остановиться прямо на шоссе! Как можно быть такой идиоткой?

Эти слова и без того крутились у меня в голове. Причем сказанные его голосом.

– Ладно, перезвоню позже, – бросила я, прежде чем повесить трубку.

Мия начала плакать. Она хотела с ним поговорить. Хотела, чтобы он за ней приехал. Я почувствовала, что сердце мое привычно проваливается вниз, когда подумала, что он может использовать мой поступок, чтобы получить единоличную опеку, чем он всегда мне грозил, когда я шла против его воли. Он хотел, чтобы я платила ему алименты. Хотел, чтобы я страдала.

Голубой «Олдсмобиль» дедушки показался в потоке машин, все еще замедленном из-за аварии. Полицейские показали ему, где можно остановиться. Хоть он и был ростом ниже того коротышки, который выписал мне штраф, держался дед крайне деловито: быстро вылез из машины и поздоровался со всеми, кто еще был на месте. Однако когда он подошел к нам, стоящим возле дороги, лицо его оказалось красным и разгоряченным. На мгновение я решила, что он сердится на меня.

– Это все надо увезти с собой? – спросил он, кивая на кучу моих вещей, кое-как сваленных на землю рядом с проезжей частью.

Я кивнула.

После того, как я установила детское кресло Мии на заднем сиденье, мы все забрались в его огромную машину, и дедушка сказал, что ее надо заправить. Мы подъехали к заправке и остановились у колонки. Мгновение он смотрел на меня, потом оглянулся на Мию. Глаза у него слезились.

– У меня не хватает денег, – сказал он и снова покраснел.

– Я заплачу, – ответила я, берясь за ручку двери.

– Могу пока купить нам кофе, – заторопился он. – Ты, наверное, не против выпить кофе. Я-то сам перешел на зеленый чай. Может, хочешь зеленого чаю?

Я уже хотела пошутить насчет того, что предпочла бы пару стопок виски, но тут поняла, что это практически правда.

– Конечно, деда, – сказала я с вымученной улыбкой. – Я буду кофе.

Дедушка ухаживал за бабушкой практически всю их совместную жизнь, пока прогрессировала ее шизофрения, поэтому, когда полтора года назад она умерла, у него появилась масса свободного времени, жаль только унылого и одинокого. Они были знакомы с детства. Во взрослой жизни она его переросла, да еще и начес добавлял ей пару сантиметров, а дед всегда был метр с кепкой. Он хвастался мною перед знакомыми, когда я, в возрасте Мии, приезжала к ним: рассказывал о записи, где я пела «Папай-морячок», и предлагал им ее включить.

После смерти бабушки он выехал из их дома. Это был единственный дом, в котором, на моей памяти, они жили, помимо трейлера, и мне казалось странным, что он им больше не принадлежит. Некоторое время он снимал комнату у одной женщины в городе. Помню, как навещала его, рассматривала сувениры, с которыми играла в детстве, и думала, как странно видеть его тут и знать, что он с трудом может себе позволить эту комнату. Он по-прежнему подрабатывал агентом по недвижимости, но из-за кризиса бизнес обвалился и пребывал в упадке. Дед стал ночевать в подсобке у себя в конторе. Сознавая, что ничем не могу помочь, я терзалась чувством вины, особенно после того, как он как-то раз пустил нас к себе после ссоры с Тревисом. Я очень хотела оказать ему хоть какую-то поддержку.

Каждый раз, когда мы с ним виделись, он пытался передать мне старые вещи: например, раскраску моей мамы, кое-как надписанную ее рукой. Иногда я принимала еще подношения, чтобы сделать деду приятное, но оставляла их в машине, чтобы потом кому-то подарить. Мне некуда было их девать. Он настаивал, чтобы я их забрала, рассказывал их историю: «Твоя прапрапрабабушка продала свое обручальное кольцо, чтобы купить эту швейную машину», – говорил он. Я не могла хранить все памятные вещицы у себя, не могла выделить им достойного места. Моя жизнь не предполагала обладание наследственными ценностями.

Тревис перезвонил, когда я заливала бензин в бак. Он не расспрашивал о деталях, просто хотел знать, куда за нами приехать. Я почти забыла, что оставила ему сообщение на автоответчике. Мне показалось, он должен знать, что случилось. Может, я и сама хотела, чтобы он знал. Он говорил запыхавшимся голосом, и я слышала в трубке гул мотора.

– Что ты делаешь? – спросила я.

Мия смотрела на меня через окно. Я сморщила нос, пытаюсь ей улыбнуться, и прижала палец к стеклу. Она коснулась стекла своим пальчиком с другой стороны.

– Цепляю родительский грузовик к трейлеру, – сказал он, тяжело дыша. Похоже, он решил, что должен увезти нашу разбитую машину.

– Не надо, Тревис, – сказала я. – У нас все в порядке. Обо всем уже позаботились.

Я повесила трубку, чтобы не дать ему времени догадаться, что я лгу. Я не была готова его видеть. Я знала, хотя все мое тело еще дрожало от шока, что если Тревис приедет нас выручать, поможет как-то выкрутиться, то я рискую снова оказаться с ним. Я потратила столько времени, учась справляться сама. Хотя я ему и позвонила, мне совсем не хотелось опять бросаться ему в объятия.

Пока мы добирались до дома, начался дождь. Я попросила деда притормозить возле Уолмарта и подождать с Мией в машине, пока я на минутку туда зайду. Я влетела в магазин, склонив голову и избегая встречаться глазами с людьми. Мне казалось, что любой при взгляде на меня узнает ту бестолковую клушу, которая чуть не убила собственную дочь на съезде с двадцатого шоссе. Прямо посреди торгового зала мне, как обычно, захотелось разрыдаться – вот только на этот раз желание едва не вышло из-под контроля, что меня сильно напугало. Я все еще слышала звук лопающегося стекла. Он повторялся раз за разом, такой громкий, что я закрывала глаза и стискивала зубы, чтобы не закричать.

– Где эти чертовы русалки?

Я поняла, что сказала это вслух, когда маленькая девочка с мамой вдруг оглянулись на меня.

Кукол распродали; полка, которую они занимали, оказалась пустой. Но ниже стояла более дорогая версия: большая кукла с роскошными волосами, говорящая (для этого требовалось нажать

кнопку), за 19,99 доллара. Я схватила ее. Со счетами разберусь позже. Нельзя допустить, чтобы моя дочь не получила сегодня назад свою чертову куклу.

Подъехав к студии, мы с дедом под дождем принялись таскать внутрь мои коробки и мешки. С одного из пакетов на пол упал осколок стекла, немедленно вонзившийся Мие в пятку. Как ни странно, она почти не заметила боли. Это было ее единственное ранение. По крайней мере, физическое. И с ним я быстро разобралась.

Дедушка стоял в дверях студии, нашего крошечного жилого пространства, обводя ее взглядом. Он никогда не навещал нас здесь. Никто из родных не навещал. Я не знала, заметил ли он, что я избавилась от всех вещей, которые он мне отдал.

– У вас нет микроволновки, – сказал он, глядя на кухонный уголок.

Я оглядела столешницу, на которой помещалась только сушилка для тарелок и пара разделочных досок.

– Здесь некуда ее ставить, – ответила я.

– Можно поставить на холодильник, – возразил он, указывая туда, где у меня стоял цветок в горшке. – У меня в офисе есть микроволновка, но я ею не пользуюсь. Привезу вам.

– Прошу, дед, – взмолилась я, подхватывая на руки Мию. – Ну, куда я ее дену?

Его глаза снова заслезились. У меня в кармане завибрировал телефон. По длинному набору цифр я узнала заграничный номер матери.

– Ты звонил маме? – спросила я, не в силах скрыть своего недовольства.

– Ну конечно, – ответил он. – Она должна знать, что ее дочь и внучка попали в аварию.

Я крепко сжала челюсти. Я знала, что теперь, когда бабушка умерла, мать по воскресеньям обязательно созванивалась с дедом. Знала, что она спрашивает, видел ли он нас, как у нас дела, что с нами происходит. В этот момент я как никогда ясно ощутила, что она не заслуживает права знать о нашей аварии. Я так нуждалась в ней этим летом, когда Мия постоянно болела, и ей даже поставили трубки в уши. Нуждалась постоянно, с тех пор, как она уехала в Европу. Нуждалась в ней, но не могла позвонить и это сказать. Мы больше почти не разговаривали. В трубке стоял гул помех, а рядом с ней

вечно сидел Уильям, прислушиваясь к каждому слову. Я прямо-таки чувствовала его дыхание. Он усмехался, когда мама шутила. Я не могла этого терпеть. Просто не могла. Поэтому предпочла вообще не разговаривать с ней, решив, что, изгнав ее из своей жизни, буду страдать меньше, чем сейчас. Лучше уж было ничего не ожидать от нее, ни на что не надеяться. Я злилась, что она оставила нас тут. За то, что уехала. Я никогда ее не пойму. Даже пытаться не стану.

Дедушка уехал, а я посадила Мию в ванну с пеной и протянула ей новую куклу. Мама позвонила опять. Я сидела на унитазе рядом с ванной, не обращая внимания на светящийся экран телефона у меня в руке. Я пропустила вызов и стала смотреть, как Мия играет со своей русалкой. Она сидела в ванне с кожей, блестящей от пены, и кудряшками, прилипшими к щекам. Мне хотелось склониться над ней, обхватить дочку руками, приложить ухо к груди, чтобы услышать, как бьется ее сердце.

Я не знала, чувствовала ли мама что-то подобное в отношении меня. Не знала, почему она никогда не наклонялась ко мне, когда желала спокойной ночи, чтобы крепче обнять и успокоить, чтобы дать понять, что она меня любит. Я хотела знать, но не могла спросить. Иногда я представляла, как спрашиваю ее, например, по телефону, но понимала, что ничего из этого не выйдет. Она поддерживала со мной отношения, и для нее этого было достаточно. Возможно, она сознательно решила ограничиться этим.

Мия в тот вечер долго не засыпала, не только из-за заложенного носа и рези в глазах, но еще и потому, что я не торопилась ее укладывать. Радостное щебетанье дочки помогало мне не удариться в слезы. Я не могла позволить себе расклеиться, пока она на меня смотрит. Мы лежали с ней рядом на моей кровати, головами на одной подушке, лицом друг к другу. Потом ее глазки закрылись, а тело расслабилось, засыпая, она глубоко вздохнула и засопела. Я смотрела на нее и слушала.

Мия проспала всего час, прежде чем ее разбудил сильнейший приступ кашля. Я уже дала ей все лекарства, какие только возможно. Лающий кашель превратился в какое-то рычание, возмущение от невозможности заснуть и одновременно усталости. Я попыталась ее успокоить, напевая «Вагонные колеса», песенку, которая в последнее

время ей очень нравилась, но ничего не помогало. Наконец откуда-то из глубин памяти у меня вдруг всплыла *Ночная Луна*:

Комната ночью, ночная Луна,
Ночная коровка пасется одна.
Шарик воздушный в небо летит,
Мишка усталый на стульчике спит.

Мия, прислушавшись, мгновенно успокоилась и снова уснула. Я провела пальцем по ее переносице, плача так тихо, как только могла, не веря, что она выжила.

На следующее утро я смотрела, как Мия ест овсянку. Я сидела словно заколдованная, все еще поражаясь тому, что она чудом осталась цела, словно не веря, что это – реальность. Вчера я позвонила Лонни рассказать, что случилось, и попросить выходной, чтобы со всем разобраться, хоть и не представляла, что именно стану делать. Мое тело и разум действовали на автопилоте. После завтрака парень, с которым я пару раз ходила на свидания, Тодд, должен был заехать за нами. Мы с Тоддом собирались встретиться в этот уикенд, поэтому вчера вечером я была вынуждена ему позвонить, чтобы отменить встречу, и, не в силах ничего выдумать, рассказала всю правду. Я не хотела признаваться, что мы в беде, что у нас нет родственников, способных помочь. Тодд настоял, чтобы я взяла машину, на которой он не ездил, и его предложение меня сильно удивило. Я даже не знала, как в действительности отношусь к Тодду, нравится ли он мне по-настоящему или нет. Как выяснилось, у некоторых мужчин по отношению ко мне включался «комплекс героя». Они хотели оказать помощь, броситься на выручку «леди в беде». Мне не нравилось играть эту роль, но в данной ситуации у меня не было выбора. Без машины мы бы пропали.

Я сказала Мие, что Тодд – мой друг, объяснив, что он подбросит нас до запасной машины, на которой мы какое-то время будем ездить.

– Тогда я отвезу тебя к папе, – сказала я, моя тарелки после завтрака. Я сделала глубокий вдох и задержала воздух, то есть поступила против всех правил, которым должна была следовать в такие минуты, когда сердце мое проваливалось куда-то и начинало колотиться с удвоенной скоростью. Мне предстояло проехать по тому же маршруту, что и вчера, по тому же шоссе, снова в машине с Мией.

Как бы мне ни хотелось остаться в кровати, рядом с ней, я должна была работать. Мне предстояла уборка в огромном доме – одном из самых больших, где я убирала, который занимал у меня почти весь четверг. Кроме того, на следующей неделе возобновлялись занятия, и мне надо было разобраться с учебниками и паролями к онлайн-курсу. А еще каким-то образом отметить свой день рождения.

Пока Тодд вез нас до своей запасной машины, Мия тихонько сидела на заднем сиденье. С ее детским креслом все, с виду, было нормально, но я знала, что после аварии его следовало немедленно выбросить – вот только я не могла купить новое. Каждый раз при виде его я вспоминала о том, как едва не лишилась дочери.

И тут Мия вдруг заявила:

– Мама, Руби умерла.

Этим именем мы называли свою «Субару» – из-за ее красновато-коричневого цвета, а еще потому, что я как-то назвала ее «Суба-Руби», гордо затолкав в первый раз в багажник свои рабочие инструменты.

Я обернулась посмотреть на Мию и погладила ее по ножке. Она казалась такой маленькой, хрупкой. У меня из глаз снова побежали слезы. Я купила «Руби» подержанной, но в безупречном состоянии, с пробегом всего-то сто шестьдесят тысяч километров. Мы с Мией проводили в ней половину своего времени. «Руби» перевалило за двадцать лет, но это была одна из самых милых машинок, на которых мне выпало ездить, за много лет. Наша потеря казалась невозможной. Неизмеримой. Я не могла думать о ней.

– Руби умерла из-за меня, мама, – сказала Мия тоненьким голоском, глядя в окно. – Из-за того, что Ариэль улетела в окно.

– О, детка! – воскликнула я, пытаюсь развернуться к ней с переднего сиденья. – Нет! Это была случайность. Ты не виновата. Если кто и виноват, то только я.

– Ты плачешь, – сказала Мия. Личико у нее тут же покраснело, нижняя губка выпятилась вперед, и слезы набежали на глаза. – Ты хотела спасти мою Ариэль.

Я больше не могла на нее смотреть, но продолжала гладить рукой по ножке. Мне хотелось уткнуться в ладони, скривить лицо и дать волю немым рыданиям. Вместо этого мы с Тоддом поглядели друг на друга, и я слабо ему улыбнулась. Надо держаться. Выбора у меня нет.

Тодд свернул с шоссе, проехал по улице и припарковался рядом с двухдверной «Хондой Аккорд». Она напомнила мне машины, на которых ездят подростки в старшей школе, – этакая полноразмерная версия игрушечных моделей, с которыми любил возиться мой брат. Тодд со знанием дела проверил уровень масла, поворотники, тормоза, фары; его деловитость показалась мне привлекательной. У Тодда вообще была масса качеств, которые мне нравились, – например, он был строителем и в свободное время строил для себя домик на лесном участке близ Порт-Таунсенда, – но я не могла сказать наверняка, мой это человек или нет.

– Я все равно собирался ее продавать, так что можешь ездить, сколько понадобится, – сказал он и протянул мне ключи.

– Спасибо! – с трудом выдавила я, обнимая его. Хотела бы я, чтобы он знал, из какого отчаянного положения вытащил нас, едва не ставших снова бездомными. Но откуда он мог это знать? Я ничего не рассказывала ему о своей ситуации. Хотела, чтобы он смотрел на меня, как на равную, а не как – я не знаю – на того, кем я действительно являлась. Отношения в подобных обстоятельствах превращались в какую-то игру.

Когда я выруливала с парковки, руки у меня тряслись. Все тело дрожало, словно я проплотила чашек десять кофе. *Мне нельзя за руль*, – думала я. – *Я не готова*. Мне казалось, мы снова попадем в аварию, но, тем не менее, я была единственной, кто мог доставить нас туда, куда нам было нужно.

На светофоре, помня, что скоро будет тот самый выезд, я пожалела, что мне некому позвонить, чтобы попросить помощи или просто поговорить. Не было никого, кто мог понять, через что я прохожу, никого, кто знал бы, что значит быть матерью-одиночкой, едва сводящей концы с концами, как я.

Когда я разговаривала со знакомыми о своей жизни, в общих чертах обрисовывая им наши постоянные перемещения, стресс, вечное балансирование на грани, то раз за разом слышала одни и те же слова: «Не представляю, как ты справляешься». Их самая большая проблема была в том, что муж часто ездил в командировки или задерживался по вечерам. Они говорили: «Не представляю, как ты справляешься», – и качали головами, а я старалась не реагировать. Мне хотелось сказать им, что часы, проведенные в отсутствие мужа,

не идут ни в какое сравнение с единоличным несением всех родительских обязанностей, но я позволяла им и дальше питать иллюзии. Начни я спорить, и открылась бы правда обо мне самой, а мне никогда не хотелось напрашиваться на сочувствие. Кроме того, меня мог понять лишь тот, кто испытал на себе еще и бедность. Отчаяние от того, что у тебя нет других вариантов, как продолжать двигаться вперед. Они не представляли, каково это – на следующее утро после аварии ехать за рулем по той же дороге, где еще было рассыпано стекло от моей разбитой машины, и делать вид, что у меня все нормально, потому что выбора все равно нет.

Клиенты еще могли простить мне пропуск, но за электричество все равно надо было платить. Единственное, чего мне хотелось, – это сидеть на кровати рядом с больным ребенком и подливать ей в поильник сок, пока она смотрит *Любопытного Джорджа* на DVD три раза подряд. Вместо этого мне пришлось ехать на работу. Пришлось садиться за руль. Даже не знаю, что из этого было тяжелее.

Дело было даже не в том, «как» я справлялась. Уверена, любой родитель вел бы себя так же. Быть матерью-одиночкой означает не только одной заботиться о ребенке. Отсутствие возможности чередоваться, купая его или укладывая спать, являлось отнюдь не самой большой моей проблемой. На мне лежал неподъемный груз ответственности. Я выносила мусор. Тащила домой продукты, которые сама выбрала в супермаркете и сама купила. Я готовила. Убирала. Вешала в ванной туалетную бумагу. Застилала постель. Пылесосила. Проверяла уровень масла в машине. Возила Мию к доктору, к отцу на выходные. На занятия танцевального кружка – если удавалось найти такой, где принимали в оплату пособие, – а потом назад домой. Следила за каждым ее движением, каждым прыжком, каждым карабканьем на горку. Качала на качелях, укладывала спать по вечерам, целовала, если она упадет. Стоило мне присесть, и я начинала волноваться. Все словно перекручивалось у меня внутри. Я волновалась, что моей зарплаты не хватит на счета за этот месяц. Волновалась о Рождестве, до которого было еще полгода. Волновалась, что кашель Мии усилится, она заболит и не сможет ходить в детский сад. Волновалась, что Джейми снова устроит скандал, мы поругаемся, и он откажется забирать ее из сада по

вечерам, лишь бы только усложнить мне жизнь. Волновалась, что мне придется переносить работу или пропускать заказы.

Все родители-одиночки, сражающиеся с бедностью, действуют одинаково. Мы работаем, любим, боремся. Но стресс и переутомление оставляют нас выпотрошенными. Без сил. Пустыми оболочками своего бывшего «я». Именно так я чувствовала себя в те дни после аварии. Как будто мои ноги едва касались земли, по которой я ступала. Казалось, в любой момент дуновением ветра меня может унести прочь.

Дом с клоунами

Я называла тот дом Домом с клоунами. Хозяйка обожала пейзажи Томаса Кинкейда – ими были увешаны все стены первого этажа. Но на длинной лестнице, ведущей наверх, висели в ряд картины с изображениями клоунов. Грустных клоунов. Их портреты, провожавшие меня глазами. Статуэтки клоунов она собирала тоже, но картины были хуже всего. Глядя на них, я чувствовала себя беспомощной. Испытывала одновременно ужас, отвращение и любопытство – кто согласится повесить такое у себя на стене? А если электричество вдруг отключится и луч света от фонарика выхватит из темноты клоунское лицо? Можно же до смерти испугаться!

Раз в месяц я делала уборку на нижнем этаже, где для двоих взрослых сыновей хозяева устроили отдельные спальни с ванной. По моему, мальчики никогда там не жили, но их детские сокровища были аккуратно расставлены по своим местам. Я стирала пыль с кассет Белл Бив Дево, школьных фотоальбомов, будильника с Микки Маусом; взбивала подушки, а сверху сажала игрушечного медведя. Но в тот день, впервые выйдя на работу после аварии, я первым делом прошла в ванную.

Мне казалось вполне естественным запереться там, чтобы защититься от зияющей пустоты, навалившейся вдруг со всех сторон. В ваннах вообще хорошо прятаться. Мне хотелось распластаться на полу, на животе, закрыв голову руками – так нас учили делать в случае торнадо, – словно мир собирался обрушиться на меня. После аварии Дом с клоунами, большой трехэтажный особняк с видом на город, в котором мы когда-то жили с Тревисом, словно лишний раз указал мне на то, насколько моя жизнь вышла из-под контроля. Насколько я не уверена в собственном будущем. Как финансово не защищена.

Я упала на колени перед унитазом и сделала вдох, считая до пяти, прежде чем выдохнуть. Одновременно я сворачивала треугольником кончик туалетной бумаги – один уголок, потом другой, пока треугольник не будет ровным. Закончив, я потянулась рукой к своей коробке за желтыми резиновыми перчатками. Из них на пол посыпались осколки стекла.

Слезы заволокли мне глаза. Туалет, который только что казался мне надежным укрытием, теперь напомнил кузов грузовика, в котором прессуют мусор. Я схватилась за ручку двери и распахнула ее, ловя ртом воздух. Из моей груди вырвался животный стон, а потом рыдания. Днем раньше Джейми, забирая Мию возле причала, пронзил меня многозначительным взглядом; он прилетел туда, явно ощущая себя супергероем, спасающим свою дочь от злой ведьмы, которая ее едва не убила. Мия начала плакать, протягивая ко мне руки.

– Нет, любимая, – сказал он, – тебе лучше пойти со мной.

И потом этот взгляд.

Я сидела на полу возле душа, упираясь лбом в колени, и гладила рукой пушистый коричневый коврик. Звук лопающегося стекла по-прежнему отдавался у меня в ушах, заставляя сжиматься все в груди. *Я на работе*, – говорила я себе. – *У меня нервный срыв, а я на работе.*

Внутри перчаток тоже были осколки стекла. Я вытряхнула их и надела перчатки, но слезы слепили меня, поэтому я снова их стащила и закрыла ладонями лицо в попытке спрятаться.

Потом достала телефон и нажала кнопку с домашним номером Пэм.

– Я плачу и не могу остановиться, – сказала я. – Пэм, я не знаю что делать. Слезы не прекращаются.

Я едва могла дышать.

– Стефани? Что с тобой? Ты где?

Она говорила так обеспокоенно, по-матерински, что я зарыдала еще сильнее.

– Я... тут... – пробормотала я, прижимая ладонь к губам, чтобы не заставлять ее это слушать. Я не помнила фамилии владельцев. – В большом доме с клоунами.

– У Гаррисонов? – переспросила она.

– Ага, – кивнула я. Кажется, именно так их звали. – Убираю сегодня нижний этаж.

По моему голосу могло показаться, что я бегу.

– В моих вещах осколки стекла. Мию всю засыпало осколками. Она могла погибнуть.

– Ясно, – сказала Пэм и сделала паузу, словно подбирая слова. – Ты же не могла знать заранее... говорят, люди отвлекаются, глядя на

объекты, мимо которых проезжают... но ты же не знала об этом, когда там припарковалась, правда?

Я подумала о том водителе, который, наверное, писал СМС, или прикуривал сигарету, или отвлекся еще на что-то – вдруг он смотрел на меня, склонившуюся над разделительной полосой? Что, если я стала тем самым объектом, на который он отвлекся?

Пэм знала о моей финансовой ситуации. Знала, как мне нужны эти часы, что я не могу себе позволить их пропустить и не получить оплату. В то утро она выслушала мой рассказ о том, каково это – садиться после аварии за руль. О том, как дрожали мои руки, как мне пришлось снова проезжать то самое место, как я старалась не смотреть на черные следы шин и осколки стекла на краю дороги, но все равно увидела их. В тот день мне надо было убрать только один дом. Но я не могла этого сделать.

– Почему бы тебе не взять выходной? – мягко предложила она, когда я закончила. – На сегодня и на завтра тоже.

– Завтра я уже смогу работать, – возразила я. На завтра у меня был только Фермерский дом. Также, конечно, не шутки. – Я справлюсь. – Я сказала это больше для себя, чем для нее. – Может, разве что сегодня. Тогда я попробую дозвониться до страховой компании и составить какой-то план. Разобраться в ситуации, – сказала я, чувствуя немного больше уверенности в себе.

– Хорошо, – ответила Пэм. Мне показалось, она улыбается. – А потом возвращайся к работе. Это тебе надо, не мне. Тебе же будет хуже, если станешь так расклеиваться. – Она сделала паузу. Я услышала в трубке звуки телевизора. – Ты сильная. Полагайся на себя, – добавила она.

Вот только очень трудно было поверить, что во мне еще остались силы.

Повесив трубку, я вздохнула, не осознавая, как сильно мне требовалось хоть какое-то сочувствие. Днем раньше мой отец накричал на меня по телефону, потому что я написала об аварии на Фейсбуке. Он сказал, что теперь кто угодно сможет увидеть фото моей разбитой машины и использовать эту информацию против меня.

– Мой профиль открыт только для друзей, – ответила я, раздраженная его паранойей и задетая тем, что только это его и обеспокоило. – Я имею право общаться с людьми, папа.

– Вот только не обязательно все им выкладывать, – выкрикнул он. – Ты понимаешь, что страховая может решить, что виновата ты? Ты вообще об этом подумала?

Естественно, он не понимал, как я в тот момент нуждалась в поддержке – пусть даже в виде комментариев, оставленных под фото, от людей, находящихся от меня за тысячи миль.

– Да, папа, – мягко произнесла я. – Да, я об этом подумала.

Я замолчала, слушая, как он затягивается сигаретой и выпускает дым. Мне хотелось, чтобы он пригласил меня куда-нибудь сходить, предложил угостить пиццей. А вместо этого – новые нотации.

– Ну ладно, папа. Мне пора.

Я обратила внимание, что он не сказал мне, что любит, прежде чем попрощаться. Что ж, я этого не сказала тоже.

Вместо того чтобы поехать домой, я заскочила на свалку, куда отвезли мою машину. Четки из бусин со стеклянными цветами по-прежнему болтались на зеркале заднего вида. Я забрала свою термокружку, подаренную подругой, в которую точно помещались две порции эспрессо. Отклеила стикер «Девчонки с Аляски круче всех» с заднего стекла. Сделала несколько фотографий разбитого багажника «Руби», изуродованного до неузнаваемости. Угол его вдавился внутрь, туда, где находилась крышка бензобака, и теперь она болталась, не закрываясь, словно отогнутый край фольги.

Я провела рукой по заднему стеклу, где начиналась крышка багажника и куда не доставал дворник. Глаза мои закрылись, голова опустилась. Честное слово, я чувствовала ее боль!

Эта машина, словно броня, спасла мою девочку от гибели, а теперь ее разберут на запчасти, а остатки расплющат.

– Спасибо тебе, – прошептала я.

После обеда я сидела у себя на кровати, глядя в серое небо, грозившее вот-вот разразиться ливнем. Во вторник было жарко и солнечно, но теперь вернулась обычная холодная влажность, характерная для осени в штате Вашингтон. Хорошо еще, нам не пришлось тогда стоять на дороге под проливным дождем. Я не могла поверить, что авария случилась каких-то два дня назад.

Я мерила шагами свою студию, прижав к уху телефонную трубку, и слушала обрывки классической музыки. Полицейский позвонил сообщить мне, что у второго водителя была минимальная страховка,

так что мне следовало как можно скорее связаться с его страховой компанией.

– Просто отправьте мне номер двигателя вашей машины, а мы перешлем вам чек, – сказала сотрудница страховой через несколько томительных минут ожидания. – За пропущенные рабочие часы мы выплатим компенсацию тоже. А также за аренду машины на это время и перевозку вашей на аварийную стоянку. Стоимость ремонта или выплату ущерба мы осуществим на следующей...

– Подождите, – перебила ее я. – Получается, я не виновата? Вы берете ответственность на себя?

– Да, – ответила она. – Ответственность за аварию мы берем на себя полностью. Вы съехали к разделительной полосе, включили аварийный сигнал, машина была припаркована. Вашей вины в происшествии нет.

Голос ее казался таким искренним. *Я не виновата! Не виновата! Я* и сама начала в это верить.

Став матерью, я большую часть времени ощущала себя в подвешенном состоянии, словно не осмеливалась нащупать под ногами твердую почву, опасаясь тут же лишиться ее. Каждый раз, когда у нас появлялось что-то свое – стены, потолок, крыша над головой, – я ждала, что мы вот-вот все потеряем. Моей задачей было пережить новый крах, отряхнуться и опять браться за дело. Поэтому я приняла решение доверять своей интуиции и, возвращаясь на работу, предупредила Пэм, что смогу убрать только один дом. После того как я завезла Мию в детский сад, добралась до первого дома и сделала там уборку, даже мысль о том, чтобы ехать куда-то еще и снова работать, повергла меня в дрожь. Я была полностью вымотана.

Вернувшись в Дом с клоунами две недели спустя, я затащила свое добро вверх по лестнице, мимо их всевидящих глаз, в хозяйскую ванную. Там имелись две раковины, стоячий душ размером с парадный обеденный стол и ванна с гидромассажем на специальном подиуме. Увидев эту ванну, я застыла на месте. Мне так хотелось почувствовать себя в уюте и тепле. Я забралась в нее, села, перекинув одну ногу через борт, и набрала номер своего адвоката. Мне надо было понять, как выбраться из финансовой ямы, в которую авария меня повергла.

Я рассказала адвокату все о происшествии и о том, что обещала покрыть страховая, но сумма, которую они предлагали мне за машину, едва компенсировала долг, оставшийся за мной по рассрочке. Машина требовалась мне немедленно. Он научил меня несколькими ключевыми фразами, которые могли мне пригодиться в разговоре со служащей, занимавшейся моим делом. Когда я позвонила ей пару часов спустя, голос у меня немного дрожал, но фразы эти были заучены наизусть.

– Психологически мы с дочерью очень сильно пострадали из-за аварии, – сообщила я, стараясь, чтобы мои слова не прозвучали так, будто я читаю по бумажке. – Она не спит по ночам и сильно вздрагивает при любом шуме.

Я рассказала, как Мия подпрыгивает, когда наш сосед заводит мотор, как она пугается и даже прибегает ко мне в слезах. Я упомянула о собственном потрясении, о том, как теперь не могу справиться с обязанностями, которые раньше выполняла играючи.

– С учетом эмоционального потрясения, которое мы перенесли, из-за последствий стресса после аварии и недостатка финансов на приобретение другого транспортного средства, мы оказались в очень тяжелой ситуации.

Я сделала глубокий вдох.

– Нам обоим потребуется лечение. Мне нужна психотерапия, возможно, и медикаменты. Мие также требуется помощь. Естественно, я не могу себе позволить оплачивать ее, особенно с учетом расходов на новую машину.

Я снова остановилась, чтобы сделать еще один вдох.

– Если ваша компания не собирается компенсировать нам моральный ущерб, я обращусь в суд для установления объема денежной выплаты.

Говоря это, я водила пальцем по бумажке, но на последней фразе моя рука застыла.

Я стояла, дрожа, и ждала ее ответа.

– Я посмотрю, что мы можем сделать, и вам перезвоню, – сказала она.

Через час служащая позвонила с предложением: страховая компания полностью выплатит мой долг по рассрочке и переведет мне тысячу долларов в счет новой машины, плюс упущенную выгоду – то

есть зарплату. Я постаралась держаться невозмутимо, пока прощалась с ней, но, повесив трубку, расплылась в улыбке. Так я не улыбалась уже очень давно.

Я уже несколько дней изучала объявления на местном сайте в поисках подходящей машины, но достойных предложений за 1200 долларов мне не попадалось. Наконец, одно нашлось. Продавалась маленькая «Хонда Сивик». 1983 года. Голубая. Тревис повез нас с Мией на нее посмотреть. Пожилые супруги, владевшие магазинчиком автозапчастей, вложили несколько сот долларов, чтобы подновить ее для своего племянника. Они отремонтировали двигатель, заменили тормоза и поставили новые шины. Племянник, однако, решил, что она ему не нужна, поэтому машину решено было продать. Машина работала с мурлыкающим звуком. У нее была ручная коробка передач. У супругов до сих пор сохранились документы, которые они подписали, когда они ее покупали – новую, в автосалоне. Я предложила 1100 долларов. Они согласились. Мы с Мией назвали ее «Перл» – жемчужина. Определенно, она привнесла некоторый блеск в нашу унылую жизнь.

«Перл» достойно справлялась с нашими ежедневными поездками, и от облегчения, что она у нас появилась, мой уровень стресса заметно упал. Рабочий график у меня, к счастью, по-прежнему был забит, что также меня отвлекало от тяжелых мыслей. Если выдавались свободные полдня, я брала заказ от частного клиента. Я стала размещать объявления об уборке в местных группах «мамочек» на Фейсбуке, отказавшись от онлайн-доски, поскольку оттуда поступало слишком много запросов на уборку голышом или в костюме сексуальной горничной. Когда это случилось впервые, мужчина объяснил: он просто хотел доставить мне удовольствие. Как будто сама уборка не была достаточно унижительной!

Заплатив за бензин, который уходил, чтобы доехать до работы, я получала от «Классик Клин» за один заказ меньше половины того, что зарабатывала в час у частных клиентов. Отменив уборку в Доме На Выходные, я перестала брать клиентов, до которых требовалось добираться дольше сорока пяти минут, в том числе и частных. Но на одном заказе Лонни все-таки настояла.

– Это того стоит, – сказала она. – Они правда очень приятные.

Новые клиенты жили в большом доме, построенном по индивидуальному проекту из дерева и камня. Я убирала там всего несколько раз и называла его Любовным домом. Чтобы туда попасть, надо было долго петлять по дороге, окруженной вечнозеленой живой изгородью. Дом стоял на вершине холма, и оттуда открывался вид на сельские уголья в долине. Хозяева во время уборки находились дома. На холодильнике и на полках стояли фотографии их дочери и внучки. Спальня рядом с кухней постоянно была готова к их приезду.

Муж встретил меня у двери и помог внести вещи. Лохматый лабрадор, размахивая хвостом, обнюхал мне ноги. Я сняла туфли и улыбнулась жене, которая приветствовала меня из своего кресла – она его редко покидала. Лонни, рассказывая мне историю Любовного дома, сказала, что муж заботился о ней круглосуточно с тех пор, как она заболела. Наверное, у нее был рак или еще что-то серьезное, возможно, смертельное. В гостиной постоянно работал телевизор: она смотрела по нему *Доктора ОЗ* или программы по дизайну интерьера. Стоило ей заговорить, как муж тут же бросался приглушать звук. Я с трудом понимала ее речь – жена говорила очень тихо и невнятно. Муж всегда кормил ее обедом, а потом относил в ванную на первом этаже.

Вместе они много путешествовали, предпочтя отложить появление ребенка на потом. В гостиной у них стояли тамтамы, деревянные статуэтки, слоники из камня и книги по горному туризму. Если муж рассказывал что-нибудь об этих поездках, то всегда ласково спрашивал жену, помнит ли она то замечательное время. Если она кивала, то он улыбался с такой добротой и любовью, что я испытывала острый укол жалости к ним.

В первый раз, работая в том доме, я немного задержалась. Кухню и ванную тщательно не убрали уже довольно давно, так что потребовалось время, чтобы все как следует оттереть. Когда я закончила, надела куртку и подошла попрощаться с хозяйкой, она подозвала меня поближе и взяла за руку, а другой рукой вложила мне в ладонь десятидолларовую купюру.

– Это больше, чем я зарабатываю в час, – сказала я, сама удивляясь тому, что делюсь этой информацией. – Почти в два раза больше.

Она улыбнулась, и я, развернувшись, двинулась к двери, пробормотав под нос слова благодарности. Прежде чем уехать, я

остановилась на пороге, оглянулась на нее и сказала:

– Ура, сегодня вечером куплю Мие «Хэппи Мил»!

Мы с ней обе улыбнулись и прищелкнули языками.

Муж настоял, чтобы я загнала машину в их гараж и там укладывала вещи в багажник, потому что на улице лил дождь.

Мы загрузили мою тележку, чистые тряпки и мешок с использованными, которые в выходные мне надо было постирать. Потом он поманил меня в глубь гаража.

– В последнее время у нас редко бывают гости, – сказал он и протянул мне лакомство, чтобы я угостила их пса. Стараясь не покраснеть от того, что меня назвали гостьей, я что-то сказала насчет мотоцикла, стоявшего у задней стены. Он улыбнулся и ответил, что дочь приезжала к ним на неделю этим летом, так что у него появилась возможность отправиться в ежегодное путешествие на мотоциклах по побережью со старыми друзьями.

Мы с ним немного постояли молча, словно обмениваясь немymi репликами. Я хотела спросить его про жену, про то, как они жили раньше, как им удалось пронести счастье и мир через всю жизнь. Вместо этого я сказала, что тоже хотела бы поехать в путешествие.

– Пускай всего на день или на два, все равно было бы здорово, – неожиданно для себя самой выпалила я.

В разговорах с клиентами я никогда не упоминала о том, какой у меня напряженный график и сколько таких вот домов мне приходится убирать, чтобы хоть что-то заработать.

– Правда? – спросил он с искренним интересом. – И куда бы вы поехали?

– В Миссулу, штат Монтана, – ответила я, глядя собаку и думая о том, что Мия тоже хотела бы завести такую. – Я сама с Аляски. Очень люблю те края.

– Неудивительно, – сказал он, улыбаясь. – Такая красота! Широкое небо. Правду говорят, что небо там шире всего.

Я тоже улыбнулась, позволив этой картине, этой мечте, овладеть мной.

– Надеюсь, нам выпадет шанс там побывать, – сказала я.

Он кивнул, а потом велел мне поторопиться за моей маленькой девочкой. Выезжая задним ходом из гаража, я помахала ему рукой. Побывав в этом доме, я поняла, что там жила любовь в своей

истинной форме. Ее было столько, что она выплескивалась из открытых гаражных дверей.

Этот дом был в моей жизни аномалией. Я вздыхала, вспоминая о нем, пока ехала к себе. По будням меня окружало отупляющее одиночество. Я постоянно была одна – за рулем, на работе, ночью за столом, корпя над домашними заданиями. Исключение составляли два часа с Мией по вечерам, пока мы ужинали, я ее купала и читала сказку перед сном. Моя наставница в местном университете посмотрела на меня широко распахнутыми глазами, когда я сообщила ей, что являюсь матерью-одиночкой и работаю полный день.

– По сути, то, что вы пытаетесь сделать, практически невозможно, – ответила она, оценив учебную нагрузку, которую я на себя брала вдобавок к остальным обязанностям. После нашей встречи я долго сидела в машине на парковке, не заводя мотор.

Однако учеба меня не слишком тяготила – просто казалась скучной. Надо было пройти базовые курсы, например, математику и естественные науки, которые требовались для получения любого высшего образования. Часть предметов, которые я уже изучала, мне перезачли, но физкультуру и коммуникативные навыки мне пришлось проходить снова – причем, что особенно смешно, сидя на стуле и в полном одиночестве.

Если я не успевала выполнить все задания в будни, то занималась ими по выходным, пока Мия была у Джейми. Иногда я забежала вперед. Предметы смешивались у меня в голове. Антропологию я учила вместе с природоведением и забывала все выученное, как только сдавала онлайн-тест. Мне казалось, я бессмысленно трачу на учебу время и деньги. До конца оставалось еще так долго. И я даже не знала, что это будет за конец. Знала только, что для того, чтобы до него добраться, надо сдать очередную контрольную – про названия разных облаков. Ну и что-то наврать про мои физкультурные достижения.

В долгие выходные без Мии, обложившись заданиями, я сидела за круглым столом у нас на кухне и подолгу смотрела в окно. Окна запотевали, и я по нескольку раз в день протирала их, думая, что разница между «внутри» и «снаружи» – это всего лишь пара градусов да старое кривое стекло.

В сезон туманов я вела нескончаемую битву с черной плесенью, от которой мы с Мией постоянно болели. У Мии вечно текло из носа. Я кашляла так, словно работала в шахте, иногда до тошноты. Один раз, ударившись в панику после попытки поставить себе диагноз, изучив симптомы в Интернете, я поехала в «Скорую помощь». Миндалины у меня до того распухли, что я не могла повернуть голову, и я решила, что подхватила менингит. Две недели спустя мне пришел счет на 200 долларов за пятиминутный осмотр у врача. Я позвонила в бухгалтерию больницы и обрушила на них свой праведный гнев, уже готовая вообще не оплачивать счет – пускай обращаются в суд. Однако, ответив на несколько вопросов, я убедила их уменьшить сумму – оказывается, существовала специальная программа для малообеспеченных пациентов. Надо было просто позвонить и спросить. Меня всегда поражало, что о таких возможностях никто не предупреждал. На счете было напечатано: информация о возможных вариантах платежа по телефону, – но ничего не говорилось о скидке в 80 %.

Погода, заставляющая вас сидеть в помещении, заставляет одновременно обращать больше внимания на то место, которое вы называете домом. Я размышляла о своих клиентах, которые жили одни. Представляла, как они ходят по пустым комнатам, где на полу еще видны следы от пылесоса. Не хотела бы я закончить, как они. Жизни моих клиентов, дома, ради которых они столько работали, больше не были моей мечтой. Но хотя для себя я о подобном не мечтала, все-таки, в глубине души, проходя с пылесосом по розовым спальням с цветами и куклами, признавалась себе, что отчаянно желала бы такую для своей дочки. А иногда гадала, не теряют ли члены семьи друг друга в анфиладах комнат с видеоиграми, компьютерами и телевизорами.

Студия, в которой мы жили, несмотря на все минусы, была нашим домом. Мы не нуждались в двух с половиной ваннах и гараже. К тому же я прекрасно знала, как нелегко поддерживать в них чистоту. Несмотря на сложную ситуацию, по утрам я просыпалась в доме, полном любви. Я была там. В этой маленькой студии. Смотрела, как Мия танцует и строит рожицы, и наслаждалась каждой секундой. Это пространство стало нашим домом, потому что там мы жили в любви.

Натюрморт с Мией

На улице становилось все холоднее, и по ночам я лежала, глядя в потолок и в тревоге кусая губы всякий раз, когда слышала потрескивание напольного обогревателя. Чтобы не мерзнуть, мы с Мией спали вместе в моей узкой полуторной кровати. Я завешивала окна одеялами и простынями, пытаясь защититься от стылых сквозняков. Когда трава возле дома и оконные стекла перестали оттаивать от инея, я закрыла раздвижные стеклянные двери на бывшую террасу, и теперь мы жили в своей тесной гостиной, совмещенной с кухней, которая по размерам была не больше гостевых спален или кабинетов в домах, где я убирала. По вечерам я раскладывала двухместный диванчик, чтобы спать с дочкой вдвоем. Мия по нему радостно скакала, говоря, что это похоже на ночевку в гостях. Хотя на диванчике было больше места, чем в моей кровати, она все равно старалась прижаться ко мне сзади и обхватить рукой за шею; ее дыхание грело мне спину между лопаток. По утрам, когда мой будильник начинал жужжать и пищать в темноте, я переворачивалась на спину, чтобы потянуться. Мия обнимала меня и гладила рукой по щеке.

В одну из ночей после Рождества зимний дождь вдруг превратился в снежинки размером с монету, которые покрыли всю землю пушистой пеленой. Мы с Мией долго не ложились спать, зная, что на следующий день все равно никуда не сможем поехать, и любовались снегом. Мия натянула теплый комбинезон и, в свете уличного фонаря, рисовала на земле снежных ангелов, пока я проверяла, какой толщины снег на крыше «Перл» – почти семь сантиметров. Таких снегов я не видела с тех пор, как мы жили на Аляске.

На следующее утро Пэм позвонила мне и велела сидеть дома. Она не хотела рисковать, зная, что я неизбежно застряну где-нибудь по пути от одного клиента к другому. На северо-западе штата жизнь замирала, даже если снега выпадало совсем чуть-чуть. На шоссе под окнами нашей студии совсем не было машин – разве что парочка, припаркованных и брошенных хозяевами, жившими неподалеку.

Мия подхватила рано и, не обращая внимания на то, что ее комбинезон еще не просох после вчерашнего, спросила, когда мы

опять пойдём гулять. Моя бывшая учительница, которая жила по соседству, оставила мне на Фейсбуке сообщение с вопросом, не пригодятся ли нам санки. Она писала, что у нее есть одни, в отличном состоянии, с веревкой и всем прочим, и обещала оставить их для нас на крыльце. Когда я рассказала об этом Мие, она начала скакать, как сумасшедшая, спрашивая: «Можно сейчас? Можно мы пойдём прямо сейчас?» Я заколебалась. Если я о чем и мечтала в тот момент, так это о мягком диване, чтобы на него улечься, паре десятков кружек чая и шерстяных носках, а если дать волю фантазии – то еще и о пламени в камине, перед которым можно читать книги, и собаке, свернувшейся у моих ног.

– Туда далеко идти, – сказала я дочке, зная, что ей все равно. Я могла сказать, что идти придется весь день – ее восторг никуда бы не делся. Поход вверх по холму в снегу, достигающем чуть не до колен, в ее три года казался отличным приключением. Большую часть пути мне пришлось тащить ее на себе. Подойдя к дому, где на крыльце нас ждали, словно приз, обещанные санки, я остановилась и посмотрела на город, укутанный снежным одеялом и погруженный в тишину.

Утро мы провели на улице: я катала ее на санках, пока она лежала на них на животе и пригоршнями заталкивала в рот снег. С холма я видела, что по главным улицам ездят снегоуборочные машины, и думала, доберутся ли они до нас. Дом, в котором мы жили, стоял в нижней точке дороги. Куда бы я ни поехала, двигаться пришлось бы вверх. Колеса «Перл», с учетом ее миниатюрности, по размеру были едва ли больше, чем у игрушечной тачки, в которой я иногда катала Мию по двору. У меня не было ни зимних шин, ни даже цепей, и купить я их тоже не могла.

После того, как весь день снег таял на солнце, к вечеру температура опять упала и на завтра не поднялась. Наша дорога превратилась в сплошной каток. Я смотрела, как мои соседи пытались выехать на своей машине на шоссе, но у них ничего не вышло. Пропадал еще один рабочий день. Может, попробовать пропустить в этом месяце платеж по кредитной карте или взять деньги из оставшегося кредита, положить на банковский счет и сделать платеж с него? Прошло уже полмесяца, большинство счетов я успела оплатить, но зарплаты можно было ждать не раньше чем через две недели, а к

тому времени появятся новые счета. Зарплата же, с учетом пропусков, будет долларов на сто меньше.

Большую часть этих снежных дней мы провели в своей гостиной-кухне. В спальне было чересчур холодно: мы смотрели на заиндеветшие окна через закрытые раздвижные двери, и Мия надевала теплую куртку, чтобы выскочить в спальню за игрушкой. Телевизор принимал только местные каналы, поэтому она раз за разом прокручивала свои любимые DVD. От мультлика, где Хэллоу-Китти с ее писклявым голоском была волшебной балериной, у меня уже голова шла кругом. Мы решили выключить телевизор и взялись за акварель.

Мия рисовала, а я сидела с ней рядом и читала вслух. Нам редко удавалось проводить время вдвоем – обычно только по выходным, когда она не уезжала к отцу. Денег на развлечения у нас не было, так что мне приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы как-то занять свою подвижную и сообразительную дочку. В дождливую погоду мы не могли пойти ни в Детский музей, ни в игровую «Макдоналдса», чтобы дать выход ее энергии. В погожие деньки не веселились в зоопарках или на водных аттракционах.

Мне достаточно было оказаться на дорожке позади гуляющей супружеской пары, чтобы устыдиться своего одиночества. Я разглядывала их со спины – в нарядах, которые я никогда не смогу себе позволить, со специальными детскими сумками, подвешенными к ручкам дорогих колясок. Я никогда не говорила таких же слов, как они: «Милый, можешь подержать это?» или «Ой, возьми ее на минутку». Они могли передавать ребенка друг другу. Мне же приходилось раз за разом говорить Мие, что ей надо идти ножками, потому что руки у меня устали и я больше не могу ее нести.

В тот первый снежный день я постаралась приглушить мои настойчивые внутренние голоса и мысли о том, что Мие было бы лучше с кем-то другим, что я совершила ошибку, решив родить ребенка. Подперев подбородок рукой, я сидела с ней рядом, наблюдая, как дочка рисует очередную улыбающуюся рожицу. Обе мы были в теплых свитерах и двух парах носок. В воздухе пахло морозом.

У меня болело сердце сильнее, чем даже в те моменты, когда я видела, как ей тяжело кочевать между домом отца и моим. По воскресеньям я тратила на дорогу по три часа, чтобы привезти Мию обратно, и это всегда приносило тяжелейший стресс и переживания

нам обеим. В прошлом году, когда я забирала Мию после обеда, почти всю дорогу домой она спала, измученная бесконечными походами с отцом по друзьям, которым он старался показать, как заботится о ней. Потом она начала плакать по Джейми, отчего у меня разрывалось сердце и одновременно закипала злоба в груди. Никогда я так не жалела о своем решении остаться в Вашингтоне, как в эти вечера по выходным. Бедность казалась мне тогда болотом, которое засасывало нас и отказывалось отпустить.

В последнее воскресенье перед снежной бурей Мия кричала на меня весь обратный путь: все полтора часа от паромного причала до нашей с ней квартиры. Я не знала, что произошло у них с отцом и что он ей наговорил, чтобы она так рассердилась. Она кричала тем же гортанным, каким-то животным голосом, как тогда, после операции.

– Ненавижу тебя! – повторяла она, молотя в воздухе ногами. – Я тебя убью! Хочу, чтобы ты умерла!

Ее отец пользовался любой возможностью настроить дочку против меня: говорил, что я не пускаю ее к нему и что он очень грустит, когда ее нет с ним дома. Если бы он действительно хотел проводить с ней больше времени, ему достаточно было сказать. Он даже не подумал обустроить для нее отдельную комнату. Но она этого не знала. Он лишь хотел, чтобы она стремилась к нему. Чтобы плакала без него. Когда Мие был годик, она возвращалась ко мне безутешной, и я часами держала ее на руках, бившуюся у меня в объятиях от злобы и тоски, в слезах и крике, пока у нее не срывался голос и не заканчивались последние силы. Все, что я могла сделать, – это продолжать ее держать, отчаянно желая, чтобы она никогда больше так не страдала.

Вечером снежного дня, словно оказавшись внутри стеклянного шара, я наслаждалась, сидя с чашкой чая или кофе, напротив дочки за столом, пока она, напевая себе под нос, макала кисточку в краски. Мия была слишком мала, чтобы выразить словами чувство потери, грусти, одиночества, тоски или злости, но от осознания этого мне не было легче в моменты, когда дочь выходила из себя. Инстинктивно я хватала ее в объятия, но она начинала лягаться и кричала еще сильнее. Иногда я начинала кричать на нее в ответ. Стены в нашей квартире были тонкие, и соседи наверняка все слышали. В такие моменты я просто не знала, что делать. Мне не к кому было

обратиться, не было родителей, чтобы им позвонить, не было консультанта или психотерапевта, на худой конец – группы поддержки для мам, чтобы посоветоваться. Я ждала, что моя дочь проявит стойкость и научится справляться с тем, как родители передают ее из рук в руки, но вместо этого она закатывала истерики. Как расценила бы «домашняя» мама, чей ребенок скандалил по совсем другим, обычным, поводам, эту ее злость?

Не то чтобы я не пыталась общаться с другими родителями. В ту осень в подготовительном классе Мии устроили что-то вроде семейной вечеринки, и я достаточно долго на ней пробыла. У большинства детей, посещавших класс вместе с ней, были родители – во множественном числе. Они столпились вокруг Бабушки Джуди, наслаждаясь оживленной беседой. Мия бегала туда-сюда с другими ребятами, а я стояла одна; рядом со мной какие-то женщины жаловались друг другу на своих мужей. Я повернулась глянуть на них, и они поняли, что я все слышала.

– Так тяжело все делать самой! – сказала мне одна из них – та, что слушала жалобы подруги.

Я кивнула, кое-как принудив себя улыбнуться.

– А вы, Стефани, – сказала вторая, – мать-одиночка, правда же? Моя подруга только что пережила кошмарный развод – ужас, как нелегко ей пришлось! Вы не знаете какую-нибудь организацию, где могут помочь?

– Хм... конечно, – выдавила я, нервно стреляя в разные стороны глазами. Три женщины стояли вокруг стола рядом с нами, держа в руках тарелочки с морковными палочками и кусочками брокколи с соусом «ранч». Теперь они все повернулись ко мне. Официальной матери-одиночке. Я пробормотала названия пары служб по дотациям на продукты и оплату яслей.

Одна из мамаш, невысокая дама с темными подстриженными волосами и круглым лицом, фыркнула и высоко задрала подбородок.

– Когда Джека в прошлом году уволили, – сказала она, – нам всем троим пришлось переехать к моим родителям. Помнишь?

Она толкнула локтем в бок женщину, стоявшую рядом с ней.

– В той комнатке даже кровать Джилли некуда было всунуть, пришлось ставить прямо к стене. Мы были словно бездомные. Бездомные!

Подруга говорившей кивнула, сделав печальное лицо.

– Хорошо еще, мы кое-что отложили на черный день.

Вторая мамаша кивнула тоже. Все они повернулись ко мне, ожидая ответа. Я посмотрела на тарелку Мии с чипсами и размокшим хот-догом, которую она сунула мне в руки. Мы с ней не принесли никакого угощения, поэтому я сама решила не есть. Я понятия не имела, что говорить. Что они бы сказали, увидев комнату, в которой нам с Мией приходилось жить? Я не могла дать ей дом и хорошую еду, я принимала любую помощь, чтобы продержаться. Самым неприятным в зависимости от государственных дотаций было то, что они превращались в штрафы, стоило нашей жизни немного наладиться. Если я превышала нижнюю планку доходов хоть на пару долларов, то теряла сотни в виде пособий. Из-за работы с почасовой оплатой я должна была подавать отчет о зарплате каждые несколько месяцев. Заработав на 50 долларов больше, я лишалась такой же суммы из дотации на детский сад. Иногда мне не выплачивали ее вообще. Мне не оставляли возможности накопить денег. Система держала меня в тисках, топила, не давая выбраться на поверхность.

Одна из мамочек спросила, о ком идет речь – кто развелся? – и они вернулись к своим сплетням, а я смогла потихоньку сбежать.

Может, они чувствовали себя не лучше, чем я. Может, в браке они ощущали даже большее одиночество. Может, все мы хотели чего-то и уже лишились надежды это обрести.

Я думала о приступах гнева у Мии, о том, что едва не потеряла ее в той аварии, о том, что мы ходим дома в куртках, потому что у нас нет денег на отопление. О том, как все выходные без Мии я чистила сортиры и драила полы.

В ту зиму я приняла еще одно решение и начала вести онлайн-дневник в другом формате. До этого я писала в основном о трудностях, с которыми нам приходилось сталкиваться, поскольку не знала, где еще могу о них рассказать. Время от времени там проскакивали описания моментов счастья, красоты и радости, которые бывали у нас Мией. Я решила отныне сосредоточиться на них, изменив тему блога, и назвала его *Натюрморт с Мией*. Мне хотелось уделять больше внимания таким мгновениям, как сейчас, когда я сидела за столом, погружившись в собственные мысли, и

смотрела, как она рисует, чтобы потом легче восстанавливать их в памяти.

Этот блог стал тем светлым пятном в моей жизни, о котором я мечтала, выходом для слов и фотографий, способом справляться со стрессами и страхами и фокусироваться на том, что я больше всего любила, – на моей дочери и на писательстве. Я фотографировала Мию, пока она, восхищенная, познавала мир. В такие минуты меня охватывало чувство, что я справляюсь даже лучше, чем хотела бы.

Не о такой жизни для нас я мечтала, но пока это было все, что я могла предложить. *Так будет не всегда!* Я повторяла себе эти слова, чтобы чувство вины за наше жилье, за то, что у моей дочери многого нет – ни своей комнаты, ни обильной еды, – не поплотило меня с головой. Я мечтала, чтобы у Мии был дом с просторным двором и террасой, с дорожкой, чтобы прыгать на ней в классики. Мия говорила, что хочет песочницу и качели, как в подготовительной школе, когда мы играли с ней в «дом нашей мечты». Мы представляли, где хотели бы жить, чем заниматься, и эта игра увлекала ее не меньше, чем меня.

Мы находились в самом начале пути. На старте. Сидя за тем столом, я чувствовала, что время будто остановилось, пока Мия проводила по бумаге своей кистью. Мы были в тепле. У нас был дом, друг у друга были мы, и нас связывала глубокая и сильная любовь. Нам приходилось бороться, справляться, сводить концы с концами и все начинать заново, но я все равно не забывала остановиться и сделать глубокий вдох, наслаждаясь редкими мгновениями красоты и покоя.

В тот вечер позвонила Пэм, и я разговаривала с ней, по-прежнему сидя за столом и глядя в окно на снег.

– Ты сможешь выехать? – с надеждой в голосе спросила она.

– Я уже пыталась, – ответила я, поднимаясь на ноги, чтобы посмотреть через остекление нашей запертой сейчас спальни на улицу. – Выкатилась с парковки на дорогу и забуксовала.

Я покачала головой, вспоминая жизнь на Аляске.

– Сосед вышел: хотел помочь мне закатить машину обратно на парковку, но ничего не вышло.

Я поскребла пальцем иней на стекле. «Перл» так и осталась на дороге, разве что мы немного сдвинули ее к обочине. Говорили, что

холод продержится еще день или два. Хотя главные трассы расчистили, большинство моих клиентов жило среди леса или на холмах. Застрянь машина где-нибудь, и я не смогла бы вовремя приехать за Мией, а попросить ее забрать было некого.

На мгновение я подумала, не собирается ли Пэм уволить меня за то, что я не могу работать. Раньше я никогда не пропускала столько дней кряду, но эта история говорила явно не в мою пользу. Тем не менее сейчас мне было все равно. Я ненавидела эту работу, хотя полностью зависела от нее. Ненавидела, что она мне так нужна. Ненавидела, что должна быть за нее признательна.

– Я что-нибудь придумаю, – сказала я Пэм.

– Уж постарайся, Стефани, – ответила она, и мы попрощались.

Я соскребла еще иней с оконного стекла. Мия снова включила телевизор. При каждом выдохе у меня изо рта вырывались облачка пара. Когда я попыталась отодвинуть несколько ее мягких игрушек от окна, оказалось, что их мех примерз к стеклу.

Начинало темнеть. Я решила приготовить Мие блинчики на ужин и добавить к ним шарик мятного мороженого с шоколадной крошкой. Себе я заварила лапшу с двумя крутыми яйцами и остатками замороженных брокколи. Мия забралась в ванну, а я сделала запись в новом блоге и загрузила фотографии с нашей прогулки за санками. На них щеки у Мии покраснелись, а волосы выбивались из-под шапки, закручиваясь в колечки; она слизывала снег со своей розовой варежки. Вспомнила, как тихо было вокруг, и единственным звуком был скрип наших шагов по снегу.

Мия выстроила на бортике ванны своих Маленьких Пони, полученных в подарок от подружки.

– Я хочу вылезти, мама, – позвала она меня.

Я вытащила ее, все еще в пене, покрасневшую от теплой воды, и поставила на полотенце, расстеленное на крышке унитаза. Дочка стала заметно тяжелее. Немало времени прошло с тех пор, как она младенцем лежала у меня на руках.

В тот вечер началась вторая неделя, как мы спали на раскладном диване. Мия опять скакала по нему, радуясь, что будет ночевать со мной, а перед тем мы еще раз посмотрим *В поисках Немо*.

На половине мультика она заснула. Я встала, чтобы выключить нагреватель. Я знала, что еще часа три не смогу заснуть, и мечтала о

кружке кофе без кофеина или бокале вина – о чем-нибудь, чтобы согреться. Вместо этого я снова забралась под одеяло и прижалась к теплому тельцу дочки, прислушиваясь к ее дыханию и вздохам. И, наконец, сама провалилась в сон.

Часть третья

Постарайтесь!

– Э-ми-ли-я? – позвала медсестра.

Голова Мии лежала у меня на плече, и я, шевельнувшись, разбудила ее.

– Здесь, – сказала я, вставая и протягивая руки, чтобы подхватить дочь. – Лучше зовите ее Мия.

Женщина предпочла не обращать внимания на то, что я сказала, и на то, что я собиралась взять ребенка на руки. Просто велела нам следовать за ней. Быстро взвесив Мию, она снова усадила нас на стулья.

– Что случилось? – спросила она, глядя в карту, а не на меня.

– Всю последнюю неделю дочка сильно кашляет по ночам, – начала я, пытаюсь припомнить, как долго она уже болеет и сколько раз я отводила ее в детский сад, хотя лучше было бы нам остаться дома. – Думаю, у нее какая-то инфекция или аллергия. Иногда глаза сильно краснеют, и она постоянно жалуется, что уши болят.

Сестра – высокая, с суровым выражением лица – продолжала меня игнорировать, однако теперь вдруг посмотрела на Мию, состроив жалостливую мину.

– Дорогая, у тебя ушки болят? – писклявым голоском спросила она.

Мия кивнула, слишком утомленная, чтобы стесняться или сопротивляться. Она дала сестре измерить температуру и прикрепить пластиковую прищепку себе на палец, чтобы проверить пульс и уровень кислорода в крови. Дальше надо было снова ждать. Я откинула голову назад, прислонившись затылком к стене, закрыла глаза и постаралась не думать о работе, которую пропускаю. Я снова не попала в Дом с цветами, владелица которого так рассердилась из-за переноса уборки, что, по словам Лонни, угрожала вообще отказаться от услуг компании. Мия опять утробно закашлялась. Она была слишком маленькая, чтобы давать ей сироп от кашля, да и все равно я не могла себе позволить его купить. Она просыпалась по ночам, хныча и зажимая руками виски, и кашляла во сне.

Педиатр, открывший дверь в кабинет, был не тот, к которому мы обычно ходили, потому что в то утро я попросила записать нас на

неотложный прием. Эта женщина оказалась маленькой, хрупкой, с темными волосами, подстриженными кружком, как у Мии.

– Итак, – она посмотрела в карту и нахмурилась. – Мия.

Значит, сестра все-таки слышала меня, – подумала я. Узнав свое имя, Мия подняла голову.

– Посадите ее сюда, – сказала врач, похлопав по накрытой бумажной простыней кушетке для осмотров. Она заглянула Мие в лицо, присмотрелась к глазам.

– В каких условиях вы живете?

Я сдвинула брови при этом вопросе, стараясь не обидеться и не оскорбиться. Она могла просто сказать: «Как дела у вас дома?» или «Как вы сами думаете, почему она болеет?» или «Есть ли у вас домашние животные», – а не спрашивать вот так напрямую об условиях нашей жизни. Как будто мы жили в каком-то... потом я вспомнила, где мы жили, и огорченно поникла.

– Мы живем в студии, – мягко начала я, словно признавала, что тут есть подводные камни. Меня пугала мысль, что она может позвонить в службу защиты детей, если я достоверно опишу наши жилищные условия. – Там много черной плесени, она постоянно нарастает на подоконниках. Наверное, это из-за подвала. Там есть вентиляционный ход, он идет к нам в спальню; если туда заглянуть, видно, сколько грязи внутри.

Врач закончила осматривать Мию и теперь стояла, скрестив на груди руки, перед ней. У нее на запястье были часики на тонком черном браслете.

– У нас много окон, – я смотрела в пол. – Воздух очень трудно нагреть и осушить.

– Хозяин квартиры по закону обязан принимать все необходимые меры, чтобы избавиться от плесени, – сказала она, заглядывая Мие в ухо.

– Воспалено, – пробормотала врач себе под нос, покачав головой, словно это была моя вина.

– Он сменил ковры, – сказала я, внезапно вспомнив. – И все покрасил, прежде чем мы въехали. Не думаю, что он станет делать что-то еще.

– Тогда вам надо переехать.

– Я не могу, – сказала я, положив ладонь Мие на ногу. – Другое жилье мне не по карману.

– Ну, – врач дернула головой в сторону Мии, – постарайтесь. Ради нее.

Я не знала, что на это ответить. И просто кивнула.

Я посмотрела на ручки дочери, лежавшие у нее на коленях, с переплетенными пальцами. Они все еще были по-детски пухлыми, а суставы – округлыми. Я думала о том, что ничего не стою, как мать, всякий раз, когда отпирала дверь в наши апартаменты, но это было ничто по сравнению со жгучим стыдом, который я ощущала теперь.

Неся Мию к машине, я не обращала внимания ни на ее тяжесть у себя на руках, ни на волосы, щекочущие мне нос. Педиатр выписала нам новые антибиотики и направила обратно к хирургу, который в прошлом году ставил Мие в уши дренажные трубки.

Когда через пару дней мы явились к нему, нас проводили в кабинет с коричневой смотровой кушеткой, обитой мягкой кожей. Какое-то время мы ждали, а потом хирург ворвался в дверь, снова почти не обратив внимания на нас, и сказал:

– Почему ребенок не готов к осмотру?

Я поднялась, не спуская с рук Мию, которая до этого сидела у меня на коленях, и усадила ее на кушетку.

– Нет, пусть ляжет, – сказал врач, отворачиваясь от нас и копаясь в железных биксах с инструментами.

– Чтобы голова была под лампой.

Глаза у Мии широко распахнулись, и я торопливо сказала:

– Все в порядке, детка, он просто посмотрит твое ушко.

Сложно было придать голосу убедительность, когда хирург стоял рядом, вызывая на подмогу медсестру. Потом он резко обернулся ко мне и испустил недовольный вздох. Сел рядом с кушеткой на вертящийся табурет и мгновенно запустил какой-то инструмент в ухо Мии. Моя дочь, которая до этого не могла заснуть без таблетки ибупрофена и сама прикрывала руками уши, выходя на улицу, зашлась в беззвучном крике. Хирург работал быстро: посмотрел ее ухо, потом отрезал кусочек ватного тампона под размер детского ушного канала, ввел его внутрь и капнул на него из пипетки.

– Вот так, – сказал он. – Надо будет закапывать ей антибиотики, как сейчас сделал я.

– Но она уже принимает антибиотики, – решила я возразить.

– Вы хотите, чтобы ваша дочь поправилась, или нет?

Я не знала, что ответить.

– В прошлый раз, когда я закапывала ей эти капли, у нее закружилась голова, и она упала. Приходилось ее держать и капать одновременно.

– Вы же мать, – сказал врач. Он стоял возле двери и смотрел на нас сверху вниз. Мия снова сидела у меня на руках. – Делайте, что должны.

Врач распахнул дверь, выскочил в коридор и захлопнул ее за собой, так что нас обдало сквозняком. Его слова, как и замечание педиатра, хлестнули меня, словно кнут: я недостаточно стараюсь ради Мии.

Весну в долине Скаджит называют Сезоном Тюльпанов. На полях расцветают желтые нарциссы, фиолетовые ирисы, а местами и крокусы. Проходит несколько недель, и распускаются тюльпаны всех цветов, ковром покрывая землю. Местные говорят, в долине Скаджит тюльпанов больше, чем в Голландии. Десятки тысяч туристов съезжаются сюда, запруживая проселочные дороги и съезды с автострад, заполняя рестораны и парки. Но хотя тюльпанные поля с их полосами красного, фиолетового, белого и оранжевого поражают воображение, в тот год они меня не интересовали.

Сезон Тюльпанов означал конец долгой зимы, но одновременно еще и дожди, сырость и плесень. В апреле осушители воздуха в Доме с цветами работали постоянно, а в спальне появился даже еще один, дополнительный. Я счищала черные пятнышки плесени, постоянно возникавшие на подоконниках, зная, что то же самое мне придется делать дома.

Ночами Мия продолжала кашлять. Когда мы возвращались в студию по вечерам, глаза у нее становились красными и начинали гноиться. Ясно было, что все дело в доме – в доме, который я выбрала, где по вентиляции в нашу квартиру шел сырой воздух, провоцируя болезни.

Хотя я тоже постоянно болела, собственное недомогание мало меня волновало, пока действовали таблетки от аллергии, продававшиеся в аптеке без рецепта. В прошлом году меня проверяли

на чувствительность к аллергенам – тогда мой доход был настолько мал, что мне тоже предоставили Медик-Эйд. Тест показал, что у меня аллергия на собак, кошек, определенные виды деревьев и трав, пылевых клещей и плесень.

– Домашние аллергены, – сказал тогда врач.

Я только начала работать у Дженни, и простуда не проходила у меня несколько недель. Мне выдали ингаляторы и спрей для носа с морской водой. Выехав из трейлера Тревиса – где все стены заросли черной плесенью, а под днищем ночевали бездомные кошки, – я сослужила своему организму хорошую службу, но у меня все равно возникали симптомы аллергии во время уборки в чужих домах, где меня поджидали те самые пылевые клещи, кошачье дерьмо, собачья шерсть и споры плесени.

В Доме кошатницы у меня слезились глаза, тек нос и начинался кашель, не прекращавшийся до тех пор, пока я полностью не сменю одежду и не приму душ. Приезжая туда, я первым делом убирала в хозяйской ванной. В спальне на розовом ковре стояли два кошачьих туалета и три когтеточки. Пока я переставляла лотки и пылесосила под ними, четыре кошки смотрели на меня из своих переносок, расставленных на кровати. Мой приход причинял им неудобство, поскольку вынуждал сидеть там целый день. Стоило мне приблизиться, и кошки издавали недовольное ворчание.

В те дни, когда я убирала там, мне приходилось принимать двойную дозу лекарства от аллергии. Но если оно заканчивалось и я не могла купить новую упаковку, то во время работы чувствовала себя, словно вдохнула кайенский перец. Я раскрывала окна, чтобы хоть немного подышать. Но ничего не говорила Лонни или Пэм.

Когда той весной я заполняла налоговую форму через ТурбоТакс, то едва не упала со стула. С учетом налоговых льгот мне причитался возврат в размере почти 4000 долларов.

– Это же больше, чем я зарабатываю за три месяца! – пробормотала я вслух в темноту квартиры.

Мне не верилось, что я и правда получу такую сумму. Я едва дождалась, пока система примет мои данные, чувствуя себя так, словно удачно смошенничала. В блокноте я начала составлять список вещей, на которые потрачу эти деньги: кое-что обновлю в машине, поменяю масло и амортизаторы, оплачу задолженность по кредитной

карте, куплю, наконец, губки на кухню и жидкость для посуды, зубные щетки, шампунь и кондиционер, пену для ванны, витамины, таблетки от аллергии. А может, мы даже выберемся в небольшое путешествие на машине.

Как многие другие, большую часть того, что я знала о Миссуле, я почерпнула у Нормана Маклина в книге *Там, где течет река*. Люди, съезжавшиеся в Миссулу на рыбалку, всегда ссылались на этот роман или на фильм, снятый по нему. Но еще более убедительным аргументом для меня были описания Монтаны у Джона Стейнбека, в *Путешествиях с Чарли*, убедившие некогда покинуть Аляску и начать движение в сторону Края Широких Небес. Я выбрала Миссулу не из-за Маклина, а из-за Дэвида Джеймса Дункана, автора *Реки Почему*, который, на встрече с читателями в Сиэтле, сказал, что живет там и иногда читает лекции в местном университете. Вот почему я мечтала когда-нибудь летом проснуться пораньше, сесть за руль и двинуть прямо на восток. Постоянно думала об этом. Вот уже полдесятилетия.

Зарплаты в Миссуле низкие, а жилье стоит недешево. Это я знала из бесед с людьми, которые некогда там жили, но больше не могли себе этого позволить. Найти работу нелегко, с учетом того, что это маленький университетский городок с семьюдесятью тысячами населения. Родители студентов снимали своим детям квартиры, отчего цены на аренду в городке постоянно росли: каморка с одной спальней в цокольном этаже стоила как минимум восемьсот долларов. Когда я размышляла о том, стоит ли туда переезжать, все эти факты тут же проносились у меня в голове. Но люди, жившие в Миссуле, очень любили свой город. Те, кто туда перебирался, признавали, что отказались от неплохой зарплаты, но оно того стоило – ради Миссулы.

Я хотела понять, почему Стейнбек с такой любовью писал о тех местах. Почему Маклин утверждал, что по мере удаления от Миссулы в штате Монтана число подонков начинает быстро расти. Люди рассказывали об этом месте, словно о мороженом с удивительным вкусом, которое попробовали когда-то в отпуске и с тех пор нигде больше не могли найти, и уже не понимали, было оно на самом деле или нет.

В день, когда деньги за возврат налогов поступили на мой счет, мы пошли ужинать в «Ред Робин». Я разрешила Мие заказать шоколадный коктейль. Мы заехали в магазин и набили тележку

продуктами, которых обычно не могли себе позволить: авокадо, помидорами, замороженными ягодами для блинчиков. Я купила бутылку вина. На следующей неделе я купила каркас кровати, полноценный матрас и электрическое одеяло, чтобы не отапливать всю студию по ночам. Купила изолирующие шторы и недорогие карнизы на распродаже. Купила Мие детский батут, чтобы вместо дивана она прыгала на нем. И еще кое-что, о чем мечтала уже много лет: титановое кольцо с бриллиантом за 200 долларов. Я устала ждать мужчину, который подарит мне такое. Давным-давно я не позволяла себе потратить большую сумму на что-то необязательное. Но как бы тяжело ни далось мне это решение, я рассматривала его как обещание самой себе. Обещание верить в свои силы. Я смогу, я справлюсь, я всего добьюсь сама. Кольцо, которое я сама себе надела на палец, должно было напоминать мне об этом.

С деньгами жизнь хотя бы на время приобрела оттенок беззаботности. Я заливала в бак бензин, не отнимая его стоимость от оставшейся суммы на моем счету. В магазине не занималась ментальной арифметикой, перебирая в голове даты оплат, сроки действия квитанций, свою наличность и балансы кредитных карт – чтобы купить всего лишь бумажные полотенца. Я спала без лишних слоев одежды, чтобы согреться, и без ощущения вечной тревоги. Но Мия продолжала хныкать и вертеться, кашлять и хлюпать носом, жаловаться на боль в горле и в ушах. И хотя я на данный момент могла позволить себе взять выходной и сводить ее к врачу, я не знала, что делать, чтобы эти постоянные болезни прекратились.

Поздно вечером, закончив домашнюю работу, я пролистывала объявления в Сети. Рассматривала с завистью фото домов, квартир с двумя спальнями, никак не вписывавшихся в мою ценовую категорию. Мои доходы едва покрывали аренду студии, а это было вдвое меньше, чем за другое жилье. Хотя теперь у меня имелись небольшие средства, их все равно было мало. Это была наша подушка безопасности на черный день. А я к тому времени уже успела убедиться, что, ходя по краю, ты когда-нибудь непременно потеряешь равновесие и упадешь. Я качала головой и закрывала сайт с объявлениями, возвращаясь к работе. Получалось, что я не могу себе позволить даже помечтать.

День за днем слова педиатра звучали у меня в голове. «Постарайтесь. Ради нее». Но как еще я должна была стараться? Я и так постоянно прыгала через обруч, который поднимался все выше, отчего я порой просто не в силах была двигаться дальше и застывала на месте.

В ту неделю я выслала копию своей зарплатной ведомости из «Классик Клин», написанную от руки, на получение дотации за детский сад, а служащая из департамента здравоохранения позвонила мне и потребовала, чтобы я прислала «подлинную». Я попыталась объяснить, что это почерк моей начальницы, что ведомость самая настоящая, но она начала угрожать вообще отозвать подтверждение и лишит меня дотации. Я расплакалась. Она велела мне на следующий день явиться в местный офис, чтобы во всем разобраться.

Люди занимали очередь перед офисом Департамента здравоохранения задолго до открытия. Не зная об этом, я явилась спустя полчаса; все стулья в приемной были заняты. Я взяла номерок и прислонилась к стене, наблюдая за тем, как ведут себя матери с детьми и как социальные работники общаются с клиентами, которые не понимают, почему тут оказались, почему им отказали в пособии и почему надо принести еще какие-то бумаги.

Освободилось одно место, но я уступила его пожилой даме в длинной юбке, державшей за руку худенького малыша. Потом глянула на часы. Оказывается, прошел целый час. Когда я посмотрела на часы еще раз, прошел еще один. Я начала нервничать – успеют ли меня вызвать до того, как придется забирать Мию из сада. Она наверняка устроила бы скачки вокруг меня, в отличие от прочих детишек, сидевших тихонько и шепотом спрашивавших разрешения отлучиться в туалет. Стереотипные представления о людях на пособиях в этой приемной не оправдывались. Люди сидели с выражением отчаяния на лицах, думая о том, чтобы скорей выбраться отсюда, зайти в магазин за продуктами и вернуться на работу. Они, как и я, исчерпали всякую надежду и просто смотрели в пол, терпеливо дожидаясь своей очереди и действительно нуждаясь в помощи, за которой обращались. Нам нужна была эта помощь. Просто чтобы выжить.

Когда на черном экране загорелся мой номер, я бросилась к окошку, опасаясь, что если не покажусь тут же, пригласят следующего. Положила на прилавок свою фиолетовую папку, достала

копии чеков, полученных от клиентов, и ведомость, написанную от руки. Женщина просмотрела часть чеков, слушая мои объяснения, потом перешла к ведомости.

– Надо, чтобы начальник распечатал вам официальную, – сказала она, глядя на меня.

Я моргнула. Выражение ее лица не изменилось.

Я сказала, что простояла в очереди все утро, а до офиса моего начальника ехать сорок минут. Я не могу провести еще один день тут, в ожидании.

– Если хотите сохранить дотацию на сад, придется это сделать, – сказала она.

Я могла идти. Был почти час дня.

Лонни, качая головой, распечатала для меня ведомость. Она относилась к периоду около месяца назад. Весь мой доход поступал от чеков, подписанных клиентами от руки. Я не представляла, какой смысл перепечатывать их. Но на следующий день я стояла перед офисом еще до открытия, а потом еще несколько часов дожидалась, чтобы показать служащей отчет о моих доходах за предыдущие три месяца, свой рабочий график и письма от некоторых клиентов, подтверждавшие, что я действительно у них убирала в указанное время.

Без продуктовых купонов нам пришлось бы обращаться в продуктовые банки или за бесплатным супом в церковь. Без дотации на детский сад я не смогла бы работать. Люди, которым повезло не столкнуться с этой стороной системы или задеть ее по самому краю, не представляли, как тяжело все это получить. Они не знали, как отчаянно я нуждаюсь в помощи, хоть ради нее и приходится прыгать через кольцо.

Когда в ту пятницу я убирала у Генри, он обратил внимание на мое подавленное настроение. У меня еще оставалась в запасе примерно четверть суммы от возврата налогов. Я отложила их на случай: если сломается машина, или Мия заболеет, или клиент откажется от моих услуг, или все вместе. Хоть я до сих пор спала и видела поездку в Миссулу – каково будет пройтись по мосту над Кларк-Форк-Ривер или полежать на травке, любуясь широкими небесами, – сейчас о ней не могло быть и речи.

– Не думаю, что смогу себе позволить путешествие в Монтану, – ответила я, когда Генри поинтересовался, что случилось.

Он помахал в воздухе рукой, будто мои слова дурно пахли. Вот уже год он слышал, как я рассуждаю о Миссуле, правда, в ключе «хорошо-было-бы-когда-нибудь». Мое лицо, видимо, казалось таким расстроенным, что он понял, насколько тяжело мне с этим смириться. Генри встал, подошел к книжному шкафу и начал перебирать путеводители и карты. А потом протянул мне книгу про Национальный Парк Ледников и большую карту штата Монтана.

Он разложил карту на своем рабочем столе и отметил места, которые мне обязательно надо посетить. Он отказывался верить, что путешествие в Монтану не состоится. Хотя я и оценила его жест, поддержку и веру в меня, улыбалась я неискренне. В глубине души мне было страшно. Я боялась не поездки – хотя, конечно, опасалась, что машина может сломаться по дороге, – а того, что полюблю Миссулу всем сердцем, а потом буду вынуждена вернуться в долину Скаджит, к плесени в моей студии над шоссе. Это будет словно прощание с лучшей жизнью, которая мне не суждена.

Я так мечтала об этой жизни, так стремилась к ней, что работа в «Классик Клин» постепенно стала терять для меня смысл. Примерно треть заработка уходила на бензин. Обсудив это с Пэм, я добилась от нее небольшого пособия на топливо, но оно покрывало лишь четверть моих рабочих транспортных расходов. К тому же я начала уставать от одиночества. Я работала одна, училась онлайн тоже одна, вся моя жизнь была одинокой. Я жаждала общения с людьми, пускай даже в ситуации начальник – подчиненная. Хотела, чтобы моя работа была осмысленной, чтобы у нее имелась цель. Хотела хотя бы чувствовать, что кому-то помогаю.

Дом в бухте

В один прекрасный день я вошла в офис финансовой помощи студентам государственного колледжа Скаджит-Вэлли и заявила, что хочу взять студенческий заем на максимальную сумму. Это было непростое решение, и я вся дрожала, дожидаясь, что ответит мне служащая за стойкой. Такой заем означал, что я сокращу рабочие часы – откажусь от работы, которая сама идет в руки! – и к тому же залезу в долги. Но мое переутомление достигло последнего предела. Больше ничем я такое скоропалительное предприятие объяснить не могла. Мия постоянно болела, а я проводила с ней каких-то три часа в день. У меня вечно ныла спина, а по ночам она костенела, и я просыпалась от боли в четыре утра. Заемные деньги означали, что я смогу сосредоточиться на частных клиентах и заказах на уборку территории, а не пахать на «Классик Клин». И буду проводить больше времени с Мией.

Они также означали возможность поступить волонтером в Службу помощи жертвам домашнего и сексуального насилия. Я решила считать это своего рода интернатурой, в оплату за которую пойдет мой заем. В обмен я получу опыт работы, который можно будет указать в резюме, и рекомендательные письма. Курс, на котором я училась в местном колледже, позволял мне впоследствии работать помощником адвоката. Пределом моих мечтаний была пусть даже самая приземленная должность, но обязательно с медицинской страховкой и пенсионными отчислениями.

– Ваша честь, отец работает на полную ставку, – заявил адвокат Джейми тремя годами ранее, после чего сообщил, что я – бездомная и безработная. Стоя перед судьей и видя, что к Джейми относятся с уважением, если не с восхищением, за то, что он работает и имеет собственное жилье, из которого выкинул нас, я совсем лишилась присутствия духа. В результате во мне укоренился глубинный страх. Пускай я и собиралась сделать нашу с Мией жизнь лучше, нам предстояло переезжать в девятый раз за ее жизнь.

В большинстве наших обиталищ у нее не было собственной комнаты. Я знала, что судьи в частных разговорах могут бросить: «Пусть они спят там хоть на голом полу, все равно ребенок должен по

выходным видеться с отцом», – но от матерей, претендовавших на единоличную опеку, особенно от тех, которые подверглись насилию, – требовалось доказать, что они смогут обеспечить такие жизненные условия, каких в данных обстоятельствах практически невозможно было от них ждать. В суде адвокат Джейми описывал меня как человека эмоционально нестабильного и неспособного в одиночку воспитывать собственного ребенка. Мне пришлось отстаивать свое право на дочь, от которой Джейми стремился избавиться, когда орал на меня, требуя сделать аборт. Тот судья стер меня в порошок. Как будто я совершила преступление, бросив человека, угрожавшего мне. Я знала, что в моей ситуации побывала масса других женщин.

Возможно, впоследствии я смогу закончить юридический факультет и стать адвокатом по гражданским делам. Смогу помогать людям, пережившим то же, что и я с Джейми, отстаивать их интересы. Но был во мне еще один голос, который тоже поднимал голову и не хотел остаться втуне. Часть меня желала, чтобы я попробовала писательство. Я усмиряла этот голос, говоря себе, что это только на первое время, пока Мия еще маленькая – писателем я стану потом. Но эти уговоры были словно ведро холодной воды на единственный огонек, еще согревавший меня. Мою единственную сущность, что еще осмеливалась мечтать.

Как-то ночью, просматривая объявления о сдаче жилья, я наткнулась на квартиру с двумя спальнями над гаражом. Окна ее выходили на горы и на океан. Цена сильно превышала мои возможности. В объявлении говорилось, что владельцы живут в главном доме с тремя маленькими дочками, тремя собаками и котом, который обитает преимущественно в гараже, где охотится на мышей. Вместо того чтобы закрыть окно браузера и привычно пожалеть о недостижимости для нас такой жизни, я написала хозяйке по электронной почте и спросила, не согласится ли она снизить арендную плату в обмен на услуги по уборке дома и территории.

На следующий вечер я уже въезжала к ним по длинной подъездной дороге, мимо участка, который был полностью расчищен от растительности, за исключением больших деревьев, чтобы открывался вид на бухту и дальние холмы. Дорожка сворачивала влево и терялась между толстыми стволами и живой изгородью из ежевики. Дом находился в соседнем городке, еще дальше от мест, где жило

большинство моих клиентов. Я знала, что, поселившись тут, уже не смогу работать на «Классик Клин». Возможно, думала я, катя по дорожке, если мне выпадет шанс переселиться сюда, пусть это и далеко, лучше будет уволиться.

Когда я, наконец, увидела дом, то едва не зажмурилась от великолепия вида передо мной. Солнце садилось за горы, и небо переливалось всеми оттенками розового. Я припарковалась перед загоном для коз, между гаражом и домом с застекленным фасадом.

По мощеной терраске перед гаражом каталась малышка на деревянном велосипеде. Высокий худой мужчина в потрепанном сером свитере с капюшоном и джинсах наблюдал, как я вылезаю из машины. Из письма его жены, Элис, я знала, что хозяина зовут Курт. Мы пожали друг другу руки, я представилась и объяснила, что моя дочь сейчас у отца. Он попытался пригладить рукой свои взлохмаченные темные волосы.

– Пойдемте, – пригласил меня Курт, подхватывая малышку на руки. – Покажу вам участок.

Пока мы шли, я все сильнее проникалась ощущением того, что меня словно притягивает к этому дому, как будто вселенная подталкивает меня в нужном направлении, и все уже решено за меня – остается только следовать за судьбой. Я прошла вслед за Куртом вдоль стены гаража и увидела сад, превосходивший размерами всю нашу студию. Он махнул рукой в сторону малиновых и ежевичных кустов и большой кусок газона перед ними.

– По условиям аренды жильцы должны его косить, – сказал Курт, скрестив руки на груди. – Но наши последние жильцы это условие не соблюдали.

Я смотрела, как его дочка ковыляет по траве, представляя Мию рядом с ней.

– Это помимо бартера? – спросила я.

– Бартера? – повторил он, поднимая глаза, как будто что-то припоминал.

Я кивнула и сказала:

– Мы переписывались с Элис, и она согласилась снизить арендную плату в обмен на уборку в доме и на участке.

Выражение его лица изменилось несколько раз, от растерянности к озарению и затем согласному кивку головой. Он вел себя так, словно

был – хотя на самом деле вряд ли, – немного под кайфом, как большинство моих друзей по Фэрбенксу. Наш человек, подумала я. Курт сразу мне понравился.

Он опустил глаза и улыбнулся.

– Подождите, пока не посмотрите квартиру, – мотнул он головой в сторону пристройки над гаражом.

Курт пошел впереди меня по ступенькам, неся девочку на руках. Они с Элис и их растущей семьей жили в этой квартире, пока строился главный дом, объяснил он. Когда мы миновали первый лестничный пролет, я замерла. Курт остановился и улыбнулся при виде восхищения на моем лице.

Последние лучи солнца окрасили все вокруг красновато-оранжевым. В этот момент мне показалось, что я никогда еще не видела такого потрясающего заката.

– Здесь так каждый вечер? – шепотом спросила я.

Курт рассмеялся.

– Ну, если солнце вообще выходит, – сказал он.

Шутка была мне понятна: на северо-западе штата Вашингтон солнце может за всю зиму, то есть почти за полгода, выгнать лишь дюжину раз.

– Хорошо, что сейчас почти лето.

В квартире было две спальни, а между ними – ванная с ванной. Под раковиной – шкафчик, на стенах – полки для полотенец. На кухне имелась газовая плита, посудомойка, полноразмерный холодильник и окно, выходящее на задний двор, где хозяева держали кур.

Полы в квартире были деревянные. Окна одной из спален, кухни и ванной открывались на крышу. На террасу под козырьком вели раздвижные стеклянные двери. Окна со стеклопакетами образовывали западную стену гостиной.

– Кабельное телевидение включено в цену, – сказал Курт, показывая на провод, торчащий из стены. Я моргнула.

– Если вам оно нужно, – объяснил он. – Я, понимаете ли, футбольный фанат.

– У меня за всю мою взрослую жизнь не было кабельного телевидения, – ответила я.

Мне хотелось истерически расхохотаться. Ущипнуть себя.

– Он довольно маленький, – заметил Курт, открывая встроенный шкаф в спальне, – так что я добавил еще шкафчики. Вот эти, на стене, они очень вместительные. Кажется, Элис хранила здесь постельное белье.

– Ух ты! – воскликнула я. – Потрясающе!

– Ну, – ответил он, – я бы так не сказал.

– Нет, правда, – настаивала я. – Сейчас я храню вещи в бывшей кладовке для швабр. Вся наша студия вполтину меньше этой квартиры.

– Надо же, – пробормотал он, чтобы скрасить неловкость. Потом, словно вспомнил что-то, поманил меня в сторону кухни.

– Можете брать себе яйца, когда нас нет в городе, – сказал Курт, показывая на курятник. – В смысле, если будете тут жить.

Я улыбнулась и спросила, куда они уезжают.

– О, – сказал он, щелкнув пальцами, словно забыл мне рассказать, – мы каждое лето на несколько недель ездим в Миссулу, с друзьями. Отличные там места. Вы бывали?

Сердце замерло у меня в груди. Я не знала, что отвечать, как сказать ему, что я мечтала об этом городе все шесть прошлых лет и если о чем и жалела в жизни, так это о том, что в свое время не уехала в колледж, как планировала, не сказав Джейми о своей беременности и оставив ребенка только себе. Мне страшно захотелось выложить все это Курту, но я прикусила язык.

– Не бывала, – ответила я, покачав головой и стараясь сохранить спокойствие. – Но мне хотелось бы.

Я пошла следом за Куртом в главный дом познакомиться с Элис, которая возилась у плиты, готовя ужин. Две их старшие дочери играли на полу, поставив перед собой целую корзинку игрушек Литтл Пет Шоп. Я никогда не видела столько за раз и сразу вспомнила, как Мия повсюду носила за собой своего единственного лягушонка из этой серии. Я уже представляла, как она тоже играет с девочками на полу, а мы с Элис болтаем, сидя за бокалом вина перед кухонным столом. Возможно, я обретала не только жилье, но еще и новых друзей.

Элис велела девочкам идти мыть руки перед ужином.

– Поедите с нами? – пригласила она, разглядывая меня.

Элис была ниже меня ростом – Курту едва до груди. Темные волосы она собрала в тугий хвост, так что открывались немного

оттопыренные уши. Она выглядела так, будто в школе была одной из первых красоток, которым я всегда завидовала.

– Конечно, – улыбнулась я, стараясь сдержать счастливые слезы. – Я так рада с вами познакомиться.

Хоть это и было правдой, Элис я немного стеснялась. Пускай я пока ее не знала, мне показалось, что она вроде тех мамочек из детского садика Мии, которые ограничивают время просмотра телевизора, составляют план работы над поделками, редко позволяют есть сладкое и следят, чтобы ребенок получал нужное количество овощей и фруктов с каждым приемом пищи. Мать, имеющая возможности, время и силы полноценно выполнять свои родительские обязанности, которая может меня осудить за то, что я не поступаю так же.

Элис поставила для меня тарелку напротив их старших дочерей, которые послушно съели первым делом морковные палочки. Курт предложил мне пиво, и я согласилась. Это оказался тот же сорт из «Костко», который пил Тревис, и вкус напомнил мне о жизни у него в доме. Когда супруги спросили, чем я занимаюсь, я ответила, что убираю дома, но хочу стать писательницей. Курт сказал, что немного почитал мой блог, отчего я на секунду растерялась, а потом вспомнила, что ссылка на блог содержится в моей подписи в электронной почте.

– Даже не представляю, как вы справляетесь одна, – заметил он, пристально поглядев мне в глаза.

В его голосе проскользнула нотка восхищения, и мне сразу стало неловко. Уголкем глаза я видела, что Элис нахмурила брови и опустила глаза в тарелку.

В тот вечер я чувствовала себя так, будто парю над землей. Элис и Курт сказали, что у них есть надувной бассейн и летом девочки проводят все время на улице. Элис работала в банке, полный день, но у Курта, учителя, лето было свободным. Он сказал, что будет рад, если Мия станет ходить с ними на пляж и играть вместе во дворе. У них имелось даже кострище, чтобы жарить на огне зефир.

Когда я добралась до дома, по электронной почте уже пришло письмо от Элис, в котором она официально спрашивала, готова ли я переезжать. Я ответила восторженным «да». Она тут же написала, что я могу начинать перевозить вещи в любое время. За ужином мы

обсудили условия бартера, после чего моя арендная плата составила на пятьдесят долларов меньше, чем за студию.

Была середина марта. Чтобы не платить за обе квартиры, я должна была переехать за две недели. Несколькими днями ранее я получила письмо с подтверждением студенческого займа. Мне казалось, что все, наконец, встает на свои места – причем так успешно, что я не могла не испытывать некоторых подозрений. Что, если мы этого не заслужили? Что, если такая жизнь не для нас?

Трудяга

Когда я сообщила Пэм, что переезжаю, она сразу поняла, о чем идет речь. Она не увольняла меня. И я не увольнялась. Просто мы обе сошлись на том, что больше работать у нее я не смогу. Они с Лонни, по отдельности, сказали мне, что жалеют о моем уходе. Я была их основной сотрудницей, на которую они всегда могли рассчитывать. В том году я получила на Рождество больше чаевых, чем кто-либо на их памяти. Одна из моих клиенток недавно позвонила сказать Пэм, что я незаменима.

Я знала, что я действительно трудяга, как сказал Генри, но также понимала, что заменить меня можно. Пора было мне подумать о ребенке. Стремление жить в лучших условиях перевешивало для меня даже необходимость отказаться от части работы. Останься мы в студии, Мия продолжала бы страдать от заболевания, из-за которого ее уже оперировали. Взять заем и уйти с работы было очень рискованно, но я поняла кое-что очень важное: у меня не появится другого будущего, пока я думаю только о том, как протянуть до следующей зарплаты.

Живя в бедности, я привыкла не заглядывать вперед дальше чем на месяц, неделю, а то и несколько часов. Я относилась к своей жизни, как к уборке на работе, где всегда действовала по схеме «слева направо и сверху вниз». Будь то на бумаге или у меня в голове, проблемы, которые требовали немедленного решения – ремонт машины, вызов в суд, отсутствие продуктов – оказывались в верхнем левом углу. Следующие по степени неотложности шли правее. Я решала их по порядку, двигаясь слева направо, сверху вниз.

Эта недалёковидность защищала меня от нервного срыва, но в то же время не позволяла мечтать. «План на следующие пять лет» никогда не оказывался в левом верхнем углу. Пенсия или сбережения на колледж для Мии не стояли в числе приоритетов. Оставалось лишь верить в глубине души, что со временем все образуется. Что жизнь не всегда будет сплошной борьбой. Моя мать, первой в нашей семье закончившая колледж, сумела разорвать этот порочный круг. Благодаря высшему образованию она смогла реализовать свои мечты, пускай даже ценой наших с ней отношений. Но она росла в лачуге, а я

– в приличном пригороде. На чем отчасти основывалась и моя уверенность в том, что все будет хорошо. Я часто думала о людях, с которыми сидела в очередях в разных социальных учреждениях и у которых не было такого прошлого в качестве опоры. Разделяли они мою веру? Если человек погряз в нищете, пути наверх у него уже нет. Его жизнь превращалась в одну сплошную борьбу. Но я принимала решения, исходя из предположения, что со временем ситуация непременно улучшится.

Я не особенно переживала, что оставляю работу. Большинство моих клиентов даже не заметят, что меня заменила другая уборщица. Может, конечно, она будет по-другому пылесосить или взбивать подушки. Может, бутылки с шампунем у них на полках окажутся расставлены в другом порядке, но, скорее всего, они не обратят на это внимания. Когда я думала о новом человеке, которому передадут мою работу, то представляла себя на месте клиентов: каково им было знать, что у них в доме убирается кто-то совершенно чужой и даже выбрасывает мусор из ванной, включая использованные прокладки? Неужели они не испытывали от этого никакого дискомфорта? После пары лет работы они привыкли полагаться на меня, хоть мы почти не виделись. Теперь же другая невидимка будет оставлять у них волшебным образом следы от пылесоса на ковре.

Пэм советовала мне получить лицензию и застраховаться, раз теперь я буду обслуживать исключительно частных клиентов. Но это подразумевало определенное постоянство, начало длительной карьеры. Мне надо было как-то назвать свое индивидуальное предприятие, говорила она, чтобы все было официально. Сама она именно так и начинала. Я ценила ее советы, но не хотела и дальше этим заниматься. Я хотела, чтобы уборка стала средством на пути к цели, а целью моей было получение диплома. Билета в счастливое будущее, когда мне не придется мыть ничьи туалеты, кроме собственного.

В Доме кошатницы я не сообщила о своем уходе, но в Доме Лори крепко обнялась с Бет. Я знала, что буду скучать по кофе и беседам с ней.

Покидая Дом Шефа, я улыбнулась и помахала рукой, а потом постаралась скорей выбросить его из памяти. Хозяин там совершенно точно не прицеливался, чтобы попасть в унитаз. Я выскользнула из

дома Леди с сигаретой тайком, точно так же, как копалась в ее вещах. Мне будет не хватать ее кашемирового кардигана с длинными рукавами, которыми так приятно было проводить по лицу, когда я его примеряла. Будет не хватать моих фантазий на ее счет: живется ей счастливо или нет, почему она ест один салат и обезжиренный соус, почему курит перед телевизором, подвешенным на шкафчик в кухне. Из Порнодома я уезжала прямо-таки счастливая, пока не взглянула на Грустный дом и не поняла, что не была там уже больше месяца. Я не знала, сколько еще его хозяину осталось страдать. Сколько еще дожидаться конца своей жизни.

С Генри мы перед моим отъездом довольно долго говорили. Трудно было ему сообщить, что я не могу и дальше работать на компанию, которой он много лет доверял поддержание чистоты в своем доме. Он развел руками и пожал плечами, потом начал что-то говорить насчет возможных заказов на уборку участка, но тут вспомнил, что у него и так трудится целая команда садовников, которые косят газоны и подстригают кусты. Чтобы избавить Генри от чувства вины, я предложила вписать его в свое резюме как рекомендателя. Тут он снова расправил спину и начал рассуждать о том, как счастлив будет описать все мои лучшие качества тому, кто к нему обратится.

– Ты трудяга, – сказал он, притопнув на этом слове ногой и сжав кулак. – Одна из самых больших трудяг, что я встречал в жизни.

– Мне очень хотелось это услышать, – мягко ответила я и улыбнулась.

Я хотела ему объяснить, как нелегко мне далось это решение и насколько шатким казалось собственное будущее. Все, что у меня было, – это горстка частных клиентов и студенческий заем, чтобы продержаться до осени. Я хотела сказать ему, что боюсь. Это был странный момент – я ждала утешения от незнакомца, но Генри стал для меня к тому времени чем-то вроде олицетворения фигуры отца.

Женщина, жившая в Фермерском доме, в последний день оказалась на месте. Со временем я начала к ней привыкать. Один раз она позвонила в офис сказать, что ей очень нравится, как я убираю в главной ванной, и, должна признаться, мне было приятно – хотя стеклянную душевую там отмыть было ой как нелегко. Я всегда приносила с собой маленький пинцет, чтобы подправить брови перед

ее увеличивающим зеркалом с подсветкой. После уборки она помогла мне загрузить в багажник вещи, а потом попросила заглянуть в коробки, стоявшие в кузове ее внедорожника, которые она собиралась передать на благотворительную распродажу. Я взяла себе антипригарную сковородку «KitchenAid», чтобы жарить блинчики для Мии. Когда я садилась в машину, она было потянулась меня обнять, но потом все-таки подала руку для рукопожатия. Хотя мы и научились доверять друг другу, между нами оставался барьер. Она – владелица дома. Я – прислуга.

В моем новом жилище на первом этаже, внутри гаража, стояли стиральная и сушильная машины. Я могла стирать мягкие игрушки Мии, когда у нее усиливался кашель. Там имелась принудительная вентиляция с отоплением, воздушные фильтры и деревянные полы, так что плесени путь в квартиру был закрыт.

Хозяин студии был очень недоволен, что я уведомила его о выезде за две недели, а не за месяц. Он сказал, что удержит деньги из моего залога за то, что у него какое-то время не будет жильца.

– Я там многое улучшила, – писала я в электронном письме. – Студия выйдет в сто раз приятней, чем когда мы въезжали.

Я приложила фотографии новых занавесок в жилой комнате, полочек и крючков в ванной и добавила, что по выезду тщательно все уберу. Но, хотя в студию сразу же въехал новый жилец, хозяин все равно удержал часть моего депозита.

Я начала перевозить вещи в новую квартиру, как только смогла: набивала машину книгами, одеждой, полотенцами и цветами в горшках по самую крышу. Однажды вечером Курт и Элис предложили нам поужинать у них, чтобы девочки могли познакомиться. Они вместе носились по двору, а громадный черный пес по имени Бо время от времени лениво гавкал. Две другие собаки равнодушно взирали на детскую возню. В свои четыре года Мия отлично вписалась в компанию старших дочек хозяев, которым было шесть и восемь лет. Курт и Элис явно испытали облегчение, когда увидели, какая Мия славная и веселая.

После ужина Элис вынула папку с документами: договором аренды, актом осмотра и черновиком договора о бартерной оплате. Мы договорились, что ландшафтными работами я буду заниматься пять часов в неделю – в основном пропалывать сорняки. Каждый

второй четверг с 9.30 до 14.30 я должна была убирать у них в доме. Я надеялась, что этого времени хватит. Дом был громадный, но Элис сказала, что клининговая компания выделяла на уборку всего два-три часа.

– И сколько уборщиц они присылали? – спросила я, уверенная, что не одну.

– Я точно не знаю, – сказала она, оборачиваясь к Курту.

– Наверное, двух или трех, – ответил Курт.

– Поначалу у меня будет уходить часов шесть, если не больше, – сказала я, и глаза у Элис широко распахнулись.

– Когда привыкну, стану работать быстрее. Я буду очень, очень стараться. Но все-таки одному человеку не угнаться сразу за тремя.

Они, вроде бы, все поняли или, по крайней мере, сделали вид. Я знала, что Элис сама занималась домом, пока не родилась их младшая. С тех пор, работая полный день и воспитывая дочерей, она уже не могла содержать в порядке дом и участок, а Курт вряд ли ей помогал.

Я должна была фиксировать свои рабочие часы в таблице и отправлять ее Элис по электронной почте. Казалось бы, для нас обеих это просто фантастическое предложение, но Элис, похоже, продолжала колебаться. Об этом говорили и многочисленные документы, которые она собиралась заверить нотариально. Она клялась, что это просто на всякий случай, но в моих глазах ее дотошность выглядела странной. Я уже не раз заключала подобные сделки, и большинство людей куда больше мне доверяли.

Курт признался, что прочитал мой блог, и сделал мне комплимент, сказав, что я хорошая писательница. Я покраснела и поблагодарила его. Те времена, когда я начала вести журнал, были весьма нелегкими. Я ни за что не стала бы обсуждать описанные события с моими нынешними хозяевами лично, но, благодаря блогу, могла считать, что они и так в курсе и не ждут никаких объяснений. Курт назвал мой блог «вдохновляющим». Я улыбнулась, но в действительности это слово меня покорило. Люди и раньше мне это говорили. Что ж такого вдохновляющего в борьбе за выживание, спрашивала я себя.

– Если ты как-то выжила с трехлеткой, совершенно одна, в крошечной квартирке и без денег, то я тоже смогу, – написала одна девушка в комментариях.

В блоге я старалась описывать радостные моменты, но упоминала и о неприятностях. Жизнь продолжала ставить передо мной препятствия, и новое возникало прежде, чем я успевала разобраться с предыдущим. Порой я не могла двигаться дальше.

Мой опыт сильно отличался от того, что переживали мои подписчики – не говоря уже о мамашах из детского сада. Много раз я уклонялась от возможных знакомств и попыток подружиться, пусть даже люди мне искренне нравились, потому что считала, что стану для них обузой. Я вытяну ресурсы, которые есть у них для друзей, а сама ничего не смогу дать взамен. Пускай даже я возьму к себе их ребенка на вечер, в обмен на такой же визит моей дочки, но я не смогу накормить его ни полдником, ни ужином. Голодный ребенок, проводящий у меня в доме вечер выходного дня, это как минимум десять долларов, потраченных на продукты. И еще дети постоянно просят огромные стаканы молока. Мне такое не по карману.

Квартира над гаражом символизировала для меня переход на другую сторону. Я чувствовала себя так, словно чего-то добилась, переселившись в лучшие условия, пускай даже и лишилась при этом стабильного дохода. На той неделе я взяла пару новых клиентов. Мне подтвердили дотацию на детский сад, чтобы я могла работать волонтером в Службе помощи жертвам домашнего и сексуального насилия. Я встала на другую ступень в системе, и теперь у меня появлялась возможность развиваться.

Однако я не могла избавиться от чувства, что все складывается слишком гладко. Как-то вечером я сидела над домашней работой, а Мия с девочками мелками рисовали радугу на цементной площадке перед гаражом, и их смех доносился до меня через распахнутые окна. Светило солнце, и все выглядело просто идеально.

Когда Элис позвала своих дочек обедать, они пригласили Мию пойти тоже. Все вместе дети поднялись по лестнице к нам, запыхавшись, и стали уговаривать меня. Когда я улыбнулась и разрешила, они радостно закричали. Я посмотрела, как они с хохотом бросились вниз по ступенькам, побежали по двору к главному дому. Потом вернулась к своим тетрадкам. Благодаря тому, что Мия могла играть и развлекаться в безопасности, а не смотреть раз за разом одни и те же мультфильмы, я меньше винила себя за то, что оставляла ее в

детском саду, уходя на работу. Времена, когда мы жили в тесной заплесневелой студии, казалось, остались далеко позади.

Замусоренный дом

Когда я в первый раз приехала в этот дом на уборку, хозяйка приоткрыла дверь лишь на пару дюймов. Я увидела, как испуг в ее глазах сменяется сомнением и обратно.

– Привет! – поздоровалась я, улыбнувшись. – Вы же вызывали уборщицу? Вы Рашель, с Фейсбука?

Она кивнула, глядя в пол, и открыла дверь немного шире, так что стали видны большой беременный живот и малыш, цеплявшийся за ее ногу. Я стояла на бетонном крыльчке перед входом. Где-то в доме щебетала птица. Другие дети глазели на меня из большого окна справа. Когда я перевела взгляд обратно на хозяйку, она нервно оглянулась внутрь дома.

– Это мой маленький секрет, – сказала женщина, прежде чем меня впустить.

Я шагнула через порог и едва не упала. Единственным незамусоренным местом в доме казался клочок пола перед дверью. Моей первой мыслью было никак не реагировать. В предварительной беседе она говорила, что ей нужна помощь в расчистке мусора и разборке вещей. Но такого я и представить себе не могла. Одежда, тарелки, бумаги, рюкзаки, обувь, книжки – все в беспорядке валялось на полу, покрываясь пылью.

Семья перестала платить за жилье. Хозяйка сообщила мне об этом, пока мы стояли на том пятачке у входа. Я внимательно слушала, стараясь не слишком пугаться ужасающего состояния дома. Она говорила быстро и выглядела совсем отчаявшейся. Им предстоял переезд в новый дом – мужу, жене, пятерым ребятишкам и, вскоре, младенцу.

– Вообще, у нас нет денег, чтобы платить за уборку, – сказала она, глядя на свои руки, лежащие на животе. – Но я просто теряю рассудок. Переезд означает начало новой жизни. Я не хочу туда все это тащить.

Я согласно кивнула и огляделась по сторонам. Все поверхности на кухне и в столовой были заставлены грязной посудой. В углах гостиной кучами валялись книги и тетрадки, вперемешку с одеждой, игрушками и снова тарелками. Полки одного из стеллажей обвалились, и книги так и лежали на полу, куда упали.

Она сказала, что у них нет денег. Что они питаются за продуктовые купоны. Мне было ужасно неловко брать с нее плату, но работать себе в ущерб я не могла. Хотя она и не просила снизить часовые расценки, я настояла, чтобы она заплатила только половину от обычного.

– А что вы скажете о стирке? Пять долларов за мешок, – предложила я, оглядываясь, чтобы куда-то поставить свои вещи. – Увезу белье домой и там все постираю.

Она ответила не сразу. Свободной рукой – второй она гладила малыша по голове – хозяйка потерла щеку. Потом почесала под носом и, наконец, кивнула. Крепко зажмурила глаза, чтобы не заплакать.

– Я начну с кухни, – сказала я.

Пока я вытаскивала моющие средства из ведра, мальчик, прятаясь за матерью, подошел мне помочь.

– Он не говорит, – сообщила она. – Еще ни слова не сказал.

Я улыбнулась малышу и взяла желтые резиновые перчатки, которые он мне протягивал.

В первый день я четыре часа мыла посуду, так что кожа на пальцах у меня вся стала морщинистой. Когда закончилась горячая вода, я принялась расчищать поверхности. Вымытые тарелки, разложенные сушиться на полотенцах, покрывали стол, плиту и кухонные шкафы. Как она готовила на семерых в этой крошечной кухоньке, да еще с малышом, путающимся под ногами? Не представляю, что они ели. Срок годности большинства продуктов в банках и коробках, которые мне попадались, давно истек, у многих – лет десять назад. Заглянув в холодильник, я увидела на полках потеки от испорченной еды.

В кладовке обнаружили стиральную и сушильную машины. В гараж, переделанный в хозяйскую спальню, вело подобие узкой дорожки, пролежавшей между горами одежды, сваленной прямо на пол. Я начала складывать ее в пакеты, чтобы увезти с собой, время от времени прерываясь перевести дыхание. Там наверняка было полно пылевых клещей. От них я кашляла так, словно у меня астма, и тяжело дышала между приступами. Заполнив два мусорных мешка, я увидела под ногами кусочек пола. А на нем – большого паука, мышинные какашки и – клянусь! – нечто очень похожее на сброшенную змеиную кожу. Подавив крик, я решила, что на сегодня хватит.

Когда я уходила, хозяйка поблагодарила меня. У нее в глазах стояли слезы – она просила прощения за состояние дома.

– Не извиняйтесь, – сказала я, держа в руках мешки с одеждой и свои рабочие инструменты. – Завтра я приеду в это же время.

Многие частные клиенты говорили, что в моем присутствии им и самим хочется что-нибудь убрать. Обычно это были те, кому требовалась разовая уборка. Постоянные заказчики – у которых я убирала раз в неделю, в две или в месяц, – хорошо знали правило: оставьте меня в покое и дайте работать. Я никогда не затягивала уборку, чтобы получить больше. Если заканчивала раньше срока, делала что-нибудь дополнительно. Я сильно держалась за свою репутацию. Частные клиенты охотно советовали меня своим знакомым. Если им хотелось поболтать, рассказать о своих проблемах, пока я борюсь с беспорядком в их доме, я тоже была не против.

На второй день в Замусоренном доме мы разбирали комнату младшей дочки. Мы набили мусором двенадцать больших пакетов, вытащили их на улицу и сложили в кучу, чтобы потом увезти. Под слоем фантиков, палочек от леденцов, тарелок с испорченной едой, сдутых воздушных шариков, разных камешков и палочек, одежды, слишком заношенной или маленькой, чтобы ее надевать, обнаружилась симпатичная девичья спальня. Я отыскала несколько кукол из кукольного дома и заботливо рассадила их в игрушечной гостиной. Мы расставили книжки и коробки с Маленькими Пони на стеллаже в фиолетовую и розовую полоску. Вернули одежду в шкаф, а туфли на полку. В гардеробную отправились красное платье с болеро в тон и пара черных лаковых босоножек.

Мне было приятно убирать в той комнате. Я вспоминала, как разбиралась у Мии, пока она гостила у отца. Она ничего не хотела выбрасывать и соглашалась избавиться от старых игрушек, только если мы ездил с ней вместе передать их в приют для женщин с детьми или в комиссионный магазин, где она могла их на что-нибудь обменять. Но всю мелочовку из «Хэппи Мил», рисунки и сломанные карандаши все-таки надо было выбрасывать. Я тратила много часов на то, чтобы расчистить завалы и заново организовать пространство, и она, возвратившись, улыбалась, ощущая себя так, будто оказалась в новой комнате. Я надеялась, что так же почувствует себя и эта девочка, всего на пару лет старше моей.

Перед отъездом я сложила в мешки еще одежду и вернула хозяйке то, что уже постирала и аккуратно сложила. Дома тем вечером Мия помогала мне сворачивать футболки, носки и платья. Она приложила к себе юбочку, которая показалась ей особенно красивой. Я смотрела, как дочка кокетливо крутится с ней.

– Можно мне ее оставить? – спросила она, но я покачала головой. Я объяснила, что это вещи другой семьи.

– А почему ты их стираешь?

– Потому что помогаю им, Мия, – ответила я. – Это моя работа. Помогать людям.

Только тогда, сказав это вслух, я вдруг поверила, что так и есть. Я вспомнила женщину, которая поблагодарила меня за то, что я разобралась у нее в доме, и сунула мне в руку комок купюр, который на мгновение задержала в ладони. Она сказала, что мне лучше уехать, пока не вернулся ее муж. Еще пара моих клиенток, у которых я убирала на участке, говорили, что я – их самый большой секрет.

Я по-прежнему возила за собой ежедневник, в котором записывала имена клиентов и составляла расписание, стараясь его запомнить на случай, если кто-то спросит меня, свободна ли я в какой-то конкретный день. Но больше мне не надо было надевать форму или ездить на встречи с начальницей и осмотра моего рабочего оборудования. Не надо было за много километров тащиться в офис, чтобы пополнить запас моющих средств. Перспектива отмывать пять туалетов за день меня по-прежнему не радовала, но все-таки я чувствовала себя гораздо лучше.

После каждой четырехчасовой уборки Замусоренный дом становился все больше похожим на нормальное жилье. Я поправила полки в гостиной, вымела шелуху от птичьих зернышек, вытащила из-под дивана гору DVD. Хоть я и не показывала виду, меня очень радовало, что хозяйка не просит убрать в ванной. Порядок в доме держался совсем недолго. Только сегодня я убирала кухню, а на следующий день она уже была вся заставлена сковородками и тарелками с засохшим томатным соусом. Я надеялась, что облегчу жизнь этой семье. Надеялась, что хозяйка немного придет в себя перед рождением младенца. Но, в первую очередь, я радовалась, что закончила там.

Здание, где находился некоммерческий Центр помощи, в который я поступила волонтером, находился в недрах офисного квартала на пересечении железнодорожных путей в Маунт-Вернон. Я была там не только секретарем, но и клиентом. В кабинете, где я встречалась с моим адвокатом по делам домашнего насилия, окна находились под самым потолком, так что света в них проникало ровно столько, чтобы кое-как поддерживать жизнь в паре комнатных растений. Кристи, мой адвокат, пару лет назад переехала из Миссулы. Как-то она упомянула, что скучает по тем местам, а я ответила, что этот город уже очень долго манит меня к себе.

– Так почему бы тебе туда не съездить? – спросила она.

Я рассказала ей о брошюрах из Университета Монтаны, которые появлялись в моем почтовом ящике каждые пару месяцев, словно напоминания о настойчивом ухажере, требовавшем к нему вернуться, об открытках и буклетах с описанием программы по писательскому мастерству с портретами бородатых улыбающихся мужчин на рыбалке.

Кристи кивнула головой и улыбнулась. Мы с ней заполняли заявление на стипендию, о которой я попросила.

– Ты должна туда съездить и решить, что думаешь, – сказала она. Кристи всегда говорила очень спокойно и рассудительно. – Моим детям там очень нравилось. Миссула – чудесное место для семьи.

– Только к чему это все? – спросила я, вздыхая. – А что, если мне там действительно понравится? Потом будет только хуже!

Я поковыряла пальцем грязь на своих рабочих штанах, в которых этим утром полола сорняки во дворе клиента.

– А почему тебе туда не переехать? – с вызовом сказала Кристи, откидываясь на спинку стула.

– Он меня не отпустит, – сказала я.

– Отец Мии?

– Да, Джейми, – кивнула я, складывая руки на груди.

На нашей первой встрече я рассказала свою историю – которую раз за разом повторяла психотерапевтам и вообще всем, кто о ней спрашивал. Приют для бездомных, повестка в суд, процесс, панические атаки... То, что Джейми живет в трех часах езды, и Мия остается у него каждые вторые выходные. Сегодня я добавила, что дочка, кажется, хотела бы жить у него.

Голос Кристи стал напряженным.

– Переезжать тебе в Миссулу или нет, решаешь ты, а не он.

– Но мне все равно придется просить разрешение на переезд.

– Не разрешение! Ты должна уведомить его о смене места жительства. У него есть возможность заявить протест, – сказала она. В ее устах все звучало очень просто. – Если так, то вы оба предъявите свои доводы, и судья вынесет решение.

Она снова опустила глаза на мое заявление. Я сидела тихо, обдумывая ее слова.

– На самом деле, они очень редко отказывают матерям в переезде, – добавила она. – Особенно если те докажут, что на новом месте лучше возможности для учебы.

Я сжала челюсти и уставилась в пол. От одной мысли о новом судебном разбирательстве у меня трепетало сердце.

– Не надо думать, что ты просишь у него разрешения, – повторила Кристи. – Ты просто его уведомляешь.

– Ну да, – пробормотала я, переводя взгляд на ткань обивки стула.

– Итак, как это работает, – сказала Кристи, возвращаясь к заявлению.

Другой адвокат, еще в Порт-Таунсенде, который занимался моим делом, пока мы были бездомными, рассказал мне о стипендии для жертв домашнего насилия под названием «Солнечные девы», но на тот момент я не проходила по нескольким критериям. Если бы не название, я никогда бы ее не запомнила. Хотя официально это называлось «Программа поддержки женской независимости», поиск в Интернете по названию «Солнечные девы» тут же вывел меня на нужный сайт.

Стипендия жертвам домашнего насилия выделялась после представления целой кучи документов, в случае соответствия всем необходимым критериям. В прошлый раз я не прошла потому, что должен был миновать год с момента разрыва патологических отношений. Также мне требовался «спонсор», желателен из программы по борьбе с домашним насилием, который будет следить за расходованием выделенных средств. «Программа поддержки женской независимости» переведет деньги на счет его организации, которая затем поможет мне распорядиться ими наилучшим образом.

Предполагалось, что так гарантируется целевое расходование стипендии, но сам процесс ее получения казался ужасно муторным.

– Проси пять тысяч долларов, – предложила Кристи, когда мы сидели над бумагами. – Худшее, что может случиться, – получишь меньшую сумму.

– Интересно, смогу ли я достучаться до них со своей историей, – сказала я больше себе, чем ей.

Она кивнула и ободряюще улыбнулась.

– Кстати, в Университете Монтаны потрясающий факультет писательского мастерства, – воскликнула она, переворачивая страницу. – Кажется, один из лучших в стране.

– Знаю, – ответила я. – Я собиралась туда поступать, прежде чем забеременела.

Я постаралась скрыть разочарованные нотки в своем голосе. Это было до того, как у меня появился ребенок. Прежде, чем мне потребовался стабильный доход и медицинская страховка. Прежде, чем мне пришлось думать не только о собственном будущем, но и о будущем дочки.

– Диплом по искусству и литературе – это не особо практично, – заметила я, и Кристи едва не расхохоталась, но потом заметила слезы у меня на глазах.

Я, тем не менее, не хотела, чтобы она и дальше меня поощряла. Не хотела снова слышать про поездку в Миссулу. Эти мечты казались чересчур грандиозными. Они напоминали мне времена, когда я сидела за кухонным столом и смотрела, как Мия ест, а сама пила кофе, чтобы подавить голод. Моя тяга к Миссуле была слишком сильной, даже мечты причиняли боль.

– Только представь, как Мия будет ценить то, что ты хотя бы попыталась, – сказала Кристи, вкладывая в свой голос максимум убедительности.

Миссула меня не отпускала. Она всплывала в разговорах чуть ли не со всеми, с кем меня сталкивала судьба. Это происходило уже много лет, но теперь я стала обращать на такие вещи внимание. Позволила себе слышать ее зов.

К несчастью, не отпускали меня и другие события. Не все в нашей жизни налаживалось, и многое снова валилось мне на голову, когда я молила о передышке. Новая квартирная хозяйка, Элис, оказалась моей

самой сложной клиенткой. Несколько недель я по двенадцать часов трудилась у нее в доме, стараясь убрать все так, чтобы ей не к чему было придрасться. Она вела меня на кухню и показывала места, которые я пропустила. Я должна была использовать ее собственные тряпки и салфетки, но она сильно разозлилась, когда я оставила их для стирки в ее стиральной машине.

– Ты должна сама их стирать, – сказала она после того, как позвонила по телефону, попросила подойти в их дом и ткнула в тряпки пальцем. – Так ты только создаешь мне дополнительную работу.

Я хотела сказать, что в обычных обстоятельствах такое поведение со стороны клиента было бы крайне странным, даже неприемлемым. Вместо этого мне пришлось вытащить тряпки из машины и отнести стираться в гараж. На следующий день, чистые и высушенные, они стопкой лежали у нее на крыльце.

Также Элис начала обвинять меня в том, что я обманываю их насчет рабочих часов, которые трачу на прополку участка. Раньше я с таким ни разу не сталкивалась. На меня никогда не жаловались. Ни разу с тех пор, как я отмывала трейлер рядом с домом Босоногого Грабителя.

Как-то после обеда Элис позвонила и снова вызвала меня на беседу к себе в дом. Я уже знала, о чем пойдет речь. Она сказала, что я не выполняю своих обязательств по контракту, что я плохо убираю, и она разрывает наши договоренности.

Я кивнула, развернулась и ушла. Вернувшись к себе в квартиру, я огляделась по сторонам. Это казалось мне невозможным, но теперь квартирная плата удваивалась. Потрясенная, я молча смотрела на бухту. В груди все завязывалось узлом.

– Эй, ты как? – спросил меня Курт вечером, когда мы стояли с ним возле детского спортивного комплекса у них во дворе. – Элис сказала, что ты едва не плакала, когда вы с ней говорили.

– Просто получила плохие новости, – сказала я, глядя в землю.

Он кивнул.

– Мда...

Курт качал свою младшую дочь на качелях.

– Естественно. Элис сильно переживает, потому что ее увольняют.

Его слова пронзили меня словно током. Теперь я понимала, почему она уволила меня. Дело было не в моем непрофессионализме. Она меня выгнала, потому что больше не могла себе позволить такой обмен или просто хотела сэкономить деньги, ну и заодно сорвать на мне злость. В этот момент она как раз подъехала к дому со старшими детьми, которые бросились здороваться с Мией. Я посмотрела, как они втроем побежали к велосипедам, хохоча и толкаясь. Подумала о нотариально заверенном договоре. Если я обращусь к адвокату, чтобы сохранить бартер, все закончится юридическим разбирательством, на которое у меня нет денег. Я лишусь остатков дружбы, в которой нуждается моя дочь, чтобы и дальше играть с их детьми. Нет, вступать в борьбу было нельзя.

– Я не смогу платить за квартиру, если не получу стипендию, – сказала я Кристи на нашей следующей встрече, объяснив предварительно, что у нас произошло.

– Ты ее получишь, – ответила она, как будто уже знала об одобрении, но должна была пока держать его в секрете. Пакет документов разросся чуть ли не до пятидесяти страниц. Но я еще ждала несколько рекомендательных писем.

– Ты подумала про Миссулу?

Я подумала. Да. Поведение Джейми становилось все более непредсказуемым, отчего я начала волноваться за Мию. Она пробыла у него неделю, пока у меня заканчивался весенний семестр, и вернулась на пару фунтов легче. Перед отъездом я сводила ее к врачу по поводу сильного насморка, а по возвращении нам пришлось идти к нему снова, потому что болезнь усилилась. Для ее веса потеря двух фунтов значила очень немало. Она снова писалась в постели, и я не могла понять, почему. Такого не случалось уже много месяцев.

Джейми теперь жил на лодке, и Мия, навещая его, тоже ночевала там. Ни он, ни Мия не умели плавать. Я страшно боялась, что она свалится с лодки или с причала, без спасательного жилета, где-нибудь в темноте. Боялась, что она вернется совсем неузнаваемой, проведя столько времени с ним. Каждый раз, когда я звонила, в трубке слышались мужские голоса. Когда я спрашивала, знает ли она имена папиных друзей и где находится сам папа, она отвечала только, что они сейчас на лодке. Забирая ее, я чувствовала себя так, будто осуществляю спасательную операцию.

Я рассказала Кристи обо всем – о своей хозяйке и о зове Миссулы. Осенью у меня будет много учебы, но летом – всего два предмета. На мне по-прежнему висел студенческий заем, из которого я платила за жилье, но теперь арендная плата выросла вдвое. Пока я работала в качестве волонтера, Мия находилась в детском саду.

После того, как Элис меня уволила, я два дня просидела над расчетами бюджета, понимая, что не смогу оплатить июньские счета, прежде чем получу часть студенческого займа, выделяющуюся на летний семестр. Я нашла еще один грант, предоставляемый колледжем, чтобы выплатить часть июньской ренты – так называемый «домашний грант», предназначенный для женщин с детьми, которым нечем платить за жилье. Даже ваучеры на бензин от департамента здравоохранения и социального обеспечения на сумму всего в двадцать долларов имели для меня большое значение.

Каждый раз, проверяя почту, я задерживала дыхание. День за днем в ящике оказывались только счета и рекламные проспекты – ничего от комитета по стипендиям. Месяц тянулся бесконечно. Если мне не дадут стипендию, нам придется выезжать из квартиры. Но если дадут, то у нас будет более чем достаточно средств, чтобы остаться. Чтобы не думать о ней постоянно, я старалась больше гулять с Мией по пляжу и паркам. Мы много времени проводили с Куртом и старшими девочками, бродя по берегам бухты, где они дружно валялись в песке. Когда Мия была у отца, я пряталась у себя в квартире, читала или делала домашние задания, наслаждаясь солнышком через открытые окна.

Как-то в выходной я вытащила с полки *Алхимика*. На эту короткую книгу у меня ушло два дня, потому что практически на каждой странице я что-то подчеркивала для себя, перечитывала и обдумывала, уставившись в окно. Мама подарила мне ее после того, как я переехала обратно в Вашингтон с Аляски. Она сказала, что это история про то, как человек ищет свою судьбу, а оказывается, что она всегда была с ним рядом. При этой мысли я поморщилась. Конечно, северо-запад штата Вашингтон казался волшебным краем, когда светило солнце, и на 20-м шоссе, где оно проходит через перевал Десепшн, были участки, на которых я знала каждое дерево. Но на этом мое родство со здешними местами заканчивалось. Я не чувствовала себя тут дома. Ни сейчас, ни вообще в жизни.

Сюжет *Алхимика*, этой личной легенды, произвел на меня большое впечатление. Вот уже двадцать пять лет как я сама хотела стать писателем.

– Думаю, я готова туда съездить, – объявила я Кристи на нашей следующей встрече.

По дороге домой из детского сада мы с Мией подпевали Полу Саймону, «Бриллианты на подошвах ее туфель». Я улыбалась, когда дочка смешно путала слова. Этот альбом мы крутили в машине уже несколько недель – когда возвращались из сада или отправлялись на прогулки по выходным. Традиция подпевать ему заменяла у нас традицию съесть по пути домой порцию мороженого.

Я свернула на нашу дорогу, и Мия спросила, можно ли ей будет поиграть с девочками.

– Подожди минутку, – сказала я, притормаживая у почтового ящика. Я старалась не заглядывать туда слишком часто. Очень уж обидно было видеть, что ящик пуст.

– Мия! – воскликнула я, вытаскивая оттуда конверт. Большой официальный пакет с документами и знакомым адресом. Я открыла его и заглянула внутрь.

Разноцветные конфетти, высыпавшиеся из конверта, пестрели на полу в нашей квартире. Мою кандидатуру одобрили на получение стипендии! Мия начала подбирать конфетти ладошками. Мне не только выделили 2000 долларов на осенний семестр, но добавили 1000 на летний. Нам не надо было переезжать, более того – у нас появлялся запас средств, чтобы устроить каникулы между летним и осенним семестрами. То есть отправиться в Миссулу.

Строчка из *Алхимика* вспыхнула у меня в мозгу: *Когда чего-нибудь сильно захочешь, вся Вселенная будет способствовать тому, чтобы желание твое сбылось.* С деньгами от стипендии я смогу подкопить средства от зарплаты, отремонтировать машину и проехать через два горных перевала, чтобы увидеть город, о котором многие мои любимые писатели с восторгом рассказывали в своих романах.

Мы дома

Где-то в окрестностях Спокана, на Шоссе-90, я вдруг выехала на абсолютно гладкую равнину: не было ничего ни впереди, ни позади, ни по сторонам. Коричневая трава, выжженная солнцем, дрожала на ветру, борясь за выживание. Фермеры возили по полям большие металлические поливалки, чтобы у скота было где пастись. На двухрядной трассе с разделительной полосой посередине какая-то девушка на «Субару» обогнала меня слева. Я заметила у нее на заднем сиденье и в багажнике коробки, корзины и большие мешки. Я же ехала налегке, лишь с парой старых армейских рюкзаков, где лежали недавно купленные футболки да несколько шортов.

У нас обеих вся жизнь была впереди – и у меня, и у девушки на «Субару». Может, она ехала в Миссулу учиться в колледже – как давным-давно собиралась сделать я, прежде чем разорвала свое заявление, – но на этом сходство между нами, пожалуй, заканчивалось. Я представила себе, как сама ехала бы так пять лет назад, подпевая какой-нибудь песенке по радио. Представила, что она – это я.

Я отогнала эти мысли и нажала на педаль газа, нагоняя ее, нагоняя мой собственный призрак. Поездка в Миссулу означала для меня не только осуществление мечты, это был еще и поиск места, которое мы сможем называть домом.

Когда я приехала, уже в сумерках, улочки Миссулы все еще пульсировали от жары летнего дня. Я вылезла из машины и встала на тротуаре, вертя головой по сторонам, и тут мимо меня прошли две девушки чуть за двадцать, кивнули мне и улыбнулись. Одна из них пела. Вторая играла на укулеле. Обе были в длинных развевающихся юбках и сандалиях. Они напомнили мне девчонок, с которыми я встречалась на вечеринках в Фэрбенксе. Эдакие хиппи, не интересующиеся косметикой, зато умеющие разжигать костер и не боящиеся испачкать руки, копаясь в саду. Я скучала по таким людям. По моим людям.

В первое утро я отправилась бродить по городу, ощущая, как солнце начинает пощипывать мне плечи. Трава была сухой, и на ней было приятно посидеть, в отличие от вечно влажных газонов в

Вашингтоне. Возле кампуса я устроилась почитать книгу в тени гигантского клена. Лежа на спине, я глядела на солнце через его резную листву. Я провела там почти весь день, любуясь окружающими холмами и горами, слушая речку, бежавшую под пешеходным мостом. Вечером я обнаружила в центре города парк. На лужайке стояли палатки с уличной едой. Люди сидели на траве и на скамейках. На эстраде играл оркестрик. Я уже не помнила, когда в последний раз чувствовала себя такой счастливой, когда позволяла себе расслабиться и впустить в душу музыку. Я бродила по парку с рассеянной улыбкой, пока не заметила, что, как ни странно, все вокруг улыбаются тоже.

После нескольких лет без друзей, рассорившись с семьей, лишившись знакомых, во временном жилье с черной плесенью, после своей работы уборщицей-невидимкой в чужих домах, я жаждала напитаться добротой. Я мечтала, чтобы люди меня замечали, заговаривали со мной, принимали меня. Я изголодалась по всем этим вещам, как никогда в жизни. Миссула открыла это во мне. Внезапно мне захотелось общения. Захотелось дружбы. И мое желание казалось вполне естественным, потому что, пока я бродила там, возможности представлялись на каждом шагу. Большинство местных улыбались мне из-под своих шляп с контурами штата Монтана или кодом 406. Утром, завтракая в маленьком кафе, где все столики были забиты, я насчитала шестнадцать пар сандалий «Чако», включая мои собственные. Увидела женщин, не стеснявшихся растительности на теле. Множество людей с татуировками. Мужчин, которые носили младенцев в рюкзаках и слингах. Наткнулась на старых друзей из Фэрбенкса. Никогда еще ни одно место не раскрывало мне вот так своих объятий. А я пробыла там всего лишь сутки.

Сама того не зная, я приехала в один из лучших летних уикендов. В городе проходил фестиваль «Ривер Сити Рутс»^[3]. Главную улицу закрыли для автомобилей. На ней торговали окрашенными вручную футболками, керамикой, картинами, деревянными медведями, выпиленными из чурбачков. Множество людей, расположившись на раскладных стульях, слушали выступления музыкальных групп, продолжавшиеся день напролет. На боковых улочках выстроились грузовички с угощением, а посреди площади открылась пивная. В Миссуле любили повеселиться.

Так оно и продолжалось. Каждый день я отправлялась на прогулку по городу. Забиралась в горы. Бродила по укромным тропкам, слушая, как в зарослях трубят олени. Спускалась вдоль ручьев, сбивая ноги на острых камнях. Один раз, оказавшись в долине за городом, потная и измученная жаждой, я на пару минут заблудилась, сбившись с дороги, по которой пришла. Мне хотелось есть, хотелось пить, но в то же время я была в полном восторге от того, что заблудилась, хоть и ненадолго, на просторах Монтаны.

Я влюбилась в этот край. Как Стейнбек. Как Дункан.

«Я переезжаю в Миссулу, – сообщила я Джейми по СМС. – Я должна переехать. Это чудесное место». С колотящимся сердцем я подождала, что он ответит, но ответа не последовало. Я уже представляла себе, что он наговорит Мие, чтобы она не захотела поехать со мной. Представляла, как он будет угрожать мне судом, лишением родительских прав. Именно эти страхи так долго заставляли меня откладывать путешествие. Но теперь я не просила у него разрешения; я просто уведомляла его. Каким бы наивным это ни казалось, я почему-то считала, что моя любовь к Миссуле и стремление дать Мие лучшую жизнь вытянут нас. Приведут нас сюда.

Джейми дал Мие позвонить мне на следующий день. Звонок раздался утром, когда я сидела на заросшем травой пригорке у Кларк-Форк-Ривер. У меня за спиной медленно кружилась карусель; рядом на площадке играли ребяташки. Я читала книгу, обдумывая заодно, что напишу в своем живом журнале.

– Привет, мама, – сказала Мия. На заднем плане слышался голос Джейми и его матери. Они подбадривали ее – «говори»! Наконец она выпалила: – Я не хочу переезжать в Монтану!

– О, детка, – воскликнула я, стараясь, чтобы мои слова напомнили ей наши объятия. Я так и видела, как Мия стоит посреди гостиной в доме своей бабушки, а Джейми, вздернув брови, прижимает трубку ей к уху, заставляя повторять фразы, которые они заранее отрепетировали.

– Мия, мне очень жаль, что тебе через все это приходится проходить, – сказала я, и Джейми забрал у дочки телефон.

Его голос представлял собой нечто среднее между рычанием и шепотом.

– Я скажу ей, что ты ее увозишь, чтобы мы с ней больше никогда не смогли увидеться, – грозил он. – Надеюсь, ты это понимаешь. Что ты ужасная эгоистка и тебе все равно, что она меня больше не увидит. Она поймет. Она возненавидит тебя за это.

Я попыталась представить себе большие темные глаза Мии, которыми она смотрела на него в этот момент, пока он говорил. Я знала, как Джейми выпядит, когда злится, как белые брызги слюны оседают у него на губах, обнажающих кривые зубы.

– Я хочу еще поговорить с Мией, – заявила я, не желая его слушать.

Когда Мия взяла трубку, голос у нее был счастливый.

– Ты купила мне розовые ковбойские сапоги? – спросила она, снова став собой прежней.

Я улыбнулась.

– Да. Как и обещала.

Я рассказала ей про магазин, в котором есть целый отдел розовых сапожек: там я нашла пару и для нее, а еще – мягкую игрушку, лошадку.

– И коробку для ланча с ковбоем!

Когда мы снова созвонились с ней два дня спустя, она показалась мне растерянной. Она не знала, где ее отец, хоть я и звонила на его телефон. До меня доносились взрослые мужские голоса и смех, но Мия сказала, что не знает, кто это такие. Я пожалела, что не взяла ее с собой, но в этом случае, думаю, мы вряд ли бы вернулись. Я представляла, как мы спешно подыскиваем себе жилье и пишем заявление о переселении в местном суде. Представляла, как проводим остаток лета, валяясь на солнышке, обходя местные холмы и реки.

Однако я впервые за последние пять лет вырвалась на каникулы и старалась выжать из них максимум. В субботу я отправилась на фермерский рынок. Там было множество ребяташек возраста Мии, в том числе девочек в растерзанных балетных пачках и со спутанными волосами. Я могла бы свободно гулять с ней, в майке с открытыми руками, не пряча своих татуировок, а Мия красовалась бы в пластиковых босоножках на каблуках и карнавальном костюме. Мы отлично вписались бы в местное общество. Никто не стал бы косо на нас смотреть, как постоянно происходило в Вашингтоне. Мия могла бы поиграть с этими малышками, карабкающимися на скульптуру

рыбы. Это мог бы быть наш дом. Эти люди могли бы стать нашей семьей. Я была в этом уверена.

По дороге домой я сидела в машине без музыки, слушая шум мотора. По мере приближения к Вашингтону у меня все сильнее теснило сердце, словно я еду не в том направлении. Все восемьсот километров пути события прошедших пяти лет прокручивались у меня в голове. Я видела, как Мия делает свои первые шаги в приюте для бездомных. Заново ощущала свою тревогу и отчаяние от того, что не могу дать ей надежный дом. Вспоминала все наши перипетии. Автомобильную аварию. Холодные ночи, когда мы спали на раскладном диване в студии. Возможно, автор *Алхимика* прав. Возможно, если сделать первый шаг по направлению к мечте, Вселенная поддержит меня на этом пути. Возможно, чтобы найти свой истинный дом, надо открыть свое сердце для любви. Я давно перестала думать, что дом – это красивый особняк на холме. Дом – это место, где тебя принимают. Это общество. Твой круг.

Несколько месяцев спустя, через пару дней после Рождества, с Мией на заднем сиденье я снова катила через горы к Миссуле.

– Видишь огоньки? – спросила я, приглушив радио и указывая на мигающие звездочки в долине. Я поглядела в зеркало заднего вида и увидела, что Мия в своем детском кресле качает головой.

– А где мы? – спросила она, оглядывая заснеженные холмы за окном.

Я сделала глубокий вдох.

– Мы дома, – сказала я.

После пяти лет постоянных переездов мы с Мией постепенно привыкали к оседлой жизни. Когда мы переселились, ее отец надолго куда-то исчез. Он не отвечал на телефонные звонки, не показывался в видеочатах, из-за которых мы столько спорили с ним, составляя план его общения с Мией. Я не знала, как объяснить дочери происходящее.

Мия начала от меня убегать: дома, в магазине, на тротуаре, на улице. Я хватала ее на руки, а она кричала и лягалась, и мне приходилось присаживаться на корточки, чтобы подобрать ее розовые резиновые сапоги, слетавшие с ног в разгар ее истерики. Я знала, что это естественная реакция на перемены, на разлуку с отцом, на то, что ее вырвали из привычной среды и переселили в другое место, где зима

удерживала нас в закрытом помещении большую часть времени с момента переезда. Ее поведение выходило за все возможные рамки, и я просто не знала, как с ней справиться. Мне казалось слишком опасным – взрывоопасным и утомительным, – брать ее куда-то с собой. Однажды утром мне надо было сделать два дела: заехать на почту и в магазин, купить тампоны. Мия два часа скандалила, отказываясь одеваться и обуваться, лягалась и кричала, и дралась со мной так, будто я пытаюсь топить ее под водой. У меня началась сильнейшая паническая атака, я упала на пол, пытаюсь сделать вдох, а Мия с довольным видом удалилась в свою комнату играть, радуясь очередной победе.

Однако все, как это обычно бывает, постепенно вставало на место. Я нашла работу – убирать в большом офисном здании, – и взяла пару частных клиентов. Как-то раз в приемной офиса мне попался журнал под названием *Mamalode*, и я отправила туда небольшой рассказ. Они его опубликовали, и я не могла насмотреться на свое имя на журнальной странице.

В том же магазине я нашла объявление о детском саде при местном спортивном центре. Мы переговорили с владельцами, и они согласились, чтобы вместо оплаты я убирала помещение сада. Одна из их служащих поселилась вместе с нами, взяв на себя часть арендной платы, а остальное компенсируя тем, что сидела с Мией, когда мне приходилось рано утром уходить на работу, пока дочь еще спала.

Как-то раз весной, окинув взглядом голубое небо за окном, Мия сделала заявление:

– Мама, мы должны пойти в поход.

Я сидела за кухонным столом в нашей квартире и ждала, пока она доест завтрак. Глаза у меня слипались от усталости. Обычно по выходным я наслаждалась возможностью подольше поспать и посидеть за чашкой кофе, прежде чем браться за домашние задания.

По этой причине мне не очень хотелось идти. Я слишком устала от постоянной борьбы с Мией, а поскольку с тех пор, как она ходила в сад, дочь убегала от меня почти постоянно, я не могла ей доверять. Но она смотрела таким умоляющим взглядом, и в глазах у нее был такой искренний восторг, как ни разу с момента нашего переезда. Это был первый по-настоящему жаркий, солнечный уикенд той весны, и он напомнил мне о магии, которую я ощутила, впервые приехав сюда в

августе. Я поднялась из-за стола и начала складывать протеиновые батончики и бутылки с водой в рюкзак.

– Пошли, – сказала я.

По-моему, еще никогда в жизни Мия так быстро не обувалась.

Университет Монтаны находится у подножия горы. Официально гора называется Сентинель, но местные называют ее «М», потому что на ее склоне есть огромная бетонная буква М, к которой ведет туристическая тропа. Многие месяцы я смотрела на нее, пока шла на занятия, и наблюдала за крошечными точками – людьми, карабкающимися на гору. Я завидовала им, но у меня всегда находились оправдания, чтобы не лезть туда самой.

Мы въехали на парковку у подножия. Несколько человек стояли у лестницы, ведущей к тропе. Они все были в специальной обуви для пробежек или походов, пили воду из бутылок и выглядели идеально экипированными для восхождения.

– Ладно, – сказала я, разплаживая ладонью шорты и уже сожалея о своем решении надеть сандалии. – Как высоко мы пойдем?

– До самой буквы «М», – заявила Мия, как будто это был сущий пустяк. Как будто это не цель, которую я поставила себе, когда приехала в город в первый раз. Как будто подъем к «М» не означал карабкаться на высоту полтора километра.

Когда мы начали подъем, я думала, что мы кое-как дойдем до полпути, потом Мия устанет, и все закончится тем, что я на закорках буду тащить ее до машины. Однако она бодро шагала вверх, минуя на каждом повороте тропы туристов, присевших на скамейки отдохнуть и полюбоваться видом.

Не веря своим глазам, я смотрела, как моя пятилетняя дочь карабкается в гору в своей юбке и сандалиях с Человеком-Пауком и с игрушечным жирафом, закрученным вокруг шеи. Она бежала так быстро, что обгоняла других туристов и потом дожидалась, пока я ее догоню. Я же едва дышала и обливалась потом. Это была, пожалуй, самая тяжелая моя прогулка за последние годы. Я кричала Мие, чтобы она остановилась, волнуясь, что она может залезть на букву «М» и соскользнуть с ее бетонной поверхности или просто свалиться с края. Тропа и горы были такие крутые, что я ничего не видела вверху. Временами передо мной мелькала Мия, крепко стискивавшая свои маленькие кулачки. Мои тоже были сжаты.

Когда мы добрались до конца тропы, то уселись на верхушке буквы «М» и несколько минут наслаждались видом, пока Мия не поднялась на ноги и не объявила, что пора идти дальше. Я последовала за ней, потрясенная тем, что она готова продолжать путь. Она была полна решимости добраться до вершины и на пути останавливалась разве что посмотреть на муравейник или нору суслика. Я заставила ее попить воды и съесть черничный протеиновый батончик. Потом мы снова пошли.

На вершину Сентинеля ведут несколько путей, но мы выбрали тропинку, петляющую по боковому склону. Хотя он и не такой крутой, как другие, добраться до самой вершины нелегко даже по нему. Мне приходилось отдыхать каждые шагов десять или около того. Мия пару раз останавливалась вместе со мной. Может, дело было в эндорфинах, а может, в ярком солнце, но у меня от счастья кружилась голова. Я понимала, что Мие последние шаги к вершине тоже даются нелегко. Она видела, насколько я устала.

На вершине она подняла руки над головой и засмеялась. Я сделала несколько фотографий: как она танцует на горе высоко над городом. Над нашим домом. Мы сели на обрыве, откуда открывался вид на Миссулу. С нашего места здания казались крошечными кукольными домиками, а машины – блестящими точками. Я сидела, составляя в голове визуальную карту города: Миссула была такой большой, занимала столько места у меня в уме и в сердце, что странно было видеть ее сверху целиком.

Прямо у подножия находился кампус, куда я ходила на занятия и где через два года на глазах у Мии мне на сцене вручат диплом бакалавра филологии и писательского мастерства. С горы я видела лужайки и деревья, где лежала, когда приезжала сюда на каникулы и мечтала стать студенткой. Видела нашу квартиру, парки, где мы гуляли, центр, к которому мы с Мией пробирались зимой по обледеневшим тротуарам. Видела реку, лениво змеившуюся через весь город.

Мия сама прошла весь путь назад до машины. В закатном солнце ее кожа казалась оранжевой. Пару раз во время спуска она покровительственно оглядывалась на меня. «Мы это сделали», – говорили ее глаза. Преодолели тяжелый путь на гору и тяжелый путь к лучшей жизни.

Хотя, по-моему, это одно и то же.

Благодарности

Эта книга появилась на свет благодаря матерям-одиночкам. И я рада, что могу заявить об этом вслух. Потому что матери-одиночки – храбрые, мужественные, стойкие, отважные и сильные. И в жизни, и в любви. Я испытываю безграничную благодарность к матерям-одиночкам, которые помогли мне написать эту книгу и которые любили ее с самого начала. Это:

Дебби Вейнгартен, настоящий магистр дружеских отношений, которая прочитала кучу жутких черновых набросков к книге (и начальный синопсис) и сразу же отвечала на мои бесконечные испуганные и радостные СМС. Келли Сандберг, которая ласковым голосом успокаивала меня в моменты страха, прочно укоренившегося у меня в голове. Бекки Марголис, лучшую соседку, слушательницу и спутницу для поздних ужинов, которую Мия называет своей «второй мамой». Андреа Гевара, чья способность видеть людей насквозь меня просто поражает. И, наконец, Кришан Тротман, моя потрясающая редактор в издательстве «Nachette». Эта книга состояла бы из сплошных «а потом» и «тут вдруг» без ее осторожного, вдумчивого и на редкость глубокого редактирования. Спасибо за то, что вложила в нее свою душу. Никто не справился бы с этой задачей лучше тебя.

Я благодарю Джеффа Клейнмана, лучшего из лучших – агента мечты. Ты даже не представляешь, как наслаждалась я твоими электронными письмами и СМС, полными восклицательных знаков.

Спасибо моим учителям: мистеру Бердсэллу, учившему меня в четвертом классе начальной школы «Сценик-Парк» в Анкоридже, штата Аляска, за то, что выявил во мне писателя. Дебре Мэгпай Эрлинг, за слова о том, что мои «Признания домработницы» достойны превратиться в книгу, сказанные с такой убедительностью, что они стали для меня пророчеством, которому непременно суждено осуществиться. Спасибо, что поддержали во мне рассказчицу. Также я благодарю Барбару Эренрейх, Марисоль Белло, Лайзу Дрю, Коллина Смита, Джуди Блант, Дэвида Гейтса, Шервина Бицуи, Кэти Кейн, Уолтера Крина, Роберта Стаблфилда, Эрин Сэлдин, Криса Домбровски и Элке.

Говертсен за то, что терпеливо руководили мной на писательском пути, поддерживали и наставляли.

Спасибо моим дочерям, моему смыслу жизни. Коралин, твоя дивная улыбка и нежные объятия помогли мне продержаться в долгие дни написания и редактирования этой книги. Мия, моя сладкая девочка, Эмилия! Спасибо, что сделала меня мамой. Спасибо, что прошла со мной этот путь. Спасибо, что верила в меня. И особое спасибо за то, что всегда, всегда сохраняла способность оставаться собой и никем другим. Мою грудь переполняют любовь и обожание к вам обеим, и я люблю вас сильнее с каждым днем.

Я благодарна всем, кто меня читал и поддерживал в последние годы. Тем, кто на моей стороне. Тем, кто зависит от нашей порочной системы правительственной поддержки и живет в безнадежном отчаянии бедности. Тем, кого растили матери-одиночки, и тем, кто сам в одиночку растит детей. Спасибо, что постоянно напоминали мне, как важно, жизненно необходимо поделиться этой историей. Спасибо, что сейчас держите в руках эту книгу. Спасибо, что прошли со мной этот путь.

Спасибо, что и сейчас идете со мной.

Примечания

1

Американская государственная программа медицинской помощи нуждающимся. По ней помощь оказывается лицам, имеющим доход ниже официальной черты бедности.

2

Жаропонижающее на основе парацетамола.

3

River City Roots Fest, бесплатный двухдневный музыкальный фестиваль. Является достопримечательностью штата Монтана.